

Бертрис
СМОЛЛ

СКАЙ О'МАЛЛИ

Бертрис Смолл Скай О`Малли

Серия «Сага о Скай О`Малли», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=130885

Скай О`Малли : [роман; пер. с англ. А.А. Соколова] / Бертрис Смолл.:

АСТ; Москва; 2022

ISBN 978-5-17-150261-4

Аннотация

«Золотой век» Англии – эпоха великой «королевы-девственницы» Елизаветы I.

Бороздят моря пиратские и торговые корабли. Кипит жизнь в городах, где наживаются и рассыпаются в прах состояния. Наводняют Европу хитроумные шпионы. Плетутся при дворе изощренные интриги...

Таков фон, на котором развивается история Скай О`Малли – сильной и независимой ирландской красавицы, прошедшей путь от бесправной юной жены до бесстрашной предводительницы «джентльменов удачи» и строительницы гигантской купеческой империи. История ее браков и детей, ее опасных приключений, вражды с самой королевой и единственной настоящей, большой и трудной любви.

Содержание

Пролог	5
Часть 1	12
1	12
2	40
3	64
4	90
5	103
6	128
7	156
Часть 2	172
8	172
9	196
Конец ознакомительного фрагмента.	206

Бертрис Смолл Скай О'Малли

*Памелле Стриклер и Жану Де Вризу с любовью.
Вы понимаете людей почти так, как и я...*

Bertrice Small
SKYE O'MALLEY

Перевод с английского А.А. Соколова

Печатается с разрешения издательства Ballantine Books, an imprint of The Random House Publishing Group, a division of Random House, Inc. и литературного агентства Nova Littera.

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается

© Bertrice Small, 1980

© Перевод. А.А. Соколов, 1994

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

Пролог

– Как это, черт возьми, она не сможет больше иметь детей? – возмущался Дубхдара О’Малли, обращаясь к брату. Глава клана О’Малли был крупным мужчиной шести футов ростом, руки и ноги которого напоминали толстые ветви дерева, со смуглым загорелым лицом, цепкими глазами и копной черных, чуть тронутых сединой волос. – Ведь вы, священники, вечно твердите, что цель брака – продолжение рода. Я поступал согласно воле церкви: у меня есть от нее дети, но не осталось в живых ни одного сына! И теперь ты заявляешь, чтобы я остановился на этом. Я вовсе не уверен, что ты сможешь добиться расторжения моего брака, чтобы я смог жениться на молодой здоровой женщине со свежей кровью. Тьфу! Да меня просто от тебя тошнит!

Отец Симус О’Малли, выглядевший почти как близнец Дубхдары, но не такой смуглый, смотрел на брата с сочувствием и пониманием. Он переживал за него, но был не в состоянии помочь – жена Дубхдары больше не могла беременеть. Повивальная бабка была в этом абсолютно уверена. Ребенок отнимет жизнь леди О’Малли, и это окажется просто убийством.

Священник тяжело вздохнул:

– Вы женились десять лет назад, и за это время Пегги десять раз была на сносях. Три раза у нее был выкидыш, а по-

следние роды чуть не убили ее.

Гримаса боли и горечи исказила загорелое лицо О'Малли.

– Да, – ответил он, – трижды она выкидывала, и все это были мальчики. А единственный сын, которого она смогла родить, едва дожил до крещения, упокой Господь его душу. Ну и с чем же я остался? С девчонками! С шестью девчонками! Пять из которых на лицо такие же простушки, как и их мать. Проклятье! Я думал, что на этот раз...

Он сердито расхаживал по комнате, нимало не считаясь с тем, что его слова могут быть услышаны полумертвой, плачущей от жестокого разочарования женщиной, лежащей тут же. Как она молилась о сыне! Постилась, раздавала милостыню бедным. И каков же результат ее благочестия? Еще одна девочка и сознание, что теперь она никогда уже не сможет рожать и принести мужу сына.

Не обращая на нее внимания, Дубхдара закипал все больше и больше:

– Ну почему, Симус, она не может родить мне сына? Почему? По всей округе у меня полно здоровых дочерей и сыновей, а моя собственная жена приносит одних дочерей. Хоть бы уж Бог сделал так, чтобы она умерла и дочь вместе с ней!

– Да простит тебя Господь, Дубхдара! – вскричал Симус О'Малли, пораженный до глубины души.

Брат пожал плечами:

– По крайней мере, я мог бы начать все сначала. Но подожди, Симус. Увидишь, она еще меня переживет! Ну нет, я

не останавлиюсь. Мне нужен законный сын! Нужен!

– Если Пегги забеременеет и умрет, я настояю, чтобы церковь прокляла тебя, Дубх. Я еще раз говорю – еще один ребенок убьет твою жену. Акушерка сказала, что она почти истекла кровью. Но малютка, слава богу, здорова и достаточно крепка.

Брат насмешливо ухмыльнулся.

– Каким именем мы окрестим ее? – продолжал священник.

О’Малли минуту подумал:

– Назовем ее Скай, – ответил он. – Это место, откуда произошла ее мать. А крестной будет старшая сестра Муар.

– Но нужен и крестный отец.

– Ты и будешь ее крестным отцом, Симус. Шесть дочерей – это уж слишком, чтобы каждую снабдить приданым, и Скай О’Малли я отдаю церкви: церковь требует меньше. И вполне разумно, чтобы крестным отцом будущей монахини был священник.

Удовлетворенный, Симус О’Малли кивнул. Давно пора одну из дочерей брата отдать церкви. И только теперь он внимательно взглянул на маленькую племянницу и тут же понял, что эту дочь брат не отошлет в монастырь. Пять ее старших сестер, как и заметил Дубх, не отличались красотой. Тусклыми коричневатыми волосами и белесыми серыми глазами они напоминали воробьев.

А эта дочь походила на райскую птицу. Ее кожа была чи-

стой, как жасмин, глаза – ярко-голубые, как озера в Керри¹, а на головке курчавились черные, как у отца, волосы.

– Нет, Скай, – прошептал про себя Симус О’Малли, – ты не предназначена для монастыря!

Он улыбнулся ребенку. Если девочка оправдает ожидания, ее красота не оставит равнодушным какого-нибудь могущественного человека. А церковь с радостью примет одну из дурнушек О’Малли.

На следующий день Скай О’Малли крестили в домашней часовне. Мать, все еще слабая после родов, не смогла присутствовать, зато там были все ее пять старших дочерей. Старшая среди девочек десятилетняя Муар стала крестной матерью новорожденной. С обожанием глядели на сестру девятилетняя Пегги, семилетняя Брайд, четырехгодовалая Эйблин и полуторагодовалая Сайна.

Когда Симус О’Малли лил святую воду на голову новорожденной, Скай не закричала, как того требует поверье, гласящее, что с криком из ребенка исходит дьявол, но вместо этого, к ужасу присутствующих, издала звук, очень похожий на хихиканье. И тут Дубхдара О’Малли впервые с интересом взглянул на младшую дочь.

– Ты не боишься воды? – усмехнулся он. – Что ж, она настоящая О’Малли. Быть может, я и не отдам тебя церкви, Скай. Что скажешь на это, брат Симус?

Священник улыбнулся в ответ:

¹ Керри – графство в Ирландии.

– Думаю, не отдашь. Может быть, больше подойдет другая, в ком пробудится истинное призвание. Время покажет, Дубх. Время покажет.

О’Малли принял у брата дочь и взял на руки. Поразиительно сияющими глазами, черными волосами до плеч и густой черной бородой он удивительно напоминал пирата. И впрямь, его похождения на море мало отличались от пиратства. Но суровая внешность отца не напугала дочь. Девочка что-то довольно проворковала, потом закрыла глаза и уснула.

Все так же держа дочь на руках, О’Малли вышел из часовни, а за ним брат и пять девочек. Связь между отцом и дочерью была установлена. И когда у Пегги не пошло молоко, он сам подобрал кормилицу – пышущую здоровьем привлекательную деревенскую девушку, чей незаконный ребенок запутался в пуповине и задохнулся, так и не увидев белого света.

Через полгода Дубхдара О’Малли отправился в море и покинул Ирландию на несколько месяцев. К ярости брата-священника, он взял с собой младенца и ее кормилицу Мегги.

– Ты позоришь семью, Дубхдара! – кричал Симус. – Что люди скажут о Мегги? Даже если это и не так уж и важно, ты ведь подвергаешь ребенка опасности! Я не позволю причинить вред Скай! – ревел любящий дядя.

– Угомонись, Симус, – рассмеялся О’Малли. – Никаким опасностям я не подвергаю Скай. Как-то она уже весь день

плавала со мной, и ей нравится мой корабль. Что же до Мегги, то опасность для Скай как раз в том, что я не возьму ее с собой. Ее молоко для девочки лучше козьего, а другого для нее я найти не смогу.

– И ты станешь отрицать, что будешь крутить с Мегги любовь?

– Не стану. Ты же знаешь, я люблю жить со всеми удобствами.

Священник в отчаянии воздел руки к небу. С братом он ничего поделать не мог – Дубх был одним из самых чувственных мужчин, каких он только знал. Одно было хорошо: в ближайшее время Пегги, наконец, сможет отдохнуть от неумных ласк мужа.

Летом 1541 года О’Малли из Иннисфаны отплыл в западные моря из своего замка на острове Иннисфана. Это плавание стало первым из многих последующих путешествий Скай. Свои первые шаги она сделала по уходящей из-под ног палубе отцовского корабля, ее маленькие детские зубки оставили отметины на корабельном штурвале. И в то время, как кормилица Мегги, лежа на койке, страдала от морской болезни и молила бога о том, чтобы они не утонули, Скай О’Малли хлопала пухлыми ручонками и смеялась, ничуть не боясь больших волн.

Ребенок становился девочкой, девочка – девушкой. Дубхдара О’Малли был полновластным хозяином морей вокруг Ирландии. У него было много кораблей и сотни людей, под-

чинявшихся только ему. Вскоре дочь стала его признанной наследницей и любимицей грубых моряков. Они баловали и портили ее. Девочка почти не знала и не имела ни времени, ни терпения вести такую глупую жизнь, как вели ее сестры.

Весной 1551 года мать Скай умерла. Вскоре дядя Симус настоял на том, чтобы девушка осталась на берегу и стала учиться вести хозяйство. Мужу будет нужно, чтобы она умела готовить еду, шить, ткать полотно, а не управлять кораблем в тумане. О'Малли нехотя согласился и отослал Скай на Иннисфану.

Скай совсем не понравилось, что ее оторвали от любимого моря. С первого же дня ее пребывания в доме жизнь старших сестер стала невыносимой. Вскоре Скай поняла, что Дубхдара О'Малли не отступит от принятого решения, и ей придется научиться искусству быть женщиной. Девушка преуспела в этом, и, когда выдавали замуж Сайну, следующую по старшинству сестру, она все знала и умела. Но хотя Скай умела теперь вести хозяйство и научилась хорошим манерам, характер у нее остался прежним – необузданным и строптивым. О нет, послушным был кто угодно, но только не Скай О'Малли!

Часть 1

Ирландия

1

Шел 1555 год. Стоял великолепный летний день. Под бездонным сияющим голубым небом раскинулись зеленые утесы острова Иннисфана и устье бухты О'Малли. Держалась «английская» погода, как называли ее жители-ирландцы, – единственно английское, что вызывало их одобрение. Дул легкий бриз, и в небе над головами взмывали вверх и падали к воде чайки и крачки – их неистовые крики спорили с грохотом прибоя.

Вдали на горизонте возвышался замок О'Малли – башни и стены из серого дикого камня. Он царил над округой, а из каждого окна открывался вид на море. Вокруг шел широкий ров, а над ним – вот уж неожиданность – розарий, посаженный покойной женой О'Малли. После ее смерти за садом ухаживала новая госпожа О'Малли. Теперь в пору цветения в нем буйствовали желтые, розовые, красные и белые цвета – превосходная декорация для свадьбы младшей дочери хозяина замка.

В главном зале дома старшие сестры Скай судачили со

своей симпатичной мачехой, вышивая невесте приданое. Давно они уже не собирались вместе – каждая имела свой дом, и встречались сестры только по особым случаям.

Они остались такими же похожими друг на друга, как в детстве. Среднего роста, упитанные, с пышными формами, они были созданы, чтобы согреть холодными ночами мужчин. У всех была светлая кожа, щеки цвета персика и длинные прямые светло-каштановые волосы. Ни одну из них нельзя было назвать красивой, но и уродиной тоже.

Старшей, Муар, было двадцать пять, и уже двенадцать лет она была замужем, родила девятерых детей, из них семь сыновей. Отец любил ее. Двухлетнюю Пегги за десятилетнюю замужнюю жизнь стала матерью девятерых сыновей, и отец любил ее даже больше, чем Муар. Брайд, двадцати одного года, за восьмилетнее замужество родила лишь четверых и только двух сыновей. Поэтому Дубхдара ее только терпел и постоянно поощрял к большей плодовитости.

– Ты больше, чем другие, похожа на мать, – то и дело мстительно повторял он дочери.

Восемнадцатилетняя Эйбхлин, единственная в семье, хотела посвятить себя Богу, но была настолько тиха, что о ее благочестии так никто и не догадался бы, если бы ее суженый не погиб от кори, когда девочке исполнилось двенадцать. В то время, как О’Малли раздумывал, кем бы заменить жениха для своей четвертой дочери, Эйбхлин попросила разрешения уйти в монастырь. Она и впрямь стремилась к подобной

жизни. И поскольку при разговоре присутствовал дядя Симус, Дубхдара О'Малли был вынужден согласиться. В тринадцать лет девочка ушла в монастырь, а совсем недавно дала последние обеты.

Сайне О'Малли Батлер исполнилось шестнадцать. Уже три года как она была замужем, родила сына и, хотя теперь была на восьмом месяце, не пожелала пропустить свадьбу Скай.

Замужние сестры носили длинные шелковые платья простого покроя с глубоким вырезом и рукавами колоколом. Муар оделась в сочное темно-синее, Пегги – красное, Брайд – фиолетовое, Сайна – золотисто-желтое. Платья у всех сестер были украшены изящными кружевами.

Темным пятном выделялась лишь Эйбхлин. Ее черный с головы до пят балахон оживлял только белый квадратный накрахмаленный нагрудник, в центре которого располагалось черного дерева, отделанное серебром распятие. Выше пояса монахиня носила плетеный шнурок, концы которого ниспадали на подол. На одном из них было три узла, что символизировало Святую Троицу, на другом такие же три узла обозначали бедность, непорочность и послушание. Как будто для контраста сестры повязали вокруг пояса золотые и серебряные цепочки, прикрепив к ним четки, коробочку для иголок, зеркальце или просто связку ключей.

Во главе собрания восседала вторая жена Дубхдары О'Малли – Анна, ровесница своей падчерицы Эйбхлин и, как ее

другая падчерица Сайна, беременная четвертым ребенком. Анна была привлекательной женщиной с каштановыми вьющимися волосами и живыми карими глазами. Ее любили за доброту и отзывчивость. На ее плотной фигуре ловко сидело бордовое платье, а на груди красовалась двойная нитка белоснежных жемчужин. Никто из дочерей О'Малли не возмущался второй женитьбой отца, все они любили Анну, да ее и нельзя было не любить.

Девять лет после рождения Скай Дубхдара О'Малли следовал советам брата и не трогал жену. Он совсем не хотел послужить причиной смерти Пегги. Жена оправилась, поздоровела и даже расцвела. Однажды вечером Дубхдара вернулся из длительной поездки. Было поздно, постоянной любовницы он не имел, а поблизости не оказалось ни одной служанки. Он напился и полез к жене в кровать. Через девять месяцев Пегги О'Малли умерла, родив долгожданного сына, который появился на свет 29 сентября и был наречен Михаилом. Теперь мальчику было без малого шесть лет.

Прошло неприлично мало времени, и О'Малли взял себе вторую жену – девочку тринадцати лет. Через девять месяцев после свадьбы Анна родила Брайана, год спустя – Шейна, а еще через год – Шеймуса. В отличие от предшественницы Анна О'Малли обладала крепким здоровьем и сильным духом. Ребенок, которого она вынашивала, должен стать последним, твердо заявила она мужу. Снова родится мальчик, заверила она супруга. Пять сыновей принесут ему бессмер-

тие, которого он так жаждал.

О’Малли рассмеялся и шлепнул жену по спине. Его игристый жест дочери приняли за проявление старческого слабоумия. Попробуй-ка их собственная мать заяви такое – он избил бы ее до синяков. Но Анна была матерью его сыновей.

Муар оторвалась от вышивания и с удовольствием осмотрела зал. Таким красивым он никогда не выглядел. Ведь Пегги большую часть времени проводила в своей комнате.

Теперь каменные полы регулярно подметали, тростник еженедельно меняли, дубовые опоры полировали до приятного золотистого блеска, и в них отражались серебряные подсвечники со свечами из чистого пчелиного воска. На больших медных каминных решетках покоились горы огромных дубовых поленьев, готовых жарко запыхать с наступлением вечера. На видном месте на стене был укреплен новый гобелен, изображающий святого Брендана на небесно-голубом фоне, ведущего корабль по западным морям. Анна сама задумала сюжет и каждый вечер работала над гобеленом почти всю свою замужнюю жизнь. В нем чувствовалась любовь, потому что вторая леди О’Малли обожала не только своего грубовато-добродушного мужа, но и своих сыновей, и свой дом.

Глаза Муар задержались на больших цветных фарфоровых вазах, наполненных розами. Их острый пряный аромат наполнял комнату удивительным экзотическим запахом.

Муар улыбнулась и спросила Анну:

– Эти вазы новые?

– Да, – ответила та. – Твой отец привез их из последнего плавания. Он так добр ко мне.

– А почему бы ему не быть к тебе добрым? – отозвалась Муар. – Ты ведь любишь его.

– А где Скай? – перебила их Пегги.

– Катается с юным Домом. Не могу понять, почему твой отец добивался этой помолвки? Они совсем не подходят друг другу.

– Они предназначены друг другу с колыбели, – объяснила Муар. – Папе было непросто найти нам мужей: ни у кого из нас не было большого приданого. Союз Скай с наследником Баллихинесси О’Флахерти – лучший среди всех сестер.

Анна покачала головой:

– Боюсь я этого союза. Ваша сестра – девушка слишком независимая.

– Это папина вина. Он ее так ужасно испортил, – вставила Пегги. – Она должна была выйти замуж еще два года назад, когда ей исполнилось тринадцать. В этом возрасте мы все выходили замуж. Так нет, Скай не захотела. Ей он всегда позволял поступать по-своему.

– Это не так, Пегги, – упрекнула Эйбхлин сестру. – Анна права, утверждая, что Скай и Дом не подходят друг другу. По темпераменту Скай не похожа на нас. У нас – материнский характер, а Скай взяла папин темперамент. Для мужа Скай Дом слишком слаб и недостаточно чувствителен.

– Скажи, пожалуйста, сестра, – едко проговорила Пегги. – Меня поражает, как хорошо наша маленькая монахиня разбирается в человеческой натуре.

– Неплохо, – согласилась Эйбхлин. – К кому, как ты думаешь, Пегги, бедные женщины со всей округи несут свои горести? Уж конечно, не к священнику! Он-то их учит покорности мужьям. И на них же самих налагает епитимью!

Сестры, казалось, были поражены, но Анна, рассмеявшись, разрядила обстановку:

– Ты, падчерица, больше похожа на бунтарку, чем на бо-
жью женщину.

Эйбхлин вздохнула:

– Твоя правда, Анна, – промолвила она. – И это меня сильно беспокоит. Но сколько бы я ни старалась, мне не удастся смирить свой дух.

Анна О’Малли потянулась к падчерице и нежно похлопала ее по руке.

– Быть женщиной – всегда непросто, – задумчиво произнесла она. – И неважно, какую роль мы выбрали для себя в жизни.

Девушки улыбнулись друг другу, и в их глазах мелькнули любовь и понимание. Внезапно все насторожились: из холла внизу донеслись громкие крики. Они стали отчетливее, и сестры переглянулись – они различили голоса Дома О’Флахерти и Скай.

Молодая пара шумно ворвалась в зал, и Анна О’Малли

вновь поразила их красоте. Может быть, именно поэтому муж и настоял на их союзе.

Дом О'Флахерти бросил перчатки для верховой езды на стол. Это был восемнадцатилетний юноша среднего роста, изящно сложенный, с красивыми руками и стройными ногами. Цвет замечательных коротко постриженных золотистых волос и небесно-голубых глаз он унаследовал от бабушки-француженки. Небольшая бородка, обрамлявшая его точеные скулы, была тщательно ухожена и внизу слегка закруглялась. Он был зол, и на его чистой коже выступили красные пятна. Красивое лицо с тонким прямым носом и небольшим ртом исказил гнев.

– Это просто неприлично! – закричал он Скай. – Неприлично и нескромно для девушки скакать на такой зверюге. Боже, Скай! Что это за лошадь! Когда мы поженимся, я уж прослежу, чтобы твоя лошадь больше подходила для дамы. Как это отец позволял тебе ездить на этой грубой черной скотине!

– Ты проиграл, Дом, – прозвучал выводящий из себя холодный ответ. – Ты проиграл забег. И теперь, как всегда в детстве, пытаешься напустить дыма. Хочешь, я тебе скажу, что ты можешь сделать со своей дамской лошадью?

– Скай! – Голос Анны О'Малли прозвучал предупреждающе и резко.

Скай повернулась к мачехе и рассмеялась.

– Все в порядке, Анна, – успокоила она. – Я постараюсь

держат себя в руках. Но... выслушай меня хорошенько, Дом О'Флахерти. Финн – моя лошадь. Я вырастила его из жеребенка и люблю этого коня. И не собираюсь менять на хромоногую лошадь, только чтобы удовлетворить твое мужское самолюбие.

И пока жених кипел от злости, девушка дала знак слуге принести вина. И, как будто запоздало вспомнив, приказала подать и Дому. Он бросился в кресло и сверкал на нее глазами, но взгляд выражал восхищение. Как она прекрасна в темном шелковом костюме для верховой езды! Юбка с разрезом, глубокий вырез обнажал грудь, покрытую капельками пота, их вид возбуждал Дома. Он понял, что жаждет обладать этой обворожительной молодой женщиной.

В пятнадцать лет Скай оправдала ожидания и стала красавицей. Она была одного роста с женихом, так же хорошо сложена, гибка в талии, с чуть округлившимися бедрами. Грудь была небольшой, но полной, лицо – в форме сердечка, а глаза все еще хранили цвет моря у побережья Керри: то кристально-голубые, то темные, то лазурные с едва заметной примесью зеленого. Их обрамляли ресницы, черные, как эбен, на фоне слегка розоватых щек. Нос был тонким, слегка поднимающимся вверх у кончика, алый рот удивительно чувственным с полной нижней губой и мелкими белоснежными зубками, сиявшими, когда девушка смеялась. Приглядевшись, на переносице можно было различить несколько нежных золотистых веснушек. Кожа по цвету напоминала сметану и

казалась еще белее на фоне иссиня-черных волос, ниспадающих на плечи.

Она сильно волновала Дома, хотя сам он как будто вовсе ее не интересовал. Девушка предпочитала скакать с бешеной скоростью на своем огромном жеребце по окрестным полям или пускаться в плавание с отцом во время его очередного пиратского предприятия. Дом это понимал, отчего сильно страдало его мужское самолюбие.

Юноша не привык к пренебрежению со стороны слабого пола: обычно женщины сходили по нему с ума, и он гордился своими мужскими достоинствами.

Он утешал себя мыслью, что, уложив в постель Скай, сумеет ее укротить. Девственницы с горячим темпераментом обычно оказывались страстными любовницами. В предвкушении он облизнул свои тонкие губы и отхлебнул из бокала вина. Дом и не подозревал, что в этот миг невеста смотрела на него с отвращением. Жених, решила Скай, к тридцати годам ужасно растолстеет.

Кто-то прибыл, и снизу снова послышался шум. Анна О’Малли с улыбкой поднялась.

– Ваш отец приехал, – сообщила она. – И, похоже, привез с собой гостей.

Два волкодава, несколько сеттеров и огромный терьер ворвались в зал. Один из волкодавов протрусил к Анне и положил у ее ног два бархатных мешочка. Наклонившись, леди О’Малли подобрала их и, развязав шнурки, высыпала содер-

жимое одного из мешочков на ладонь.

– Пресвятая Дева Мария! – воскликнула она.

С порога довольно рассмеялся Дубхдара О’Малли.

– Так тебе понравилось, дорогая? Здесь серьги и подходящее к ним кольцо.

– Понравилось? О, Дубх! Да это самые красивые вещи, какие у меня только были! Где...

– Португальский корабль сбился с курса и разбился у побережья. Мы подоспели как раз вовремя, чтобы спасти капитана из обломков. Он был нам очень благодарен.

Анна не проронила больше ни звука, но по намеку догадалась обо всем: судя по всему, ее муж со своей командой схватились с терпящими бедствие матросами. О’Малли столетиями пиратствовали. Таков был образ их жизни. Без сомнения, капитана несчастного корабля и оставшихся в живых моряков заключили в темном подвале, где они будут томиться несколько месяцев в ожидании выкупа. Анна поежилась и решила, что все это ее не касается.

– А где моя маленькая девчушка? – спросил О’Малли.

– Здесь, па, – ответила Скай и поднялась со стула навстречу отцу.

Оглядев ее наряд, он неодобрительно нахмурился:

– Все скачешь, крошка? И сидишь верхом на лошади?

– Не ругайся на меня, па, – кокетливо попросила девушка. – Ведь это ты меня научил, а сидя боком, я не могу пускать Финна в галоп.

О'Малли приподнял бровь:

– А разве обязательно пускать его в галоп? Не лучше ли ездить рысцой? Теперь, крошка, тебе нужно думать о детях, которых ты будешь вынашивать для Дома.

Девушка сделала вид, что не расслышала последнюю фразу:

– А сам-то ты, па, пробовал ездить рысью с переброшенной через круп ногой? Я пыталась и только набила себе синяков на...

– Скай! У нас гости!

Только тут она заметила, что рядом с отцом стоит мужчина.

– Милорд, – обратился к нему О'Малли, – это моя младшая дочь Скай, которая вскоре пойдет под венец с юным О'Флахерти. Скай, это Найл, лорд Бурк, наследник Макуилляма.

– Найл из Айрана, – тихо повторила она за отцом. – Знаменитый человек. Тайная мечта половины девиц в Ирландии.

– Я вижу, слава опережает меня, леди Скай.

– Ни для кого не секрет, что вы Капитан Мститель, совершающий славные набеги на англичан, живущих в окрестностях Дублина. Конечно, никто не посмеет обвинить вас в этом.

– Но ты-то, миледи, меня ведь не боишься. – Он смотрел на нее так пристально, что она покраснела.

Голос был глубоким и уверенным, мягким, как тонкий бархат. Скай почувствовала озноб и взглянула мужчине в глаза – они оказались серо-стальными. Она представила, как в гневе они становятся холодными, словно северное море, но в страсти пронзительно-горячими, как терпкое вино. При этой нескромной мысли краска стыда залила ее щеки. Серые глаза настойчиво изучали ее, проникая в самый мозг.

Он возвышался над ней на добрых восемь дюймов. Гладко выбритое лицо загорело на солнце. Коротко постриженные волосы были столь же черными, как и ее.

Он взял ее руку и поцеловал. Она едва удержалась, чтобы не вырвать ее, – его губы жгли кожу, точно головня. «Пресвятая Мария, – подумала Скай, – насколько же он интереснее Дома. Интереснее и умнее, а лишь на десять лет старше меня».

– Добро пожаловать в Иннисфану, милорд, – вежливо пробормотала она. Боже, неужели этот сиплый бесцветный голос – ее? И почему на нее так странно смотрит Анна?

Голос отца вернул девушку к действительности.

– Это к твоему приданому, крошка, – сказал он, подавая ей гарнитур из рубинов в золоте: кольцо, серьги, браслеты, кольцо и заколку для волос. Все разом вскрикнули, а Дом О’Флахерти поздравил себя с удачным выбором невесты.

Скай, прижав к себе драгоценности и поблагодарив отца, выскочила из зала. «Черт побери, – подумала Анна, – ей приглянулся лорд Бурк. А почему бы и нет? Почему бы Дубху

не просватать девушку за сильного отчаянного человека, а не выдавать замуж за этого пустозвона О'Флахерти?»

Скай поднялась в свою комнату, как полагала она, с большим достоинством. Правда, она удивлялась, как еще может передвигать ноги: так сильно они дрожали. Она была сильно смущена, но нисколько не испугалась своего чувства к лорду Бурку.

До этого дня Скай никогда не видела Найла Бурка, хотя его романтические и военные похождения были у всех на слуху. И как она осмелилась только что сказать, этот человек был известен многим под именем Капитана Мстителя, наводившего страх на англичан и их союзников ирландцев.

Капитан Мститель строго взыскивал с английских землевладельцев, недостойно обращавшихся с ирландцами. Как-то он заставил до коллик смеяться всю Ирландию, склонив к любви дочь знатного англичанина, имевшего здесь поместье. Вызнав у влюбленной девушки план замка, Капитан Мститель опустошил его хранилища, а потом использовал награбленное, чтобы расплатиться с долгами нескольких разоренных им же ирландских семей. Англичанин принял деньги и выдал расписку. А когда обман раскрылся, поделать уже было ничего нельзя. Конечно, подозревали, что существует связь между Капитаном Мстителем и лордом Бурком. Но этим все и ограничивалось. Политика Лондона сводилась к тому, чтобы не восстанавливать против себя властителя Мид-Коннота. В конце концов, он ведь был союзником, как

и все, кто открыто не воевал против Англии. Да и мог ли, спрашивали они себя, один горячий человек принести уж столько вреда?

Удивительный человек, думала о лорде Бурке Скай. Когда глаза их встретились, на мгновение между ними возникло полное взаимопонимание.

Укрывшись в комнате, Скай наблюдала, как служанка Молли готовит ей ванну. Молли считала, что леди Скай моется слишком часто, но не могла не признать, что от госпожи пахнет лучше, чем от других, кого она знала. Она приняла у девушки костюм и, почистив, спрятала в шкаф. Скай сняла нижнее белье и, заколов на макушке волосы, влезла в ванну.

Теплая вода подействовала успокаивающе. Ароматным мылом девушка вымыла руки, потом лицо. Лорд Бурк. Найл Бурк. Это имя она повторяла вновь и вновь, как молитву. Такой высокий, он заставил ее почувствовать себя маленькой, а ведь она была не маленькой. Он одевался по английской моде: в пестрых чулках и подходящих к ним по цвету зеленых панталонах до колен. Она представила, как играют мускулы под его зеленой бархатной курткой, и вдруг вообразила, как он прижимает ее к широкой груди, и, к смущению, почувствовала, как твердеют крошечные соски на ее миниатюрной груди, выглядывающей из-под воды.

Что с ней такое? Ничего подобного она прежде не воображала. Она ведь так мало знала о том, что происходит между мужчиной и женщиной, а Дом ее нисколько не вдохновлял.

Несмотря на привлекательную внешность, она его терпеть не могла.

Молли взяла у девушки мыло, ополоснула ее тело водой и вытерла полотняным полотенцем. Едва она успела одеть гос-пожу в шелковое домашнее платье, как послышался стук в дверь. Молли открыла и, отвесив учтивый поклон, впустила Дома О'Флахерти.

Он не спеша вошел, бросая на невесту сладострастные взгляды, всматриваясь в очертания ее тела, проступающего из-под платья.

– Вынужден на несколько дней тебя покинуть, Скай, – произнес он. – Сэр Мурроу прислал записку и требует меня к себе. Но к свадьбе непременно вернусь в срок.

Сердце Скай екнуло. Он уедет, а лорд Бурк останется здесь.

– Поезжай с Богом, – ласково сказала она.

На минуту воцарилось неловкое молчание. Потом Дом взял девушку за руку и потянул к себе:

– Разве ты не поцелуешь меня, дорогая? Так и отпустишь в дорогу без последнего знака любви?

– Но мы еще не женаты, Дом. И я не обязана тебя целовать.

– Не обязана! – выпалил он. – Боже, Скай, не будь такой маленькой негодницей. И не изображай из себя застенчивую девицу. Через несколько дней ты мне будешь должна кое-что еще, кроме поцелуев. – Черт возьми, какая же она сладкая, вся умытая, горячая, только что из ванны. Он почувствовал,

как растет в нем желание, потянулся к ее губам, но она отпрянула:

– Нет!

Голубые глаза юноши расширились от гнева, но он тут же рассмеялся:

– Хорошо, любовь моя. Но вскоре ты сама будешь выпрашивать у меня поцелуи. – Он отвесил ей шутовской поклон и, повернувшись, вышел из комнаты. Скай пожала плечами.

– Ох! – взвизгнула Молли. – Он такой сладострастный! Будьте уверены, госпожа.

– Замолчи, глупышка, – оборвала ее Скай. – Вместо того чтобы трепаться о моем женихе, принеси-ка лучше новое платье цвета бургунди. Я собираюсь надеть его вечером вместе с рубинами, которые подарил мне папа.

Молли поспешила повиноваться. Скай О’Малли— хорошая хозяйка, вовсе не жестокая, но и она не пренебрегала подзатыльниками. Служанка затянула госпожу в миниатюрный корсет из китового уса так, что ее маленькие груди поднялись и, казалось, собирались выскочить из бледно-розовой сорочки. Почти прозрачные рукава были затканы золотыми нитками. Скай аккуратно натянула чулки на стройные ноги, красный шелк украшала вышивка золотом. Затем наступила очередь нескольких нижних юбок, а потом уже платья – изящного творения из мягчайшего тонкого бархата, переливавшегося красным, точно драгоценный камень. Длинная юбка свободно ниспадала к ступням, а разрезы в рукавах

открывали розово-золотую ткань сорочки.

Скай осторожно, чтобы не помять юбки, присела перед дорогим зеркалом, и Молли принялась расчесывать ее волосы, пока они не заблестели синеватым оттенком. До замужества ей не разрешали зачесывать их наверх и делать прическу. Это создавало массу неудобств, особенно в море. Но отец был неумолим. Можно было заплести их в косы.

– Ни одна из О’Малли не обрезала волосы, пока не выходила замуж, – утверждал отец, и спорить с ним не было никакого смысла.

Посмотревшись в зеркало, Скай должна была признать, что длинные волнистые волосы красивы. Молли украсила их маленькой шапочкой из золотой парчи с прикрепленной к ней прозрачной вуалью. Девушка застегнула на шее рубиновое кольцо и снова взглянула в зеркало. Крупные камни сверкали первобытным блеском на молочной белизне обнаженной груди. Скай перевела дыхание и отметила, как призывно вздымаются округлости под камнями. Заколку для волос пришлось отложить, пока она не носит прическу. Девушка быстро надела серьги, браслеты и кольцо. Потом скользнула ногами в красные бархатные туфли и встала.

– Потрясающе, госпожа, – почтительно выдавила Молли. – Никогда еще вы не были такой красивой. Жаль, мастер Дом вас не видит. Вы можете свести мужчину с ума!

Скай довольно рассмеялась:

– Ты правда так думаешь, Молли? – Про себя она раз-

мышляла, может ли свести с ума лорда Бурка. И ее душа трепетала от страха и восхитительного предчувствия. Она уже вылетала из дверей, когда столкнулась со своей миловидной мачехой.

– Боже, Скай, – рассмеялась Анна О’Малли, – если ты хочешь произвести впечатление на собравшихся в зале, не стоит так бежать. Войди чинно... как бы плавно скользя... вот так, дорогая. – Она изящно показала, что следовало делать.

– Извини, Анна. Я не ушибла тебя?

– Нисколько, дорогая, но постой, дай мне на тебя посмотреть. Силы небесные, как же ты привлекательна, хотя еще ребенок. Жаль, что Дом не может тебя сейчас видеть...

Скай состроила гримасу:

– Я вовсе не хочу за него замуж, Анна. – Слова сами собой сорвались у нее с языка.

Анна О’Малли вдруг посерьезнела и сказала с сочувствием:

– Знаю, дорогая, и понимаю тебя.

– Пожалуйста, Анна, ну пожалуйста, поговори с па. Он обожает тебя и послушает. Для тебя он сделает все что угодно.

– Хорошо, Скай, я постараюсь. Я сделаю, что ты хочешь, но это ни к чему не приведет. Твой отец – человек слова, и он дал согласие на твой брак. Ты его последняя дочь, и он хочет, чтобы ты была хорошо устроена. Юный О’Флахерти – хорошая пара для О’Малли из Иннисфаны.

– Я его ненавижу, – прошептала девушка. – Он постоянно раздевает меня глазами.

– Может быть, все изменится, когда вы поженитесь, – успокоила ее Анна, хотя в глубине души и сама не верила в это. – Девушки часто боятся неизвестного. Но уверяю тебя, дорогая, для тревог нет причин. Завтра я тебе все объясню, Скай.

– Поговори с папой, Анна. Обещай, что поговоришь!

– Обещаю, Скай, и поговорю.

Женщины спустились по лестнице в главный зал замка, Анна все время чувствовала, что глаза лорда Бурка прикованы к ее привлекательной падчерице. Он подошел к ним, взял маленькую руку Скай и без слов повел за собой. Анна беспомощно смотрела им вслед. Никто, кроме нее, еще не почувствовал, как безнадежно их тянет друг к другу. Она *должна* поговорить с Дубхдарой!

Пол будто ушел из-под ног Скай, она плыла в воздухе, смущенно глядя на руку, в которой лежала ее рука. Рука была большой, сильной и загорелой. Она была теплой, и Скай почувствовала, что в ней таится удивительная сила. Сердце девушки сильно билось. «Отчего он на меня так действует?» – думала она.

Они подошли к огромному камину, по сторонам которого восседали каменные львы. Очаг отбрасывал красные отсветы от зажженных теперь дубовых поленьев, которые то и дело вспыхивали и потрескивали. На секунду они задержались и

смотрели на пламя, просто стояли и любовались огнем. Наконец он заговорил:

– Почему ты дрожишь, когда я прикасаюсь к тебе?

– Я не привыкла к вниманию мужчин, – ответила Скай, едва переводя дыхание.

Повернув ее лицом к себе, он взглянул на нее сверху вниз:

– Я этого не понимаю, Скай О’Малли. Ты безумно красива. Так неужели ни один мужчина, даже твой жених, не шептал в твое маленькое ушко слова любви?

– Нет. – Ее щеки слегка порозовели, а голос был так слаб, что лорд Бурк был вынужден наклониться, чтобы ее расслышать.

Он был очарован. Что-то захватывало его, овладевало им всем, нечто такое, против чего предостерегал его внутренний голос.

– Взгляни на меня, моя радость, – произнес он. – Обещаю, что не укушу тебя, хотя, Бог свидетель, ты лакомый кусочек.

Скай застенчиво подняла свои голубые глаза и, взглянув в серые глаза лорда Бурка, почувствовала, что тонет в них. И поняла, что он испытывает то же самое. Они были не в силах оторвать друг от друга взгляда, растворились во времени, и их души, покинув тела, слились в одно совершенное создание.

Громкий взрыв смеха из другого конца зала нарушил очарование.

– Боже, что ты со мной сделала, маленькая ведьма? – вы-

давил Найл. Он сам был потрясен. — Сейчас же отвернись, Скай, иначе я опозорю нас обоих. — Он подал знак слуге принести поднос с вином и, схватив два бокала, протянул один девушке. Сделав большой глоток из другого, Найл с радостью почувствовал, как обжигающая жидкость разливается внутри. Она помогла ему собраться, не позволила навсегда увести из зала эту красивую девочку.

Во время ужина лорда Бурка, как самого почетного гостя, усадили рядом с будущей невестой. У него хватило сил скрыть волновавшие его чувства, но еда показалась ему пресной, как опилки. Лорд был светским человеком и весьма опытным, но девушка произвела на него столь сильное впечатление, какого не производила ни одна из женщин. Он отдавал себе отчет, что жаждет уложить ее в постель, но вместе с тем к этому желанию примешивалось и другое чувство, которого раньше он никогда не испытывал. Все нахлынуло на него так внезапно, что он был еще не в состоянии разобраться в себе.

Найл Бурк был единственным сыном Рори Бурка, Макуилльяма из Мид-Коннота. Макуилльям уже почти отчаялся обзавестись наследником. Все его три жены умерли во время родов, но последняя подарила ему ребенка. С рождения Найл рос здоровым мальчуганом, но Макуилльям неустанно его оберегал.

Кормилица мальчика ела за хозяйским столом, чтобы господин мог наблюдать, чем она питается. Детскую тщательно

протапливали, чтобы во время сырой зимы она оставалась сухой. Ни об одном ребенке не заботились так, как о наследнике Бурка. Даже во время сна рядом с ним сидела ночная няня.

Мальчик рос здоровым и веселым. От природы сообразительный, Найл сначала учился у священников, а потом для завершения образования был послан в Англию, в Кембридж. В физических упражнениях ему не было равных, и поскольку его не могли победить ни в одном виде спорта, юношу прозвали Железным.

Бегал он быстрее всех в Ирландии, уже в двенадцать лет во время борьбы его не удавалось положить на лопатки, он одинаково хорошо владел мечом и приемами соколиной охоты. Он плавал, как рыба, скакал, как кентавр, и мог идти по следу оленя не хуже гончей.

Между четырнадцатью и шестнадцатью годами проявилась его страстная натура. В замке отца не было ни одной служанки, а в округе ни одной девушки, которых бы он обделил своим вниманием. С годами он стал спокойнее и уравновешеннее.

Рори Бурк обожал единственного сына и в его многочисленных незаконных детях, разбросанных по всей округе, видел продолжение своего рода.

Теперь отец желал, чтобы наследник женился на подходящей женщине, но Найл все еще предпочитал свободу.

Сегодняшний день изменил все. Он влюбился в Скай

О’Малли. В жизни Найлу еще ни в чем не отказывали, и сейчас он вполне рассчитывал получить и эту девушку.

С правой стороны от Найла сидела Эйбхлин, и во время ужина молодой человек постоянно обращался к монахине, вызывая ее тайное изумление. Как и ее чуткая мачеха, Эйбхлин сразу же ощутила влечение между Скай и лордом Бурком и пожалела их обоих. После ужина глава семьи предложил Скай показать лорду Бурку розарий замка О’Малли. В этой просьбе не было ничего необычного, так как Дубхдара гордился красотой, манерами и умом младшей дочери и наслаждался эффектом, который она произвела на гостей. Анне оставалось уповать лишь на Бога и на порядочность лорда Бурка, он должен помнить, что через несколько дней Скай предстояло выйти замуж.

Найл и Скай медленно вышли из зала, спустились по лестнице к выходу и пересекли подъемный мост. Оба молчали. Розовато-лиловые и золотистые сумерки ирландского лета опустились на землю. Подул легкий бриз и принес прохладу и приятный аромат цветущих роз.

– Мама создавала этот сад много лет, – пробормотала Скай. – Она любила розы. Это единственное, к чему прилепился ее отец. Он привозил кусты со всего света. Правда ведь, красивый сад?

– Очаровательный, – серьезно ответил лорд Бурк.

– Спасибо.

Они снова замолчали и прошли еще немного вперед. Дой-

дя до конца сада, Скай повернулась к замку, но Найл тронул ее за плечо, и она подняла на него глаза. Сильные руки мужчины обвились вокруг нее, и девушку пронзила острая радость. Она знала, что это случится, и хотела, чтобы это случилось! Темная голова Найла склонилась над ней, и губы Скай раскрылись, как розовый бутон, принимая первый поцелуй.

К великому удивлению девушки, губы мужчины оказались мягкими. Она не ожидала такого. А потом он привлек ее еще ближе к себе, и его рот стал требовательным. Инстинктивно отвечая ему, Скай обвила его шею руками, и их тела коснулись друг друга. Секунду девушке казалось, что она уносится в поднебесье. Но внезапно он оставил ее губы – глаза потемнели от страсти. Глядя на девушку сверху вниз, он хрипло произнес:

– Я это знал! Знал, что с тобой будет именно так!

На короткое мгновение рассудок вернулся к Скай, и она задрожала. Глаза Найла наполнились сочувствием, и он взял ее лицо в ладони.

– Не надо, дорогая. Не тревожься и не бойся меня. Боже, только не это! Я этого не вынесу!

– Я не понимаю, – прошептала девушка, – не понимаю, что со мной происходит.

– С нами, дорогая. Это происходит и со мной, Скай. Я едва тебя знаю, но уже люблю. Раньше я никого не любил, но знаю, что чувство, которое испытываю к тебе, называется

любовью.

– Нет! – Слезы покатались по щекам девушки. – Вы не должны говорить мне этого, милорд. Через несколько дней я выхожу замуж за Дома О’Флахерти.

– Но ты же его не любишь, Скай!

– Милорд Бурк, вы же знаете, как происходят такие вещи. Я обручена с ним с колыбели.

– Я тотчас же поговорю с твоим отцом, дорогая. Ты не должна выходить замуж за молодого О’Флахерти!

Скай с удивлением посмотрела на мужчину:

– А вы разве не помолвлены, милорд?

– Она умерла задолго до того, как мы смогли пожениться. Я с ней даже не познакомился. Ну же, дорогая, поцелуй меня снова. – Губы Найла потянулись к ней, и она радостно вскрикнула, когда он крепко прижал ее к себе.

Это было безумием, но он ее любил! Этот могущественный, знаменитый лорд любил ее. Боже! И она тоже любила его. Она, такая уравновешенная, влюбилась с первого взгляда. Тело напряглось от желания. Она так его любила, что, если бы он попытался овладеть ею в этот момент, она бы с радостью отдалась ему. И он, без сомнения, об этом знал.

Нехотя он разжал объятия, горячим взглядом лаская девушку:

– Скай! О любимая Скай! Каким ядом ты отравила меня? Нам лучше вернуться, пока я не потерял голову. – Он взял ее за руку и медленно повел обратно к замку.

Анна О'Малли видела, как они вошли в зал, и пришла в отчаяние. Щеки девушки горели, губы слегка припухли от недавних поцелуев, глаза затуманились. Анна поднялась со стула – ей следовало немедленно поговорить с мужем. Внезапно боль пронзила живот, воды хлынули, замочив туфли, чулки и юбки.

– Ребенок! – закричала она, согнувшись пополам и схватившись рукой за живот. В ту же секунду ее окружили женщины. Сквозь толпу проложил дорогу Дубхдара О'Малли, поднял жену на руки и понес вверх по лестнице в ее спальню.

Никто бы не поверил, что у женщины, родившей троих детей, могут быть такие тяжелые роды, но Анна мучилась целых два дня. Зная толк в акушерстве, Эйбхлин не покладала рук. Но ребенок был слишком крупным и занимал неправильное положение.

Четыре раза монахиня поворачивала плод, и четыре раза он снова возвращался в прежнее положение. Наконец в отчаянии Эйбхлин в пятый раз повернула малыша и, ухватившись за плечико, потянула наружу. Только после осторожной помощи Эйбхлин Анна смогла завершить дело. Как она и предсказывала, родился мальчик, весивший десять фунтов². Назвали его Конном.

Дубхдара О'Малли подошел к постели жены. Ее уже вымыли и уложили на пахнущие лавандой простыни. Женщине дали напиток, приготовленный из говяжьего бульона, крас-

² Более трех килограммов.

ного вина и трав для восстановления сил. Анна была совершенно измотана.

Комната опустела. О'Малли наклонился и поцеловал в щеку жену. За эти дни он заметно постарел, мучаясь мыслью, что может потерять любимую женщину.

– Все, Анна! Я вполне счастлив, имея пятерых сыновей и лучшую в Ирландии жену! Я не намерен тебя терять, любовь моя.

Она слабо улыбнулась и похлопала его по руке. Но внезапно вспомнила свое обещание:

– Скай... – едва слышно начала она.

Мгновение он выглядел озадаченным, потом лицо его прояснилось:

– Скай? Ах да. Свадьба назначена на завтра. Ты ведь не хочешь, чтобы ее переносили, любовь моя? Не беспокойся, Анна, завтра же Скай выйдет замуж. А ты лежи и набирайся сил. А если проснешься до завтрашнего вечера, я пришлю к тебе невесту и жениха.

Анна попыталась заговорить, сказать мужу, что свадьбу следует отложить, что брак между Домом и Скай будет величайшей ошибкой. Но травы и слабость сделали свое дело. Ее глаза закрылись, и она не сумела открыть их снова. Анна О'Малли спала глубоким наркотическим сном.

Дубхдара О'Малли стоял и смотрел на спящую дочь. Даже его поражала ее красота. Как бы он хотел, чтобы его имя и состояние позволили ему выдать ее замуж за человека более благородного, чем юный О'Флахерти.

Ни к чему английскому он не питал любви, но знал, что английский двор был сейчас в центре всего мироздания. Как бы там сияла Скай!

Но и так он подобрал дочери неплохую партию. Ее муж будет главой клана Баллихинесси О'Флахерти, и она родит Дому нового главу. Дочь надежно устроена. Но сам он ее терял. Дубхдара горько усмехнулся: почему бы не признать, что для этой девчушки в его сердце был особый уголок? Она родилась истинной О'Малли: он сам – в женском обличье. Скай не походила на других его детей.

Еще несколько минут он в молчаливом изумлении смотрел на дочь, потом легонько потряс ее за плечо:

– Просыпайся, Скай! Просыпайся, девочка!

Она сопротивлялась, не желая расставаться со сном, в котором целовалась с Найлом Бурком. Но отец не отступал, и наконец она открыла глаза и пробормотала:

– В чем дело, па?

– Анна родила чудесного здорового мальчугана, но сама совершенно измотана родами. И все же она не хочет откла-

дывать твою свадьбу. Торжества состоятся, как и планировалось, но обвенчают вас с Домом через час в семейной часовне. Вставай, Скай. Сегодня, девочка, день твоей свадьбы.

Скай моментально проснулась:

– Нет, папа! Нет! Анна ведь обещала...

– Все в порядке, любимая, – прервал он дочь. – С Анной все в порядке. Ей жаль, что она не может присутствовать на торжествах, но она понимает: когда замок набит гостями, свадьбу откладывать уже нельзя.

Скай привстала, длинные черные волосы разметались по белым плечам. Голубые глаза казались удивительно глубокими. Отец сконфуженно перевел взгляд с ее маленьких грудей, выделявшихся под сорочкой.

– Папа! Послушай меня, пожалуйста! Я не хочу выходить замуж за Дома О’Флахерти. Ну почему ты меня не слушаешь?

Дубхдара О’Малли присел на краешек кровати любимой дочери:

– Мы говорили уже об этом не раз, малышка. Конечно же, ты выйдешь замуж за Дома. Он симпатичный юноша и хорошая тебе пара. Все это девичьи нервы, но ты не должна поддаваться страхам.

– Почему ты не можешь понять? Я не хочу! Не хочу, па! Я ненавижу Дома! Я не могу... не выйду за него, – девушка едва сдерживала рыдания.

– Прекрати, Скай! – Голос отца стал жестким. – Сейчас же

прекрати. Я и так уже отложил свадьбу на два года в надежде, что ты перерастешь свои капризы, но больше откладывать не собираюсь. Для слез нет причин. Одни девичьи страхи, которые завтра уже рассеются. – Он поднялся. – Нарядись как следует для Дома. – И, сказав это, вышел из комнаты.

Девушка расплакалась: разочарование, гнев и страх мучили ее. Вслед за рыданиями из глаз покатились горячие соленые слезы, веки распухли, почти прикрыв глаза. В таком плачевном положении и нашла ее Молли и тут же позвала госпожу Эйбхлин. Молодая монахиня тотчас же явилась и, обняв любящими руками младшую сестру, постаралась ее успокоить. Когда всхлипывания наконец прекратились, она уложила Скай на подушку, смешала какие-то травы в бокале с вином и подала сестре. Лекарство успокоило девушку. Эйбхлин и раньше видела, как нервничают невесты.

Потом монахиня смочила полотняные платки в розовой воде и положила Скай на глаза.

– От этого пройдут припухлости, – объяснила она Молли. – Теперь дадим ей полчаса отдохнуть, а потом начнем обрядовать к свадьбе.

И вскоре уже Скай О’Малли стояла в замковой часовне рядом с Домом О’Флахерти, где в сиянии свеч началось венчание. Все гости дружно согласились, что никогда не видели невесты красивее. Скай была в белоснежном платье с низким квадратным вырезом, отделанным широкими серебряными кружевами. Декольте позволяло жениху разглядеть ее

маленькие груди, и Дом облизывал губы.

Когда пожилой священник произнес над ними древние слова, жених подумал, что этой ночью вместо подушки преклонит голову на мягкие груди жены. Когда же она подняла руку, чтобы принять свадебное кольцо, он впервые отметил богатство ее наряда. Сквозь разрезы на рукавах виднелось серебряное кружево, такое же кружево украшало манжеты. Красивые черные волосы в знак невинности были распущены – в них вплели лишь один ароматный белый цветок.

Девушка выглядела белее своего подвенечного платья, и если бы Дом пригляделся к ней повнимательнее, он бы заметил ее безнадежный затравленный взгляд. Зелье, поданное сестрой, заставило Скай смириться с этой комедией, но ответы ее были едва слышны, и девушка двигалась, точно кукла. Родственники посчитали, что это просто девичьи страхи.

Молодых провозгласили мужем и женой, они повернулись лицом к родным, и в этот миг двери часовни растворились и показался лорд Бурк – в его глазах таилась невыразимая боль. В этот миг его понять могла только Скай. Сама она хотела умереть.

– Целуйтесь! Целуйтесь! – летели отовсюду нетерпеливые крики.

Дом О'Флахерти повернул невесту к себе лицом.

– Ну вот, – прошептал он торжествующе, – теперь ты моя!

Он нашел ее губы, прижался к ним и просунул внутрь свой язык. Вокруг грубо и подбадривающе закричали. Язык

оказался мягким и требовательным. Не в состоянии перенести этого ужаса, Скай лишилась чувств.

— Ха! — довольно воскликнул Дубхдара О’Малли. — Вот истинное доказательство невинности моей дочери! Первый поцелуй — и она в обмороке! Распусти-ка ей корсет, малыш. Ты ведь не станешь утверждать, что не знаком с женской одеждой. По крайней мере, мне так о тебе рассказывали.

Гости встретили хохотом слова О’Малли, и, когда раскаты смеха эхом покатались по часовне, Дом О’Флахерти взял на руки жену и вынес вон. Безнадёжно наблюдал Найл Бурк, как бесчувственную Скай тащили назад в спальню. Ему так хотелось ударить юнца, с видом собственника сжимавшего в руках его сокровище.

Первый раз в жизни перед наследником главы одной из влиятельнейших семей Ирландии возникло непреодолимое препятствие. Три дня он пытался увидеться с О’Малли, но тот не выходил к гостям из-за болезни жены. Когда все это случилось с Анной, Найл не ожидал, что Скай выдадут замуж так поспешно, и считал, что еще будет время поговорить с О’Малли. Хотя ситуация сложилась бы и неудобная, не было бы ничего позорного в том, что О’Малли поменял наследника Баллихинесси на наследника Макуилльяма из Майо.

Вместе с родственниками молодых лорд Бурк протолкался в спальню: Дом положил свою ношу на кровать и проворными руками распускал шнуровку корсета. В мгновение позабыв о присутствующих, он принялся ласкать белые гру-

ди Скай – в белесых голубоватых глазах безошибочно угадывалось вожделение. Найл почувствовал, как смертельная ярость закипает у него в груди.

– Ну, ну, сынок, потерпи до вечера, – усмехнулся О’Малли. – Невесте еще предстоит высидеть все тосты, которые будут произносить в вашу честь. А она вряд ли это выдержит, если ты бросишься на нее сейчас.

О’Флахерти покраснел среди смешков и хихиканья. Потом сквозь толпу к Скай пробралась Эйбхлин и стала массировать девушке запястья.

– Молли, принеси, пожалуйста, вина, – распорядилась она. – И жженое перо. Папа, ей станет легче, если люди уйдут. И ты тоже, брат Дом. Чтобы Скай поднялась и повеселилась на своей свадьбе, ей нужно отдохнуть.

Комната постепенно опустела. Эйбхлин и Молли приподняли Скай. Прежде всего они подожгли перо и помахали у нее под носом, потом влили между губ вино с настоем из трав. Скай закашлялась и открыла глаза.

– Ты была без сознания, – сухо произнесла монахиня.

– Он... он сунул мне в рот свой язык, Эйбхлин. – Было ясно, что Скай потрясена до глубины души. – И сказал, что я принадлежу теперь ему.

– Так оно и есть, – подтвердила сестра.

– Нет! Никогда! Ни Дому О’Флахерти, ни другому мужчине!

Эйбхлин повернулась к служанке:

– Можешь нас оставить, – сказала она Молли и, когда та неохотно вышла, заговорила снова. – Это ведь все из-за Найла Бурка, Скай? Бедный лорд! Но ведь он не лишил тебя невинности, дорогая?

Несчастливая девушка покачала головой:

– Нет, он хотел на мне жениться и должен был поговорить с отцом.

– Но он не поговорил, а если и поговорил, отец ответил отказом. Ты замужем за Домом О’Флахерти, Скай, и должна посмотреть правде в глаза. Твой долг – быть ему доброй женой. Он тебя любит, и в глазах церкви он твой господин.

– Не могу, Эйбхлин. Я просто не могу. Я ненавижу Дома! Не вынесу, если он коснется меня!

– Многие женщины чувствуют то же самое. Быть может, ты одна из них.

– Нет, нет! Мне так нравилось, когда меня целовал Найл Бурк! Я хочу его! Хочу, как хочет женщина мужчину... в браке. Но Дом мне противен.

– Поспи немного, – успокаивала сестру монахиня. – Через несколько часов тебе предстоит быть хозяйкой на свадьбе.

Вздыхнув, Скай снова улеглась. Травы сделали свое дело, и с мокрым от слез лицом она заснула. Эйбхлин покачала головой. Что заставило отца настоять на этом браке, если он знал, что Скай против него? Он всегда потворствовал младшей дочери, обожая ее яркую красоту, восхищаясь ее любовью к морю. И никогда прежде ни к чему ее не принуждал.

Эйбхлин продолжала размышлять. Может быть, отец хотел, чтобы последняя дочь Пегги покинула его дом, чтобы полнее наслаждаться любовью второй жены и пятерых сыновей? В любом случае, хотя она и не собиралась признаваться в этом Скай, монахиня разделяла ее отвращение к О'Флахерти. Он упрям, не в меру тщеславен и, несмотря на хорошее образование, потрясаяще убог. Эйбхлин вздохнула. Что можно с этим поделать! Мир принадлежит мужчинам, а приличной женщине оставалась роль либо жены, либо монахини. Может быть, печально думала она, когда-нибудь все и изменится. Эйбхлин вернулась в часовню, чтобы помолиться за сестру. Больше она ничем не могла помочь Скай.

Когда через несколько часов Скай проснулась, страшная реальность ее положения сразу же нахлынула на нее. Ее познания мужчин были невелики, но чутье подсказывало, что Дом оказался из тех, кто выбирал слабых и беззащитных. Он любил побеждать. И поэтому нельзя ему показывать, как она расстроена.

Медленно Скай приподнялась с кровати, испытывая лишь легкое головокружение, умыла лицо розовой водой. Все еще без корсета, она глубоко дышала, и голова ее прояснялась. Послышался скрип открываемой двери, и Скай быстро обернулась, раздосадованная, что ее одиночество так быстро нарушили.

– Как ты посмел войти в мою комнату!

Дом лениво улыбнулся:

– Скай, крошка моя, ты забываешь, что теперь я имею право входить к тебе в комнату, когда пожелаю. Я твой муж. Девушка передернула плечами:

– Я ничего не забываю, Дом, – решительно ответила она. Он двинулся к ней, и храбрость девушки стала заметно убывать. – Не приближайся. – Она попятилась от него, но Дом преследовал ее, пока она не почувствовала за собой край кровати. Его взгляд приводил девушку в ужас, но она заставила себя выпрямиться и посмотреть мужу прямо в глаза. Она слышала, как кровь стучит у нее в ушах.

– Твоя девичья застенчивость, Скай, мне нравится, но до известного предела. – Он погладил ее по щеке, рука спустилась по шее к плечу, лаская белое тело. – Я твой муж и не потерплю от тебя ни малейшего неповиновения. Отец здорово тебя испортил, но я исправлю положение, я буду учить тебя, как сук у себя на псарне, и ты научишься исполнять свой долг. А если заартачишься, тут же будешь наказана. Ты поняла меня, Скай?

– Да, Дом. – Она опустила глаза, как будто соглашаясь, но на самом деле, чтобы скрыть свою ненависть.

– Вот и отлично. – Его голос стал немного мягче. – А теперь иди ко мне, крошка. – Он взял ее за подбородок и поднял лицо. Мокрый рот нашел ее губы, язык снова полез в рот сквозь стиснутые зубы. Она содрогнулась от отвращения. Он толкнул ее на кровать и потянул вниз платье, обнажив маленькие прелестные груди. Он захватил ртом сосок, и девуш-

ка вскрикнула. Дом застыл и поднял на нее глаза.

– Не надо. Нам нужно выйти к гостям.

Разочарованно ворча, муж поднялся и, ядовито посмотрев на Скай, спотыкаясь, вышел из комнаты.

За дверью он остановился, чтобы перевести дыхание, и потер в паху. Жена права, будь она проклята! До ночи он не осмелится овладеть ею, но как-то надо усмирить огонь в чреслах! В этот миг из-за угла появилась полногрудая служанка Скай.

Голубые глаза Дома О’Флахерти мечтательно сузились, и губы скривились в улыбке. Молли остановилась и тут же определила, что требовалось мужчине. Не говоря ни слова, она взяла его за руку и повела в темный альков. Расстегнув ему панталоны, в восхищении выдохнула:

– Милорд такой хорошенький! – И обвила руками его шею. – Ну, поцелуй же меня, любимый!

Дом прильнул к ее рту, шарил рукой под юбками, потом прижал к каменной стене, и Молли обхватила ногами его поясницу. Он сжал руками ее пухлый зад и глубоко вошел в горячую жаждущую плоть. Сотрясаясь, он нимало не беспокоился, что голова Молли при этом билась о стену. Она вскрикнула – от удовольствия и от боли. Дом быстро добился, чего хотел, и поставил служанку на пол. Та принялась оправлять платье. О’Флахерти повернулся и пошел прочь, не сказав девушке ни слова, не удостоив ее даже взгляда. Служанка скользнула в ближайшую дверь.

Скай, которая редко молилась вне церкви, воздала благодарность всем святым за временное освобождение. Но ночью избавления не будет, ее принудят делать все то, что происходит между мужчиной и женщиной. Об этом она имела самое слабое представление: сестры не говорили с ней об интимных делах, а Анна так и не успела просветить падчерицу. Она была отдана на милость Дому.

Скай взяла расческу и привела в порядок спутавшиеся волосы, потом расправила смятое свадебное платье, открыла дверь и вышла в коридор. Из темноты возник Дом, и рука об руку они спустились в зал поприветствовать гостей.

Праздник начался без них, и как только молодые появились в зале, раздались радостные крики. К ним тут же подошел полупьяный Дубхдара О'Малли и проводил к почетным местам за столом. С ужасом Скай обнаружила, что сидит между мужем и лордом Бурком.

– Добрый вечер, миссис О'Флахерти, – поприветствовал он Скай официальным тоном. – Желаю вам счастья.

– Благодарю, милорд, – ответила девушка. Она не решилась поднять на него глаза, чувствуя, что расплачется, и рука, потянувшаяся к бокалу с вином, сильно задрожала. Найл заметил это, и его сердце болезненно сжалось.

О'Малли из Иннисфаны не скупился для дочери ни на какие расходы. На столах стояли огромные вазы со свежими устрицами, вареными в белом вине на травах креветками и раками. Здесь же стояли блюда с жареной морской форелью,

фаршированной сначала семгой, потом меньших размеров речной форелью, затем мелкими рачками. Жених положил себе в тарелку устриц и громогласно объявил об их благотворном воздействии на мужскую силу.

В следующую смену подали лебедей, каплунов в лимонно-имбирном соусе, напигованных уток, зарумянившихся жареных голубей, ягненка, полупрожаренный говяжий бок, сочащийся кровью и жиром, кроличье мясо в горшочках, различные паштеты, серебряные подносы с нарезанным хлебом, сладковатое масло. Никого из гостей не мучила жажда: слуги следили, чтобы серебряные кувшины с красным и белым вином и глиняные кувшины с пивом были постоянно полны.

На десерт подали разноцветное желе, сладкие кремы, фруктовые пироги, головки французского острого сыра, сладкую вишню, испанские апельсины. Нанятый к свадьбе повар сам изготовил марципановый торт. Его украшала пара, изображающая жениха и невесту. Панталоны мужчины сильно оттопыривались, приковывая к себе взгляд игриво улыбавшейся невесты.

Гости провозглашали тост за тостом – некоторые грубые, другие остроумные. Наконец Дом О’Флахерти повернулся к жене.

– Иди, крошка, приготовься меня встречать. Благодаря щедрости твоего отца я сыт по горло. Теперь попирую на твоём теле.

Скай покраснела и передернула плечами.

– Мне нужно принять ванну, – ответила она. – Сегодня утром не было времени.

– Сколько тебе потребуется?

– Час.

– Полчаса, Скай. Дольше я не намерен ждать.

Девушка поднялась. Гости разом завопили. Она подобрала юбки и двинулась из зала, вслед за нею устремились сестры, а за ними гогочущие мужчины. Если им удавалось схватить невесту или одну из ее служанок, им полагался штрафной поцелуй. Сестры О’Малли провели Скай в спальню, где молодоженам предстояло провести брачную ночь, и захлопнули дверь, отсекая толпу молодых мужчин.

Перед камином уже стояла приготовленная ванна с дымящейся горячей водой. Скай с благодарностью посмотрела на служанку:

– Спасибо, что подождала меня, Молли.

– Знала, что раньше у вас не будет времени, – ответила она и помогла госпоже раздеться.

Сестры приняли ее красивый свадебный наряд и принялись убирать комнату. Сайна взяла нагретую сковороду и провела ею под одеялом.

– Ничто так не охлаждает пыл мужчины, как прохладные простыни, – заметила она.

Скай сосредоточилась на мытье. Если бы она позволила себе думать о том, что ей предстоит, ее мозг разорвался бы

на мелкие кусочки. Она оглядела спальню. За исключением цветущих ветвей, помещать которые в спальню молодоженов требовал старинный обычай, все оставалось как прежде. Большая темная дубовая кровать с небесно-голубым бархатным пологом была только что застелена тончайшими полотняными простынями, источающими аромат лаванды. Гардероб из того же дерева оказался пустым: все ее вещи упаковали для переезда к мужу. Скай быстро вымылась, вылезла из ванны, и ее тут же приняли в нагретое полотенце. Ее прелестное тело порозовело от горячей воды. Молли быстро вытерла хозяйку и щедро припудрила ароматным порошком с помощью подушечки из овечьей шерсти. Сестры расчихались, когда остаток пудры поднялся в воздух.

– Приоткрой окно, – приказала Муар. – И принеси шелковое платье, Молли.

Скай вспыхнула:

– Нет, Муар, ради бога, только не это.

– Скай! – Голос сестры стал резким. – Это семейная традиция О’Малли, и мы все ей следовали. Бог мой, сестра, ты из нас самая красивая. Тебе совсем нечего, девочка, стесняться.

– Но все эти мужчины увидят меня голой!

– Мы, О’Малли, горды, что идем к мужу неиспорченными, и готовы это показать. И ты, как и мы все, будешь соблюдать нашу традицию.

На невесту накинули шелковое платье, и Муар обратилась

к Пегги:

– Отопри дверь. Я слышу, мужчины идут.

Не успела Пегги отскочить от двери, как в маленькую комнату ворвалась толпа смеющихся гостей. Друзья уже наполовину раздели Дома О’Флахерти. В спальню младшей дочери вступил Дубхдара О’Малли. Он был совершенно пьян, но все еще умудрялся играть роль хозяина.

Он поднял руку, требуя молчания, и в комнате притихли:

– Сегодня я выдаю замуж свою последнюю дочь. Я рад показать вам, что, как и другие мои дочери, она идет к жениху неиспорченной, без единого изъяна. – Он кивнул Пегги и Муар, и те стянули с невесты платье и уронили его на пол.

Теперь девушка стояла совершенно голой. Она повернулась, и сестры подняли ее длинные черные волосы, чтобы показать собравшимся гостям, что под ними ничего не скрыто. В блеске свечей тело Скай сияло как жемчужина.

Восхищенный вздох прокатился по комнате, когда мужчины и женщины оценили девственную красоту невесты. Жених был откровенно поражен. Скай оказалась самым совершенством с маленькой, оканчивающейся острыми сосками грудью, длинными стройными ногами и изящными ступнями.

Внезапно гости застыли – в комнату ворвался лорд Бурк и, растолкав всех, прошел вперед. Он откровенно разглядывал невесту.

– О’Малли! – провозгласил он. – Как твой сюзерен, я за-

являю о своем праве на первую ночь.

Хозяин Иннисфаны сглотнул комок в горле:

– Нелепая шутка, милорд, – ответил он, моментально про-
трезвев. Он еще надеялся, что Бурк пьян, но видел, что это
не так. – Моя дочь – не крестьянская девушка, – сказал он
твердо.

Лорд Бурк выпрямился во весь свой впечатляющий рост
и обвел всех гордым взглядом:

– Я твой сюзерен, Дубхдара О’Малли. Еще на мое десяти-
летие ты клялся повиноваться мне и только благодаря моей
щедрости ты получил Иннисфану. Закон требует, чтобы ты
подчинился моей воле.

– Нет! – закричал Дом. – Она моя! Моя! А я не ваш вассал.

Лорд Бурк презрительно взглянул на юношу.

– Хочу тебе напомнить, молодой человек, что семья
О’Флахерти подвластна моему отцу, посланцем которого я и
приехал сюда. И я требую исполнения права первой ночи с
твоей невестой. Решится кто-нибудь из твоих друзей поспо-
рить со мной из-за девушки и подвергнуть опасности свои
семьи? Кроме того, О’Флахерти, когда я кончу обучение, она
придется тебе больше по вкусу. Ты, я вижу, не очень-то уме-
ешь обращаться с девами.

В комнате воцарилось молчание. Дубхдара О’Малли нерв-
но переминался с ноги на ногу, не зная, как поступить. По-
том до него дошло, что окончательное решение придется
принимать его новому зятю.

– Подчиняюсь тебе, милорд, – быстро проговорил он почти с облегчением.

Гробовую тишину в маленькой жаркой комнате наконец нарушил голос Дома:

– Я заплачу выкуп, милорд. Назовите цену.

Найл Бурк высокомерно посмотрел на Дома и процедил сквозь зубы:

– Твоя жизнь или невинность девушки.

У гостей захватило дыхание. Перед ними разыгрывалась драма, о которой долгие годы будут рассказывать во дворцах и хижинах Ирландии. Что заставляло лорда Бурка так настойчиво добиваться невесты? Конечно, она была очаровательным созданием, но не так уж часто сюзерены пользовались правом первой ночи.

Дом О'Флахерти побелел, потом покраснел от страха и беспомощной ярости. Он взглянул на Скай, потом снова на лорда Бурка и представил их в объятиях друг друга. «Сукин сын загнал меня в угол», – подумал он и яростно выговорил:

– Я подчиняюсь. Будь ты проклят, лорд Бурк! – И, повернувшись, быстро прошагал через комнату. За ним последовал О'Малли и другие гости.

Найл Бурк подошел к двери и закрыл ее на замок, затем посмотрел на Скай. Во время всей перебранки она хранила молчание и стояла тихо, как затаившийся кролик.

– Я и в самом деле собираюсь овладеть тобой, – сказал он. Зеленовато-голубые глаза девушки казались огромными

на бледном лице.

– Я знаю, – ответила она. – Только скажи, что мне нужно делать. Никто мне не рассказывал, что от меня требуется, а сама я ничего об этом не знаю. Анна так и не успела мне объяснить, – беспомощно закончила она.

Теплая улыбка озарила лицо лорда Бурка, и он снова сделался ее Найлом.

– Думаю, прежде всего нужно положить тебя в кровать, – нежно произнес он. – Ты совсем замерзла, любовь моя. – Он отогнул одеяло, осторожно поднял девушку, положил на кровать и укрыл.

– Поцелуй меня, Найл, – попросила она, в первый раз назвав его по имени.

– Я как раз и собираюсь это сделать, Скай. Дай мне лишь секунду, чтобы сбросить одежду.

Будь на ее месте другая, он бы отпустил грубоватую шутку. Такой она была нетерпеливой и настойчивой. Но вместо этого он наклонился и поцеловал тянущиеся к нему губы. Поцелуй оказался им сладостным, и они никак не могли оторваться друг от друга. Наконец Скай высвободилась:

– Я была уверена, что с тобой и на этот раз будет так же замечательно, как тогда. А когда Дом поцеловал меня сегодня, мне захотелось умереть – так он мне противен.

– Ну как, у нас и на этот раз вышло замечательно?

– Прекрасно, Найл.

Не спеша он разделся и подошел к кровати.

– Ты раньше когда-нибудь видела обнаженного мужчину? – Отблески огня из камина плясали на его голом теле.

– Только до пояса. Матросы часто скидывали рубашки, когда становилось жарко. И еще я видела ступни и часть ног. – Она скользила взглядом по его фигуре, задержала глаза на мужском органе, затем, покраснев, отвела глаза в сторону.

– Надеюсь, дорогая, он тебе понравится, – озорно улыбнулся Найл Бурк, ложась подле нее. Лицо девушки оставалось серьезным.

– Я не могу понять, как он действует.

– Позволь уж об этом позаботиться мне, – ответил он и, крепко сжав девушку, положил ее на спину. – О, Скай, дорогая, как я люблю тебя! – Его губы снова прижались к ее губам, но на этот раз все получилось по-другому. Губы лишь коснулись ее рта, потом прошли по трепещущим векам, по лбу, щекам, подбородку и, наконец, по кончику носа.

Потрясение от ласк заставило девушку задохнуться, а теплая рука Найла, коснувшись груди, застала врасплох.

– О, Найл! Извини, я такая маленькая, – застенчиво извинялась она, не в силах выдержать его горячего взгляда.

– Ты само совершенство, Скай. Видишь, как мило лежит твоя грудь у меня в руке? Как маленький белый голубь. – Он наклонил темноволосую голову и, поцеловав розовый заостренный кончик, с удовольствием почувствовал, как он твердеет.

Он нежно прижал ее спину к подушкам и слегка навалился на нее, осыпая поцелуями ее трепещущую грудь. Найл наслаждался, чувствуя, как в девушке закипает страсть. Красивые темные волосы разметались по белым подушкам. Голова откинулась, подставляя любовнику изящную шею, и он, не утерпев, запечатлел на ней горячий поцелуй.

Большие ладони Найла скользили по ее телу, и он восхищался гладкой кожей Скай. Внезапно Скай вспыхнула и застонала беспомощно, испуганно, ощутив, что из нее истекает влага. Тело стало безвольным, и вместе с тем в нем таилась большая сила. Голос Найла подбадривал ее и шептал слова любви.

Девушка судорожно вздохнула, ощутив, как пальцы мужчины нежно ласкают ее, а потом почувствовала новое прикосновение – это его член прижался к нежной коже ее ноги. Осторожно коленом Найл раздвинул ее бедра, и в сладком тумане желания и страха она услышала, как он сказал:

– Тебе будет больно лишь раз, Скай. Потом, любимая, ты больше никогда не почувствуешь боли.

– Да! Да! Скорее! – упрасивала она, даже не понимая, чего хочет, но страстно этого желая.

Жгучая боль пронзила ее и тут же отступила, переполнив трепещущим теплом. Серые глаза Найла встретились с голубыми глазами любимой, и в ее зрачках отразилась его страсть. Какое-то время они парили вне, и вдруг она вскрикнула от удовольствия, почувствовав, как ее перепол-

няют мужские соки.

Несколько минут он не мог обрести дыхание, потом откатился в сторону и положил Скай на руку. Он гладил ее волосы, закапываясь в их гущу. Когда он вновь заговорил, его бархатистый голос дрожал от нежности:

– Спасибо, Скай, спасибо, маленькая. Спасибо за лучший подарок, который только может преподнести девушка мужчине.

Она повернулась так, чтобы видеть его лицо, обретенная женственность сделала ее смелой:

– Я ждала тебя всю жизнь, Найл Бурк. Не оставляй меня теперь, я скорее соглашусь стать твоей любовницей, чем женой Дома О’Флахерти. Я пойду за тобой куда угодно.

Лорд Бурк вздохнул:

– Теперь я и не смогу тебя оставить. Мы аннулируем этот брак по причине твоей измены мужу со мной. У меня нет ни малейшего желания возвращать тебя О’Флахерти. Утром мы уедем в замок моего отца. Твой муж – тщеславный павлин. Приличные деньги и новая невеста успокоят его уязвленную гордость.

– Ты не оставишь меня? – Глаза Скай светились счастьем. – О, Найл, как я тебя люблю! Как я люблю тебя!

– Любимая, я обожаю тебя! – Он крепко поцеловал девушку. – Я тебя тоже очень люблю!

Их тела снова слились воедино. Скай была совершенно захвачена бурей новых чувств, нахлынувших на нее. Ее тело

отвечало на любое его прикосновение, стремясь все к новому и новому наслаждению.

Найл лег на спину и положил девушку на себя. Его восхищало ее смущение. Она спрятала лицо в плечо.

– Ну нет, дорогая, теперь ты люби меня.

– Но, Найл, я не знаю, как это делается, – запротестовала Скай.

– Коснись меня. Это будет лучшим началом.

Она села на него, но никак не могла встретиться с ним взглядом. Застенчиво она коснулась его груди дрожащей рукой. Завитки темных волос оказались мягкими, кожа теплой и гладкой. Ладонь девушки скользнула по его груди к плечу, затем спустилась вниз по мускулистой руке. Внезапный порыв заставил ее наклониться к любовнику и, прижавшись, потереться своей грудью о его. Затаив дыхание, Найл ждал, что она будет делать дальше. Она погладила его лицо. И вдруг ее твердый маленький сосок оказался рядом с его губами. Теперь дыхание захватило у Скай, когда она почувствовала, как сосок погружается в теплоту его рта. Язык Найла поглаживал его, посылая огненные стрелы по всему ее телу. Она поежилась, полузакрыв глаза.

Найл обнял ее, и вновь она оказалась на спине. Он взял ее за руку и показал, где находился его мужской орган. Невольно она начала его ласкать. Найл застонал, уткнувшись в ее перепутанные, черные, как ночь, волосы. Свежий запах мыла и женского тела сводил его с ума. И вновь он погрузил

свое копьё в её трепещущую теплоту.

Задохнувшись, она взяла от него столько, сколько смогла, обнимая так же крепко, как и он её.

– Обними меня ногами, любовь моя. Я не могу достаточно насладиться тобой. – Его голос был отрывистым и хриплым.

Она подчинилась и тут же тихо вскрикнула, почувствовав, как все глубже и глубже он проникает в неё. Мир вокруг взорвался сплошным наслаждением. Ничего лучшего быть не могло, и все же с каждым его проникновением было все замечательнее.

– О Найл! Я умираю! – выкрикнула она наконец, не в силах больше переносить наслаждение. Он был достаточно опытен, чтобы контролировать себя, но сейчас был не в силах остановиться.

– Еще немного, Скай! Ты такая сладкая! Я не могу перестать! – жарко бормотал он.

– Нет, нет, не прекращай, – бешено упрашивала она. Ей не хотелось покидать этот сказочный мир. – Глубже! Быстрее! Быстрее! – Они забылись друг в друге. Когда вместе они достигли вершины страсти, она издала протяжный стон, в котором чувствовались и горе, и радость.

Прижав её к себе, он тихо промурлыкал:

– Скай, любимая, ты само совершенство. Как я люблю тебя, милая.

Ее зеленовато-голубые глаза отяжелели от опустошения, но светились любовью.

– Подари мне сына, Найл! – горячо зашептала она.

Он нежно погладил ее по щеке:

– В свое время, дорогая. В свое время. А теперь поспи. Утром мы придем в мир с потрясающей новостью, что будем вместе. И нам нужно хорошенько отдохнуть, чтобы справиться с шумихой, которая тогда поднимется.

– Это когда ты скажешь, что не бросишь меня? – Голос Скай задрожал.

– Да, любимая. Теперь только дьявол сможет разлучить нас.

– Я пойду за тобой в самый ад, Найл, – порывисто ответила она.

Наконец в объятиях друг друга они уснули, веря в силу своей любви.

В сером предрассветном сумраке Скай и Найл Бурк крепко спали. Через открытое окно в комнату пробрался маленький мальчик и секунду с бьющимся сердцем и разинутым ртом смотрел на кровать. Оба спящих были совершенно нагими. Мужчина лежал на животе, уткнувшись лицом в подушку, и обнимал свернувшуюся на боку женщину. Поваренок, которого редко отпускали с кухни, решил, что это самое прекрасное зрелище, которое он когда-либо видел, и почувствовал досаду при мысли о том, что должен был сделать. Женщина шевельнулась во сне, и, вспомнив о своем долге, мальчик на цыпочках прошел через комнату и, неслышно отперев замок, открыл дверь.

Дубхдара О'Малли с тремя вооруженными людьми вошли в комнату и тихо направились к кровати. О'Малли кивнул своим спутникам. Найла Бурка быстро стащили с кровати и засунули в рот кляп. Потом, то ли неся, то ли волоча его по полу, вышли в коридор и без стука, но плотно закрыли за собой дверь. Найл отчаянно сопротивлялся. Его стащили вниз по лестнице в главный зал замка. Он не был напуган, потому что знал: если бы они хотели взять его жизнь, он давно бы был мертв.

– Ты не будешь кричать, милорд? – спросил О'Малли, когда они наконец спустились в зал.

Найл потряс головой. Его руки освободили, тряпку вынули изо рта. Он почувствовал, что в руку ему суют кружку с пивом. Он отхлебнул и начал одеваться – костюм притащил поваренок. Найл Бурк был разъярен, но начинать разговор полуодетым казалось неудобным. Первым заговорил О’Малли:

– Немедленно уезжайте, милорд. Юный О’Флахерти провел страшную ночь, напился и приставал к служанке Скай. Если он вас увидит, то может прийти в неистовство, а я не хочу отвечать перед Макуилльямом, если его наследнику будет нанесен какой-либо вред.

Найл изо всех сил тянул на себя сапоги.

– Я хочу, чтобы брак Скай признали недействительным, О’Малли. Три дня я пытался пробиться к тебе, чтобы поговорить о свадьбе. Я люблю Скай, и она любит меня. Я хочу взять ее в жены. О’Флахерти возьмет новую невесту, если дать ему хороший выкуп. Почему, ты думаешь, я совершил все это нынче ночью? Чтобы поразвлечься? Ну нет! Я люблю твою дочь, О’Малли, и надеюсь, что мой поступок заставит О’Флахерти бросить ее.

Дубхдара О’Малли был поражен.

– Вот что, парень, если у меня что-нибудь и есть на свете, то это доброе имя и честное слово. В слове Дубхдары О’Малли еще никто не сомневался, потому что оно драгоценное, как золото. Я никогда не нарушал своего слова. Не сделаю этого и теперь. Скай была помолвлена с Домом еще ребен-

ком. Если бы я даже и отложил свадьбу, твой отец никогда бы не позволил тебе жениться на О'Малли из Иннисфаны. Тебе предназначены О'Нийл, О'Доннел или О'Брайан – дочери высшей знати. А не моя девчушка.

Серые глаза Найла вспыхнули:

– Она достойна стать королевой, О'Малли!

– Что ж, парень, с этим я спорить не стану. Но она жена Дома О'Флахерти, пока смерть не разлучит их. Ты использовал право сюзерена. Больше тебе здесь делать нечего. Поезжай домой. Предоставь мне чинить свой забор и врачевать разбитое сердце дочери.

– Я не уеду без Скай, О'Малли. Она покинет этот замок со мной!

Дубхдара сделал своим людям едва заметный знак. Бурка несильно ударили по голове, но он тут же потерял сознание.

– Отнесите его на корабль и скажите капитану Магуайру, чтобы отвез его домой. А это письмо пусть вручат в собственные руки Макуилльяму и дождутся ответа, – коротко приказал хозяин замка.

О'Малли посмотрел, как его самого почетного гостя выволокли из зала, потом, не оглядываясь, вернулся в спальню дочери и потряс ее за плечо:

– Скай, девочка! Просыпайся!

Голубые глаза медленно раскрылись и в следующий миг округлились от удивления:

– Папа? – Она обвела комнату взглядом и испуганно про-

шептала: – Найл?

– Уехал, Скай. Найл Бурк уехал домой.

– Нет! Он обещал, что никогда меня не оставит! Он это обещал!

– В пылу страсти мужчины часто дают обещания, которые не намерены выполнять, – сказал О’Малли. – Вставай одевайся, дочка. Поедешь с Эйбхлин в Инништурский монастырь, пока Дом не остынет и не станет ясно, что ты не забеременела от Бурка. Сейчас пришлю кого-нибудь помочь тебе одеться.

– Ты лжешь мне, отец! Что ты сделал с Найлом?

– Я не лгу, Скай. Бурк отправился домой.

– А где Молли?

– Заболела, – ответил О’Малли и вышел из комнаты.

Оглушенная, Скай не могла подняться с кровати. Он *обещал*, что они никогда не расстанутся. Он это говорил. И она знала, что он так думал. Но где же он? Неужели его убили? Боже, нет! Она задрожала. Ну конечно же, его не убили. Отец никогда бы не посмел так поступить с наследником сюзерена.

А может быть, подсказывал ей какой-то злой голос, отец и прав. В конце концов, что ты знаешь о мужчинах? Может быть, наследник знатного лорда позабавился с тобой и теперь преспокойно возвращается домой. Сердце сильно забилось, и на мгновение ей показалось, что сейчас она лишится чувств. Потом она призвала остатки силы, которую копила

долгие годы. Если она станет сомневаться, то сойдет с ума. Скай О'Малли должна верить своему чутью и не поддаваться панике.

Пройдя голой через комнату, она вытащила из кожаного сундука платье и стала одеваться. Сначала натянула нижнее белье, потом нечто вроде юбки – вещь собственного покроя. Отец не разрешал ей носить мужской костюм, а длинные юбки сковывали ее движения на палубе корабля. Она переделала юбку в широкие, ниже колен, брюки, которые носила с чулками и высокими, до колен, сапогами. Сорочку ей пришлось обрезать у пояса, и она надевала ее под шелковую рубашку.

Умывшись, одевшись и заколов на макушке расчесанные волосы, она взяла темную шотландскую накидку и вышла из комнаты. Там ее ожидал один из людей отца. Скай приказала ему захватить из комнаты сундук и проследила, чтобы его в сохранности погрузили в лодку. Потом величественно спустилась в зал, где ее ждали отец, сестра Эйбхлин и Дом.

Дом выглядел ужасно: глаза распухли и заплыли, на лице царапины и синяки. Скай взяла себя в руки и произнесла:

– Доброе утро, Дом.

Муж сердито посмотрел на нее, но ничего не ответил. Девушка пожала плечами и повернулась к отцу:

– Папа, я готова ехать. Но прежде я хочу знать правду. Найл не бросил бы меня, если бы его не заставили.

Глаза Дома О'Флахерти округлились, затем сузились в

щелки.

— Это что же, предательство? — уставился он на тестя. — Довольно уж того, что Бурк потребовал право сюзерена и ослабил меня на всю округу. Теперь оказывается, и она была с ним в сговоре! — Он сверкнул на жену глазами. — Долго ты с ним путалась? Давно связалась с Бурком, сука? Да я до полусмерти тебя забью!

Скай холодно посмотрела на мужа. Ее голос оставался спокойным и ровным.

— С Найлом я познакомилась всего несколько дней назад, Дом. Да, мы любим друг друга. Сама не понимаю, как это случилось, но это так. Ты мне не очень нравишься, Дом, но нарочно я не нанесла бы тебе обиду. Найл Бурк хочет жениться на мне. Дай мне развод. Ты ведь меня не любишь. Найл сделает так, чтобы у тебя была другая невеста, а солидная денежная компенсация успокоит твою уязвленную гордость.

Дом посмотрел на Скай так, как будто та была ненормальная.

— Ты что, О’Малли, дал мне в жены полоумную? — Он повернулся к девушке: — Послушай, безумная! Макуилльям не позволит своему наследнику жениться на такой, как ты. А Бурк просто бабник. Он хотел лишь позабавиться с тобой и, уж конечно, сделал это, если верить его репутации. Но теперь кончено! Ты поедешь с Эйбхлин в Инништурский монастырь и останешься там до тех пор, пока я не буду уверен,

что семья Бурка не дало всходов. А когда вернешься домой, будешь примерной женой – полюбишь меня или нет, – но шлюхой больше не станешь.

– Папа!

– Повинуйся мужу. Он твой господин.

– *Никогда!*

Дом О’Флахерти одним прыжком подскочил к Скай и, схватив ее за руку, несколько раз сильно ударил. Потрясенная, ведь отец никогда не бил ее, девушка пыталась защищаться от ударов.

– Шлюха! Я предупреждал, что сделаю с тобой, если не будешь меня слушаться! – Он безжалостно ее встряхнул.

Разъяренная и одновременно напуганная, Скай резко высвободилась.

– Сукин сын! – прошипела она. – Только попробуй еще меня ударить, и я воткну нож тебе в сердце!

– Довольно! – проревел О’Малли, вставая между ними. – Довольно, Дом. – Голос его звучал очень жестко. – Эйбхлин, забирай сестру и веди ее в лодку.

Глаза Скай почернели от гнева:

– Я никогда не прощу тебе этого, папа, – тихо произнесла она. И, посмотрев на него ненавидящим взглядом, вышла из зала вместе с сестрой.

День стоял серый и прохладный. Ветер развеивал накидки женщин, когда они проходили по подъемному мосту и дальше, через розарий. На секунду Скай задержалась, глаза ее

затуманились слезами. Потом она сорвала розу, вдохнула ее аромат и пошла дальше, осторожно ступая по тропинке, безжавшей со скалы в сырость бухты. У берега ее поджидала парусная лодка и двое из людей отца. Она заметила, что сундук уже на борту. Один из матросов помог Эйбхлин перебраться в суденышко. Скай, отказавшись от помощи, взобралась на борт и устроилась на корме. Рукой она твердо взялась за румпель. Один из моряков столкнул лодку с мокрого песка, другой распустил парус.

Матрос Коннор ухмыльнулся, кивнул и снова сел, когда Скай взяла в свои руки румпель. Теперь они стрелой домчатся до Инништуркского острова, раз миссис Скай повела лодку. Никто не умеет это делать, как она. Другой матрос, только недавно поступивший на службу к О'Малли, сидел помалкивая.

Скай умело провела лодку по защищенной от ветра замковой бухте и направила в открытое море. День разгуливался, поднялся свежий бриз. Легкая лодочка скользила по пологим голубым волнам. Инништурк, отстоявший от замка всего на несколько морских миль, был ясно различим. Скай твердо держала курс, чтобы подойти как можно ближе к монастырю Эйбхлин.

Эйбхлин отчаянно хотелось поговорить со Скай, но сестра вдруг сделалась как будто старше и отчужденнее, и молодая монахиня погрустнела. Чем она могла утешить сестру? Что сказать женщине, которую насильно выдали замуж за одного

мужчину, в то время как она любила другого? Снова и снова Эйбхлин ощущала разочарование оттого, что родилась женщиной в этом мире мужчин. Снова и снова спрашивала себя, кто установил такие порядки.

Потом монахиня заметила ужасный синяк, который начал наливаться на левой щеке Скай. Не проронив ни звука, она окунула платок в ледяную воду, выжала его и, так же не говоря ни слова, подала сестре. Скай благодарно улыбнулась, взяла мокрую материю и поднесла к ушибленному месту.

Инништурк все приближался и приближался, и наконец лодка ткнулась носом в песок. Эйбхлин выбралась на сушу. Здесь, у себя дома, командовала теперь монахиня:

– Коннор, бери сундук миссис Скай. А ты, Патрик, останься с лодкой.

– Да, сестра. Хорошо, сестра.

Скай легко перепрыгнула через борт и оказалась на песчаном берегу. Она прекрасно знала дорогу, они с отцом часто навещали Эйбхлин. Молча они взбирались по тропинке, идущей от берега. На утесе она открыла небольшие плетеные воротца и пропустила внутрь сестру и задыхавшегося Коннора. Ворота закрылись за ними, и они оказались в монастыре.

Впереди возвышалась обитель Святой Непорочной Девы на Утесе, построенная свыше ста лет назад. Монастырь стоял в квадрате укрепления, по углам которого в небо вздымались сторожевые башни. Серые камни главного строения

выдерживали натиск ветров и морской влаги. Вокруг стояло несколько подсобных построек – пекарня, прачечная. При входе в монастырь – у дубовой двери, обитой медью, – они остановились.

– Коннор, тебе придется подождать здесь, – сказала Эйбхлин. – Я пришлю кого-нибудь за сундуком.

– Я останусь с ним, – тихо произнесла Скай. – Если мне суждено месячное затворничество в монастыре, я предпочитаю отсрочить заточение.

Эйбхлин не спорила. Она позвонила, дождалась ответа привратницы и поспешно вошла. Оставшись наедине с девушкой, Коннор пробормотал:

– Если бы спросили меня, я бы ответил, что это не очень подходящее место для медового месяца.

– Я бы тоже, – бросила ему Скай. – Но оно не хуже любого другого, если вышла замуж за нелюбимого мужчину. Но если ты, старый сплетник, повторишь мои слова где-нибудь еще, знай, что меня за них побьют.

– О’Малли тебя никогда и пальцем не трогал!

– Он-то нет, а вот сукин сын, за которого он меня выдал замуж, уже попробовал. Синяк на щеке – знак его любви.

Даже Коннор, не видящий ничего зазорного в том, что муж время от времени дает жене тумака, чтобы держать ее в узде, был потрясен, узнав, что жених избил невесту в день свадьбы. Миссис Скай была не какая-нибудь девка. Она особенная. К тому же моряк был родственником служанки Мол-

ли, которая едва перенесла эту ночь с О'Флахерти. Не лучше ли предупредить молодую госпожу?

– Скажу тебе прямо, девушка, чтобы ты была настороже. О'Флахерти взял Молли ночью в ее собственной кровати и чуть ее не убил. Прodelывал с ней такое, чего ни один порядочный мужчина не потребует от женщины. Потом побил до полусмерти и выкинул вон. Будь осторожна, когда вернешься домой.

На лице Скай не отразилось никаких чувств.

– Молли поправится?

– Ее синяки пройдут.

– Скажи ей, если она не захочет больше мне служить, я ее пойму. Она может остаться в замке и прислуживать мате-хе. А леди Анне скажи, что мне в услужение нужна новая женщина, среднего возраста и невзрачной наружности. Если мне придется вернуться домой, я не собираюсь подставлять О'Флахерти еще одну девушку.

Входные двери монастыря скрипнули и растворились, на пороге в сопровождении двух монахинь появилась Эйбхлин. Скай попрощалась с Коннором и прошла за сестрой внутрь.

Сестры молча шли по длинному коридору, пока не оказались перед тяжелой дубовой дверью. Эйбхлин постучала. Голос пригласил их войти, и они повиновались.

На стуле сидела женщина, равной по красоте которой Скай еще не видела. Ее лицо под белой шапочкой и накрахмаленным белым крылатым монашеским убором было

необыкновенно чистым. Черное облачение не казалось таким суровым из-за белого прямоугольника на груди, в середине которого располагалось отделанное серебром распятие из черного дерева с серебряной лилией. Встав на колени, Эйбхлин взяла ее аристократическую руку и поцеловала серебряное с ониксом кольцо.

– Поднимись, дочь моя, – послышался холодный голос.

– Святая мать, позволь мне представить сестру Скай. Скай, а это святая мать Этна.

– Спасибо, сестра Эйбхлин. Теперь можешь возвращаться к своим обязанностям. Утром из деревни пришла миссис Монахан. Благословляю тебя на помощь в ее трудах.

Эйбхлин поклонилась и вышла из комнаты, а мать Этна махнула рукой в сторону стула.

– Добро пожаловать в обитель Святой Непорочной Девы на Утесе, леди О’Флахерти. Отец уже уведомил нас о причинах твоего приезда. Сделаем все, чтобы устроить тебя как можно удобнее.

– Спасибо, – бесцветным голосом поблагодарила Скай.

Спокойные карие глаза изучали девушку: монахиня как будто спорила сама с собой. Потом заговорила:

– До пострига я была Этна О’Нил. Лорд Бурк был помолвлен с моей племянницей. Она его так ни разу и не видела, но видела я. Он очень привлекателен. – Ее губы растянулись в улыбке.

– Мы познакомились совсем недавно, – сказала Скай уже

мягче. – Не знаю, что с нами случилось, но мы полюбили друг друга. Папа и слушать не захотел. Найл хотел сделать так, чтобы мой брак был расторгнут и мы смогли пожениться.

Монахиня кивнула головой:

– Может быть, он и сможет это устроить или по крайней мере начать действовать, пока ты здесь.

– Вы первый человек, кто не говорит мне, что Макуилльям не позволит своему наследнику жениться на какой-то О’Малли из Иннисфаны.

Святая мать рассмеялась:

– Ах уж эти мужчины с их гордостью! Наберись терпения, дочь моя. Макуилльям – человек суровый, но он любит сына. Однако скажи, дитя мое, ты вовсе не испытываешь к мужу никаких чувств?

– Я не люблю Дома и никогда не хотела выходить за него замуж. Я упрашивала отца не принуждать меня к этому еще перед тем, как познакомилась с Бурком. До нашей встречи я совсем не хотела выходить замуж. Я считаю, что женщина вовсе не обязана проводить всю свою жизнь с человеком, которого не любит.

– Так ты, – усмехнулась монахиня, – такая же бунтарка, как и твоя сестра, леди О’Флахерти!

– О нет, святая мать, пожалуйста, не называйте меня леди О’Флахерти. Я никогда не буду считать фамилию Дома своей. Я – Скай О’Малли!

– Хорошо, хорошо, Скай О’Малли, постараемся устроить тебя поудобнее. – Монахиня взяла колокольчик и резко позвонила. Тотчас появилась молодая послушница. – Сестра Фелдельм, это Скай О’Малли, сестра Эйбхлин. На несколько недель она укроется у нас. Для нее приготовили гостиноприимную комнату в Западной башне. Будь добра, проводи ее туда.

– Слушаюсь, святая мать, – поклонилась послушница. – Пожалуйста, следуйте за мной, миссис О’Малли.

– Ты вольна ходить здесь где угодно, Скай. Часовня и общие комнаты открыты для тебя. Не стоит затворяться у себя в комнате.

– Спасибо, – Скай приготовилась последовать за сестрой Фелдельм.

– Я буду сообщать тебе все, что узнаю, дочь моя.

Скай улыбнулась настоятельнице и вышла за послушницей из комнаты.

Как печально, размышляла настоятельница, еще одна девушка насильно выдана замуж. Она прикидывала, как поступит Макуилльям. Ей было абсолютно ясно: он не позволит Найлу обладать Скай, потому что подыскивает для него лучшую пару. Какой же он и подобные ему мужчины глупцы. Как они до сих пор не поняли, что перекормленные девицы дают плохое потомство? Здоровая девушка из не столь знатной семьи окажется гораздо лучшей женой.

Мать-настоятельница понимала, что за показной смелой

стью Скай О'Малли скрывает испуг и отчаяние. И если девочке предстоит разочарование, пусть она встретит его сейчас и перенесет с монахинями. Пока она в монастыре, Бог наставит сестер, как помочь ей примириться с собой.

Скай осмотрелась в предоставленных ей покоях: они состояли из двух комнат – небольшой спальни и значительных размеров гостиной. В обеих были каминь. В спальне очаг располагался в углу. Из мебели там стояла только кровать, застеленная бордовым покрывалом, – больше ни для чего места не оставалось. Необъятные размеры кровати озадачили Скай, пока она не догадалась, что монастырские комнаты, вероятно, обставляют щедрые друзья обителй. Девушка хихикнула про себя: какой монахине нужна такая кровать? Она выглянула в крохотное окно, выходящее на море.

Гостиная с окнами на две стороны хорошо освещалась.

Из северного окна открывался вид на далекий родной остров Иннисфана, западное смотрело в открытое море на заходящее солнце. Восточную стену занимал сложенный из камня большой камин, по сторонам которого располагались резные, огромных размеров крылатые ангелы. Рядом с камином – дубовая дверь, выходящая в коридор. Напротив камина темнел встроенный в стену от пола до потолка дубовый книжный шкаф. Пол был застелен турецким ковром в красных и голубых тонах, таким же, как в спальне, только больше. На южной стене, там, где находилась дверь в спальню, громоздился еще один огромный шкаф. Перед свинцо-

вым переплетом западного окна сверкали полировкой дубовые кресла и столик. У камина – стул и еще одно дубовое кресло. Большой сундук был украшен изящной резьбой, а на молитвенной скамейке между окон лежала вышитая подушечка. Сундучок Скай поставили в спальне под окном.

Благодетель монастыря оказался щедрым: на окнах висели тяжелые бордовые шторы. Позже Скай узнала, что Западную башню обставляли О’Нилы, когда Этна стала настоятельницей обители Святой Непорочной Девы на Утесе.

Дни в монастыре потекли привычной чередой. Она поднималась рано и стояла службу в часовне. Девушка не была особенно набожной, но сейчас она молила Бога, чтобы Найл приехал за ней. Потом ей приносили с кухни отдельный завтрак, она шла прогуляться по окрестностям монастыря. Принадлежащую обители лодку предоставили в ее распоряжение, и, чтобы скоротать время, Скай подолгу плавала на ней и рыбачила. Благодаря гостям в монастыре стали часто подавать к обеду свежую морскую рыбу.

Обед подавали в два, и Скай ела одна в своей гостиной. Ужин накрывали после вечерни, иногда Эйбхлин присоединялась к младшей сестре, в других же случаях девушке приходилось сидеть за столом одной.

В монастыре оказалась на удивление хорошая библиотека, да и шкафы в покоях Скай были забиты книгами. В плохую погоду она читала. Для своего времени Скай О’Малли была образованной женщиной.

Она говорила на родном языке и, кроме него, – по-английски, по-французски и на латыни, умела писать. И хотя шила и вязала не так замечательно, как ее сестры, у которых вовсе не видно было швов, управлялась с иглой вполне сносно.

Она имела представление о том, как вести хозяйство: заготавливать продукты, солить и сохранять их, как делать мыло и благовония, располагала элементарными знаниями в пивоварении и домашней медицине. Ее научили, как вести всему учет. О’Малли был твердо уверен: единственный способ, чтобы тебя не надул собственный управитель, – учитывать все самому. Достало бы и этого. Но Скай к тому же была самым опытным шкипером, с которым только приходилось плавать отцу. О’Малли часто подшучивал, что дочь нюхом определяет курс корабля.

Хотя за свой бедный событиями день Скай и встречалась с монахинями, большую часть времени она проводила одна. Устав монастыря Святой Непорочной Девы не был затворническим, обитель не бедствовала. Работницы-монахини трудились прежде всего во славу Божию и на пользу бедным. Некоторые из них служили учителями, другие врачевали людей, живущих в округе. Остальные возделывали монастырскую землю, готовили пищу, шили, вязали, занимались домашней работой.

Скай быстро приспособилась к жизни в монастыре: ловила рыбу, ставила силки на кроликов и как-то однажды даже принесла молодого оленя. Оленина была монахиням в дико-

винку.

Скай постоянно нуждалась в физическом труде. Только вымотавшись за день, она могла уснуть. Почему Найл ей ничего не написал? Он не мог не понимать, какое она испытывает нетерпение. Девушка была уверена: не мог он любить ее так нежно, а потом просто бросить.

Быть может, Скай и утешило бы сознание, что Найл Бурк страдал не меньше ее. Когда он выбрался из темноты и сознание его прояснилось, он обнаружил, что его, как рождественского гуся, сунули в маленькую лодку, как в печь. Капитан пляшущего на волнах суденышка криво, но понимающе улыбнулся:

– Так вы пришли в себя, милорд?

– Где это я, черт побери? – проревел лорд Бурк. – Сейчас же меня развяжи!

Капитан выглядел несчастным:

– В данный момент не могу этого сделать. Если вы начнете буянить, а по всему видно, что так вы и поступите, у меня будут неприятности. Отвезти лорда Бурка домой к Макуил-льямму – вот что приказал мне О’Малли, и я выполняю его приказ.

– Так, по крайней мере, посади меня и дай глотнуть чего-нибудь крепкого. Я весь затек. В голове у меня творится такое, как будто карлики там добывают золото. И я не уверен, что со мной сейчас не приключится морская болезнь.

Капитан Магуайр усмехнулся:

– Вы просите не слишком многого, Бурк, чтобы заставлять вас испытывать неудобства больше, чем нужно. – Говоря это, он приподнял Найла и усадил его, прислонив спиной к мачте. Потом поднес фляжку к губам.

Найл, испытывая благодарность, отхлебнул отдающее дымком и торфом виски. Словно раскаленный камень, оно обожгло желудок, потом согрело.

– Так это О’Малли отправил меня домой, – понимающе произнес он.

– Да, милорд. И большую часть пути вы проспали мирно, как младенец. Мы уже почти приплыли.

Найл вытянул шею и вгляделся в побережье. Но он не был моряком, и на таком расстоянии береговая линия выглядела для него везде одинаковой.

– Когда мы пристанем? – спросил он.

– Достаточно скоро, – последовал приводящий в бешенство неопределенный ответ. – Видите тот мыс? Обогнем его, и окажетесь дома. Там мы и пристанем. И тогда я вас выведу отсюда. Мы вместе пойдем к Макуилльяму, для которого у меня есть письмо.

– Пойдем! – взорвался Найл. – Ну уж нет! Мы возьмем первых попавшихся лошадей! Ты можешь ездить верхом? До укрепления Макуилльяма от побережья все ноги стопчешь.

– Почти так же здорово, как вы ходите под парусом.

– Тогда храни тебя Бог, Магуайр. Скоро тебе придется не лучше, чем мне сейчас!

Когда они наконец достигли берега, капитан развязал пассажира и помог ему перебраться через борт. Найл Бурк растирал запястья. Он спешил оказаться дома, чтобы скорее поговорить с отцом, и пошел вверх по холму.

Даже не оглядываясь, чтобы посмотреть, идет ли за ним Магуайр, Найл Бурк широко шагал по едва приметной тропинке. Примерно через полчаса их глазам открылась ферма под соломенной крышей. К ферме примыкал огород, где росла морковь, различная зелень, кресс-салат, виднелись несколько ярких цветков. Ближайшее поле выглядело ухоженным и пестрело ячменем и рожью. А ниже огорода на пастбище мирно жевали траву с дюжину лоснящихся лошадей. Других признаков жизни не было заметно, хотя Магуайр готов был поклясться, что видел, как вьется из трубы дымок.

– Эй! В доме! Это Найл Бурк с товарищем!

Прошло немало времени, прежде чем дверь растворилась и на пороге появился крупный мужчина.

– Все в порядке, Мив, – оглянулся он к кому-то скрывавшемуся в доме, – это его светлость.

Мужчина подошел ближе и схватил руку Найла своей огромной, напоминавшей медвежью лапу ладонью.

– Пожалуйста, милорд. Чем могу служить?

– Мне нужно две лошади, Брайан. Этот ужасный человек – капитан Магуайр из людей О’Малли. Позже он вернет тебе лошадей.

– Сию минуту, милорд. Но если вы не слишком спешите,

отведайте хлеба – жена только что вытащила его из печи.

Серые глаза Найла Бурка благодарно блеснули:

– Хлеб Мив с ее медом! Пойдем, Магуайр. Я покажу тебе, как надо обращаться с людьми, хотя ты со мной обошелся очень дурно. – С капитаном, следующим по пятам, он ворвался в дверь и заключил в объятия крошечную, как воробей, женщину. Он поднял ее в воздух, опустил и чмокнул во вспыхнувшие щеки, а она смеялась и просила ее отпустить. – Я пришел за твоей добродетелью, – рассмеялся Бурк, – и за вкусным хлебом, прелестная Мив. – Он осторожно поставил ее на пол. Она по-дружески шлепнула его:

– Никаких шалостей, мистер Бурк. Вы уже давно выросли. Проходите вместе с другом, садитесь. Хлеб только что из печи.

Они подчинились и сели. Бурк повернулся к Магуайру:

– Пока мне не исполнилось семь лет, Мив была моей няней. Потом она покинула меня и вышла замуж за Брайана. Мальчиком я часто приходил сюда, потому что она печет лучший хлеб в округе. И по каким-то особым причинам ее пчелы собирают такой вкусный мед, какого ты еще не пробовал.

– Это от морского воздуха, – объяснила Мив. – Он придает меду чуточку остроты.

Вскоре Магуайр убедился, что лорд Бурк его не обманывал.

– Если у вас есть дочь и она готовит хотя бы в половину

так же хорошо, как и вы, — обратился он к Мив, — я бы на ней трижды женился. — Женщина зарделась от удовольствия.

— На обратном пути перекусите с нами, капитан, — ответила она.

— Спасибо, миссис. Обязательно.

— Лошади готовы, милорд, — окликнул от двери Брайан.

Найл Бурк поднялся и, как мальчишка, слизнул с пальца капельку меда.

— Пошли, Магуайр, — обратился он к капитану. — Мне не терпится попасть домой.

Моряк с удивлением увидел, что за порогом их уже ждали две оседланные лошади. Они вскочили на них и, махнув Брайану, поскакали прочь.

— Ваши крестьяне, должно быть, благоденствуют, раз у них есть лошади, да еще такие замечательные, как эти, — заметил Магуайр.

— Это наши лошади, — объяснил Бурк. — Мы держим их в нескольких семьях специально для таких случаев, и поэтому никогда не остаемся без средств передвижения. — И пустил свою в галоп. — Ну же, вперед, — окликнул он капитана, который с несчастным видом трясся в седле.

Но о своей спешке Найлу Бурку еще пришлось пожалеть. Как только они прибыли к Макуилльяму, письмо О'Малли было вручено знатному лорду. Магуайра отослали подкрепиться, а Найл с нетерпением ждал, пока, темнея лицом, Макуилльям пробежал глазами послание О'Малли. Наконец он

посмотрел на сына и сердито проревел:

– Ну что, заносчивый щенок, надеюсь, ты объяснишь свое поведение? Корабли Дубхдары О’Малли необходимы для защиты округа так же, как и хорошее расположение Баллихинесси О’Флахерти!

Найл не видел письма. Потеряв самообладание, он забормotal, как школьник:

– Я люблю ее, отец! Люблю Скай О’Малли! Я хотел поговорить с О’Малли и попросить его перенести свадьбу. Но у его жены начались схватки, прежде чем я успел затеять разговор. Роды оказались трудными, и я так и не смог его поймать. Девочку выдали замуж поспешно, почти что тайно.

– О’Малли никогда бы не согласился разорвать этот союз, глупец. Он был заключен много лет назад, и О’Малли им доволен. Он и впрямь хорош для его младшей дочери. Как ты посмел вмешаться?

– Я люблю ее, и она любит меня. А О’Флахерти, за которого ее насильно выдали замуж, ненавидит! И ненавидела всегда, еще до того, как мы встретились.

– И ты решил, что это дает тебе право потребовать привилегии сюзерена на первую ночь с невестой? Господи! Если бы это был кто-нибудь другой, я бы его убил! На твое счастье, у О’Малли есть чувство юмора. Он отослал дочь в монастырь, пока не убедится, что твои ночные труды остались тщетными.

– Я люблю ее! – выкрикнул Найл. – И хочу, чтобы ее брак

расторгли и я смог бы на ней жениться. В нашем клане ведь есть епископ.

– Только через мой труп, – снова проревел Макуилльям. – Мне нужны корабли О’Малли, а его девчонка ни к чему. Я вовсе не хочу, чтобы у моих внуков матерью была дочь пирата. Я устроил твой брак с Даррой О’Нил, младшей сестрой твоей покойной суженой. Ей уже тринадцать, и она вполне созрела для замужества. Через три недели свадьба.

– Нет!

– Да! Выслушай меня, молодой идиот. Можешь взять О’Малли в любовницы, но в жены – никогда! У нее уже есть муж. И если верить тому, что я о нем слышал, как только он ее затащит в кровать, ты станешь для девчонки лишь приятным воспоминанием.

– Иди к дьяволу! – Найл Бурк пулей вылетел из кабинета отца и крепко напился.

На следующий день с разламывающейся головой, которая казалась ему вдвое больше обычного, он вновь был призван к родителю.

– Это сегодня утром передали для тебя, – проговорил Макуилльям. – Я позволил себе прочитать письмо и могу только сказать, что дочь О’Малли мудрее тебя. Здравое смысла в ней гораздо больше, чем в тебе. Вот, возьми.

Найл схватил послание и, потрясенный, прочитал:

«Милорд Бурк!

Я удалилась со своей сестрой в монастырь Святой Непо-

рочной Девы на острове Инништурк, где стану молиться Деве Марии, чтобы позорная ночь, которую мы провели вместе, не принесла оскверненных плодов. То, что мы совершили, было порочно, и мне остается надеяться и молить, чтобы муж меня простил. Прошу забыть меня и для блага собственной души жениться на достойной женщине как можно быстрее. Да сопутствует вам всюду Господь. Скай, леди О'Флахерти».

Он не хотел верить тому, что прочитал. Ведь он не видел ее почерка. Уж не подделка ли это? Но рука была явно женской – буквы мило округлыми – и он узнал печатку на воске: такую она носила на пальце. Может быть, ее заставили написать это письмо? Но он помнил, сколько упрямства в Скай. Хоть жги ее ноги каленым железом, она не напишет того, чего не пожелает сама. Будь она проклята! Проклята! Так вот что он значил для нее. Позорная ночь! Непостоянная сучка! Испытывая боль в душе, какую раньше ему никогда не приходилось переносить, Найл сморгнул слезы и хрипло произнес:

– Я женюсь на Дарре О'Нил. – И, уронив письмо, быстро вышел из комнаты, даже не оглянувшись. Макуилльям выждал несколько минут и сказал:

– Теперь можешь ехать, капитан Магуайр. Возвращайся и скажи О'Малли, что его план сработал. Через три недели мой сын женится и не доставит ему больше беспокойств.

Магуайр поклонился и, не говоря ни слова, отправился в

путь.

Оставшись один, Макуилльям почувствовал угрызение совести. Он глубоко любил сына и ни в чем ему не отказывал. И все же когда ему надо было выбирать в невестки О'Нил или О'Малли, Макуилльям безоговорочно сделал выбор. Найл прекрасно поладит с Даррой, и к этому времени на будущий год у него уже появится внук.

Во время пребывания в обители Святой Непорочной Девы как-то под вечер Скай прогуливалась вдоль берега и услышала жалобный лай. Обогнув скалу, она наткнулась на больного волкодава, почти еще щенка. Бедняга умирал от голода – ребра выпирали наружу. Шерсть так свалялась и пропиталась солью, что было трудно определить цвет собаки. Ногу зажало в трещине в скале. Скай подбежала к животному. Собака с надеждой посмотрела на девушку и дружелюбно завиляла хвостом.

– Несчастное животное, – пробормотала Скай и принялась освобождать собаку. Прежде всего она убрала мелкие камни, а потом аккуратно, как только могла, вынула лапу из трещины. Собака дернулась, но даже не зарычала. Скай хлопала ее по холке:

– Ну вот, хорошо, теперь пойдем поищем еды.

Пес с усилием поднялся на ноги и, спотыкаясь, поплелся за ней.

Монахини, как и Скай, пожалели собаку и впустили в монастырь. Откуда взялся пес и кто его хозяин, они так и не выяснили. Крестьяне с острова никогда бы не решились завести собаку королевской породы. Они держали рабочих псов – терьеров, мастифов, дворняг. Ирландский волкодав – гроза волков и других хищников, как и ирландский сеттер, при-

надлежал к благородной породе.

Скай назвала пса Инисом в честь знаменитой гончей Партолана – одного из первых поселенцев Ирландии. Собака была предана ей всей душой. Инис гулял с ней по утрам, плавал в монастырской лодочке и спал, распластавшись во весь свой огромный рост у кровати. Через несколько недель он окреп и набрал вес нормального взрослого пса – сто шестьдесят фунтов и в высоту достиг тридцати восьми дюймов. После мытья шерсть его стала серебристо-серого цвета и напоминала Скай глаза Найла. Уши же и лапы были черными. Пес стал настоящим рабом девушки, и его глаза каждый раз светились от восторга, когда он видел ее.

Скай нуждалась в любви собаки— ведь Найл Бурк, казалось, ее совсем забыл. А потом наступил день, когда, как и полагалось, у нее начались месячные. С совершенно разбитым сердцем девушка разрыдалась на шее у собаки.

Святая мать Этна отправила весточку молодому О’Флахерти, сообщая ему, что его жена не беременна. Дом приехал за ней. Настоятельница сама проводила его в покои Скай.

– Я бы приехал и раньше, – мстительно процедил он, – но пришлось поехать на свадьбу Найла Бурка с Даррой О’Нийл.

Скай лишилась чувств. А когда пришла в себя, обнаружила, что лежит на скамейке. Дом оправдывался перед монахинями:

– Вот уж не думал, что новость о женитьбе лорда Бурка так подействует на миледи.

– Так уж не думали? – холодно переспросила настоятельница.

О’Флахерти улыбнулся и, пропустив мимо ушей ядовитый вопрос монахини, продолжал:

– Не по правилам, чтобы мужчина ночевал в вашем монастыре. Но я не вижу другого выхода – жене нельзя пускаться в дорогу, пока потрясение не пройдет совсем.

Хоть Дом и не понравился настоятельница, она согласилась оставить его на ночлег в монастыре. О’Флахерти вежливо поблагодарил настоятельница и попросил забрать собаку жены, чтобы накормить и поместить с его людьми и лошадьми в конюшне. Протестующего Иниса увели.

Когда они остались одни, Дом О’Флахерти подошел к скамейке и холодно произнес:

– Я знаю, что ты пришла в себя, Скай. Поднимись и поприветствуй как следует своего господина и повелителя.

Медленно она приподнялась и быстро поцеловала его в губы. Он усмехнулся и с молниеносной быстротой притянул жену к себе. Скай напряглась, а он рассмеялся:

– Да, да, ты ведь не любишь меня, жена? Тем хуже для тебя! Потому что скоро тебе придется ублажать меня и только меня. Уж я постараюсь вытряхнуть из твоей головы все мысли о Найле Бурке. – Дом прижался к ней губами. Скай уперлась ему в грудь сжатыми кулаками. Внезапный стук в дверь принес ей освобождение. Дом процедил проклятие и громко воскликнул:

– Войдите!

В комнате появились две монахини. Потупив глаза, они поставили поднос с дымящейся едой на стол и поспешили уйти. Скай вырвалась из рук мужа.

– Как предусмотрительно, – радостно воскликнула она, – нам прислали ужин!

– Я еще не хочу есть, – заявил он угрюмо.

Она подняла крышку с блюд:

– Посмотри, вареные креветки! А здесь замечательный каплун! А вот баранина! Если мы сейчас не поедим, все остынет.

– Ну и пусть! – Он подошел к ней сзади и принялся распускать корсет, потом обхватил руками и сжал грудь. – Вот по чему я изголодался, Скай. Еда подождет. Иди в спальню, разденься и жди меня в кровати.

Скай крепко зажмурила глаза, чтобы не расплакаться.

– О, Дом, не здесь, – попросила она. – Я сделаю все, что ты потребуешь, но не здесь. Не в этом святом месте!

– Да, действительно, я не подумал об этом, – задумчиво ответил он. – Но мысль овладеть тобой в монастыре мне нравится. Давай представим, что ты молодая монахиня, которую насилует вождь викингов. – Скай содрогнулась от святотатства мужа, но Дом только ухмыльнулся. – Ну, быстрее же, я горю нетерпением. Ты и так целый месяц не выполняла супружеского долга! – Он почти выкрикивал слова и легонько похлопывал ее по щеке.

У нее не было сил сопротивляться – весть о женитьбе Найла надломила ее, совсем лишила сил. Она проскользнула в спальню, трясущимися руками стянула с себя одежду и забралась в кровать. Через минуту в дверях появился Дом, потягивая вино из бокала. Поставив его на ночной столик, он быстро разделся, разбросав одежду. Когда он повернулся к кровати, Скай пришла в ужас. Найл выглядел внушительно, но ее муж был огромен. Заметив ее испуг, Дом рассмеялся:

– Девицы в Париже называли меня «Ле Торс»! Знаешь, что это значит?

В страхе она кивнула.

– Бык, – только и смогла прошептать девушка.

– Да, бык, – гордо повторил он. – Таков я и есть! А теперь, жена, приготовься. Я иду к тебе. – Он сорвал одеяло, которое Скай натянула себе на грудь. Вид ее нагого тела воспламенил Дома, он бросился на жену.

– Но, Дом, я не готова, – еле выдохнула она.

Он приподнялся и посмотрел на Скай сверху вниз.

– Не готова? – недоверчиво переспросил он. Если бы он не был так поражен, наверное, ударил бы ее. – А тебе, Скай, и не надо готовиться. Я ведь готов!

В следующий миг она была оглушена. Но прежде чем смогла закричать, почувствовала, как его ладонь зажимает ей рот. Он был уже в ней, но все приговаривал:

– Ты твердая, как барабан; знать, у Бурка член не больше червя, раз ты совсем не помягчала.

Он бился на ней, а в ее глазах кричали боль и испуг. Она попыталась лежать спокойно, чтобы уменьшить боль, но не смогла. Хотела ускользнуть, но он принял ее движение за пробудившуюся страсть и рассмеялся:

— Я ведь знал, что, несмотря на свои приличные манеры, ты хорошая шлюха! Мне повезло! — И он еще глубже и энергичнее вошел в нее. — Не бойся, любимая, я научу тебя таким штучкам, которые доставят удовольствие нам обоим. — И с удовлетворенным ревом он содрогнулся от страсти.

Несколько мгновений О'Флахерти еще лежал на ней, потом поднялся, вышел в гостиную и налил себе еще вина. Скай чувствовала, как по ее щекам струятся слезы, но боялась всхлипнуть, чтобы не разозлить мужа. Потом услышала, как он поднимает крышки и пробует еду. Он и не подумал предложить что-нибудь жене.

В спальню Дом вернулся, сжимая в руке куриную ногу. Подойдя к кровати, он похлопал жену по щеке. Скай притворилась спящей, надеясь, что он оставит ее в покое. Она слышала, как он методично, не спеша пережевывает мясо. Потом кость полетела на пол.

— Готовься!

Соппротивление было бесполезным. Она его жена, его вещь. И снова боль, и снова унижение. На этот раз он отказался от нее, лег на спину и вскоре захрапел. Скай подождала немного и выбралась из постели. Она едва передвигала ноги, но поползла бы и на четвереньках, только бы убраться

из комнаты.

Оказавшись в гостиной, она дрожащей рукой налила себе вина, половину пролив на стол. Подбросив дров в камин, она рухнула в кресло.

Найл! Какие у него нежные руки и губы! Он стремился доставить ей радость, обучая доставлять радость ему. Будь он проклят! Будь он проклят! Он предал ее. Все правильно. Наследник знатного лорда позабавился с ней, удовлетворил свое желание лишить ее невинности – такое схожее с желанием Дома подчинить ее всю. Рука легла на ее плечо, и Скай в страхе вскинула глаза.

– Я заснул, и ты ушла, – произнес он бесцветным голосом. – Ты плачешь. Все еще печалишься, что я не Найл?

Скай с виноватым видом быстро утерла слезы и покачала головой. Его голос стал чуточку мягче.

– Может быть, я сделал тебе больно. Не тревожься. Со временем ты привыкнешь и приспособишься ко мне. Ну пойдем, дорогая, я хочу любить тебя еще. Ведь если ты не можешь заснуть, значит, я мало потрудился над тобой. К тому же, – он похотливо ухмыльнулся, – ты слаще, чем я полагал.

Остаток ночи, мучаясь в объятиях мужа, Скай чувствовала, как растет в ней ненависть к Найлу Бурку. Она обдумывала, как когда-нибудь сумеет ему отомстить. О, она сумеет отплатить ему за разбитые мечты.

Подобная сцена происходила и вдали от монастыря, в замке Макуилльяма.

С рождения Дарра О'Нил была предназначена для служения церкви. Ее старшая сестра была помолвлена и вышла замуж за О'Коннола, средняя – помолвлена с Найлом Бурком, но прошлой зимой Сейт внезапно заболела и умерла. Дарру, которая с пяти лет находилась в обожавшей ее обители Святой Девы Марии, забрали домой, чтобы она заняла в брачной постели место сестры.

Для Дарры это оказалось настоящей трагедией – она родилась невестой Христовой. Когда ее забирали домой, ей оставалось только два дня до пострига. С шумом и криками отец со своими людьми ворвался в монастырь как раз вовремя, чтобы уберечь от ножниц золотистые волосы дочери. О'Нил махнул рукой на деньги, которые были внесены в монастырь, зная, что так настоятельница окажется сговорчивее. К тому же он ничего не терял: деньги были уплачены восемь лет назад, когда приданое Сейт передавали Макуилльямам во время помолвки.

Настоятельница объявила пришедшей в ужас молодой послушнице, что Богу и Непорочной Деве Марии угодно, чтобы девушка шла иным путем. Дарра должна смиренно принять волю Божию и своего отца и немедленно покинуть монастырь, чтобы выйти замуж за лорда Бурка. Горько рыдая, послушница повиновалась.

И вот в день свадьбы Найла Бурка познакомили с девушкой, чье бледное лицо и покрасневшие глаза озадачили жениха. Он не знал, что девушка готовила себя совсем к дру-

гой жизни.

Позже, когда вечером жених и невеста отправились в спальню, Дарра упала в обморок при виде обнаженного мужчины. Бурк выслушал объяснения пришедшей в себя жены, нежно погладил ее светлые волосы и растроганно произнес:

– В таком случае нам не стоит спешить. Сначала узнаем друг друга получше.

Найл никогда не был склонен к насилию над девственницами и теперь проклинал и своих родителей, и родителей Дарры за безоглядную глупость, которую они совершили. Девушка была глубоко религиозна, и он не был уверен, сумеет ли она заглушить это чувство. Найл горько рассмеялся. Они отняли его у любимой женщины, которая с радостью подарила бы ему сыновей. Но ее происхождение посчитали недостаточно высоким. А вместо нее навязали монашку! Как это было смешно, как это глупо, как это страшно! Он горько рассмеялся, а жена обеспокоенно спросила:

– А что скажут люди, если завтра заметят, что простыни не запятнаны кровью?

– Ах, Дарра Бурк, как ты еще невинна, – усмехнулся Найл. – Сколько молодых развлекаются до свадьбы, а наутро как ни в чем не бывало вывешивают простыни. Сейчас, девочка, я тебе все покажу.

Пораженная, с расширившимися глазами, она наблюдала, как муж взял нож для фруктов и воткнул его себе в бедро. Тоненькая струйка крови побежала вниз и запятнала

простыню. Невинность Дарры доказана, честь мужа спасена, мужская сила установлена.

Прошло две недели после первой брачной ночи. Дарра считала, что ее девственность останется с ней навсегда. Когда-то она завещала ее Богу и не имела намерения отдавать Найлу. Она станет хозяйкой в его доме – и это все. Доброту, которую муж проявил в брачную ночь, она приняла за слабость и решила ее использовать.

Снова и снова Найл пытался мягко уговорить жену. Из-за невежества Дарра так и не поняла, насколько добр и терпелив ее муж. Она заупрямилась, но и он решил настоять на своем. Если уж его заставили жениться на этой девушке, она должна стать матерью его детей. И тут Дарра объявила, что лишь формально будет его женой. Ее девственность принадлежит Богу.

– Ты не смеешь меня принуждать, как сделал это с бедной Скай О’Малли, милорд. Представляю, какого стыда натерпелась бедная женщина, – заключила она.

При упоминании о Скай голова у Найла закружилась, и он взглянул на холодное, набожное, бесчувственное существо, на котором его женили. Хрупкую, белокожую, плоскогрудую девушку с водянистыми глазами и белокурыми волосами смешно было сравнивать со Скай – женщиной с кожей цвета жасмина, со струящимися иссиня-черными волосами и зеленовато-голубыми глазами, с милой маленькой округлой грудью, подобным розовому бутону ртом, с ее невинной

страстью. Скай! Жена Дома О'Флахерти, подарившая Найлу ночь и разрушившая его счастье, прислав ледяное письмо. Он застонал. Скоро Скай подарит Дому сына. И Дарра О'Нил, решил Бурк с гневом, тоже должна родить ему сыночек.

Разглядев твердое намерение в глазах мужа, Дарра упала на колени, сжимая в руках четки и шепча молитвы. Он взял у нее четки, сорвал полотняную ночную рубашку, и, поцеловав, заставил раздвинуть губы. Она билась в его руках, царапалась острыми ногтями, извивалась. Она искренне верила, что Бог поразит мужа ударом молнии за его насилие, и молила, чтобы это произошло быстрее. Когда они упали на кровать и Дарра почувствовала, как муж проникает в нее, она призвала всех святых, умоляя оградить ее от Найла. Но вскоре она уже просила любить еще и еще, обнимала мужа тощими ногами, подлаживаясь к его ритму.

Он почувствовал отвращение и к самому себе, и к ней. Никогда в жизни он еще не совершал насилия над женщиной, но жена принудила его к этому своими отказами и упоминаниями о любимой Скай. Предательнице Скай!

Женщины! Они все похожи друг на друга. Говорят одно, думают другое, а делают третье. Вот и сейчас жена начала хныкать и жаловаться:

- Ты сделал мне больно! Как ты мог!
- В первый раз всегда больно, Дарра. Потом будет лучше.
- Никогда больше ты не сделаешь со мной такого. Нико-

гда.

– Я что-то не слышал о непорочном зачатии, жена. Кроме того, ты явно получала удовольствие. Я всегда распознаю, если женщине это нравится. Хочешь ты или нет, дорогая, твой долг – родить мне сыновей. Может быть, ты когда-нибудь и признаешь, что любовь – приятное занятие. Ничего нет зазорного в том, что женщина наслаждается с мужем.

– Никогда! – Она оттолкнула Найла, когда тот снова попытался ее обнять. Он успокаивающе похлопывал ладонью по ее напрягшемуся телу. – Я перенесу надругательство, потому что это воля Господня. Но каждый раз, когда ты будешь запихивать в меня эту ужасную штуку, знай, я буду ненавидеть тебя!

– Как хочешь, – ответил он. – Не забывай только, что я не больше, чем ты, жаждал этой свадьбы. Я бы тоже предпочел, чтобы ты оставалась в своем монастыре. – Он навалился на жену, и она закричала. – Роди мне пару сыновей, Дарра, и я навсегда оставлю тебя в покое.

А далеко от них, через протоку, на острове Инништурк Дом О’Флахерти, обхватив руками красавицу жену, тоже учил ее любви. Скай была слишком чувственной женщиной, чтобы не получать удовольствие от его объятий. Она позволила себе унести в мир сладостного наслаждения. Дом достиг экстаза, не заботясь о жене. Не то что Найл. Скай отвернулась от Дома, и слезы покатались по ее щекам. Будь ты проклят, Найл! Неужели он никогда не перестанет ее пре-

следовать?

Макуилльям распорядился, чтобы рождественские праздники его вассалы провели с ним. Все, включая Дома О'Флахерти и его молодую жену, съехались из разных концов Мид-Коннота.

Их встретили с щедрым гостеприимством в замке Макуилльяма. Когда-то это был дом с башней, но каждый новый хозяин достраивал, пристраивал что-либо, и в результате приезжим открывался большой замок, по норманнскому образцу имеющий квадратный мощеный двор с садом. Гостей разместили со всеми удобствами. Хотя дом отца Скай был хорош и прилично обставлен, замок Макуилльяма по сравнению с ним выглядел роскошным.

В гости к сюзерену приехали четверо О'Флахерти: отец Гилладубх, младшая сестра Клер, Дом и Скай. Скай откровенно надеялась, что они смогут найти мужа для Клер О'Флахерти, хотя ни ее отец, ни брат, казалось, не сознавали, что она уже становится старой девой.

Девушка была привлекательной – с толстыми соломенно-го цвета косами, такими же, как у Дома, водянисто-голубыми глазами и розовощеким лицом. Но было в ней что-то неприятное. Скай несколько раз замечала, что та нечиста на руку, груба. Она попыталась урезонить Клер, но та тут же нажаловалась отцу и брату. Мужчины велели Скай оставить де-

вушку в покое. За спинами Клер ехидно улыбалась молодой женщине. Но Скай сумела отомстить: застав Клер роющейся в ее драгоценностях, она крепко надрала ей уши и объявила, что, если та посмеет что-нибудь украсть или просто войти в ее комнату, Скай обреет ей голову.

– А если осмелишься пожаловаться отцу или брату, – голос Скай стал приторно-сладким, – будешь целый год ходить лысой.

Предупреждений больше не потребовалось. По глазам Скай Клер поняла, что жена брата шутить не будет: она не мягкая дурочка, за которую ее вначале принимали. С этого момента между женщинами установилось настороженное перемирие. Скай хотела как можно быстрее выдать девушку замуж, чтобы избавиться от нее.

Скай знала, что на рождественских празднованиях будет присутствовать и Найл, и не просто присутствовать, но и выполнять роль хозяина – с его отцом случился приступ подагры. Но Найл не должен увидеть ее расстроенной. За шесть месяцев после того, как Дом забрал ее из обители Святой Непорочной Девы, Скай удалось как-то примириться с собой. Она не любила мужа и не надеялась, что когда-нибудь полюбит, но притворялась послушной женой.

Свекровь давно умерла, и управление домом О'Флахерти оказалось целиком в ее руках. Клер это не беспокоило, да она и не имела необходимых знаний. Скай хорошо справлялась со своими обязанностями, и это устраивало свекра. Гил-

ладубх О'Флахерти оказался пожилой копией Дома – такой же напыщенный развратник, имевший пристрастие к тонким винам и хорошему виски. Вскоре Скай научилась уворачиваться от его быстрых рук, а однажды запустила в свекра подсвечником и пригрозила рассказать всем о его поползновениях.

Сидя на кровати в комнате для гостей замка Макуилльяма, Скай резкими движениями расчесывала волосы. Сегодня она будет необыкновенно красивой, нет, она не опустит голову перед этими заносчивыми Бурками и О'Нилами. Да и гардероб ее побогаче, чем у большинства присутствующих женщин, – отец всегда получал удовольствие, выставляя на показ ее красоту.

Ее служанка Мэг принесла платье, аккуратно разложила его на кровати и теперь держала перед госпожой небольшое круглое зеркало, пока Скай тщательно подводила глаза и чуть-чуть румянила щеки, чтобы придать белой коже свежесть. Блестящие темные волосы она разделила на пробор и уложила в изящную золотую сетку. Наконец тронула ложбинку между грудей, запястья, шею и затылок благовонием, изготовленным специально для нее из мускуса и розового масла. Пусть почует запах розы и вспомнит! Пусть поймет, что ей все равно!

Скай встала, и Мэг поспешила помочь госпоже надеть платье, зашнуровала корсет и обошла хозяйку, оглядывая, все ли в порядке. Беззубая улыбка озарила сморщенное ли-

цо:

– Вы разобьете его ветреное сердце, госпожа! Один взгляд на вас в этом платье, и он пожалеет, что послушался отца!

– А что, леди Бурк так уж непривлекательна? – спросила Скай с притворным безразличием.

Мэг поперхнулась от смеха:

– Да нет, госпожа, она совсем не дурнушка. Просто вы – чертовски красивы.

Скай довольно улыбнулась.

– Ну-ка, старушка, принеси шкатулку с драгоценностями, – тепло обратилась она к служанке, и когда та поспешила исполнить приказание, схватила зеркало. Отодвинув его подальше, она критически оглядела себя. Темно-синее бархатное платье было великолепным, глубокий вырез обнажал ее белую грудь, длинная юбка с разрезом, сквозь который видна нижняя юбка из плотного шелка, затканная золотыми и серебряными нитями. Туфли были из той же материи, что и платье, а чулки из шелка с такой же вышивкой, как и на нижней юбке. Скай попробовала покружиться и, к своему удовольствию, обнаружила, что во время танцев чулки не окажутся незамеченными.

Мэг принесла открытую шкатулку с драгоценностями, и Скай достала из нее кольцо с сапфирами – двенадцать крупных квадратных камней, помещенных в золотые медальоны, каждый из которых представлял один из знаков зодиака. В центре покачивалась подвеска с красной жемчужиной. За-

тем пришла очередь серег с сапфирами и колец – с сапфиром, изумрудом и жемчугом.

В комнату быстрыми шагами вошел Дом и ревниво спросил:

– Ты наряжаешься, чтобы доставить удовольствие Найлу Бурку?

– Скорее, чтобы доставить удовольствие тебе, милорд, – покорно ответила она. – Но если мое платье тебе не нравится, я надену другое.

Он внимательно оглядел жену и понял, что красивее ее на празднике женщины не будет. И она принадлежит ему! Ему будут все завидовать. Он грубо притянул ее к себе и зарылся лицом между грудей.

– Не надо! – Голос Скай звучал резко. Поближе узнав мужа, она перестала его бояться. Страх ушел, осталось одно презрение. – Не надо, Дом! Ты все мне помнешь! – Он отступил, и Скай быстро произнесла: – Ты прекрасно выглядишь. Твой небесно-голубой бархат очень сочетается с моим темно-синим.

– День и ночь, – заметил Дом, предлагая руку жене.

Она рассмеялась:

– Очень точно, милорд, ты очень поэтичен. Может быть, твое утонченное парижское образование еще не совсем улетучилось.

Банкетный зал замка представлял собой большое помещение с потолком из тяжелых балок и четырьмя каминами,

в которых пылали огромные поленья. Высокие узкие окна выходили на заснеженную округу: тут и там монотонность холмов скрашивали большие черные голые деревья. Заходящее солнце окрасило снега в нежный оранжево-красный цвет. Зал был уже полон – между элегантно одетыми людьми среди гомона голосов сновали слуги с подносами с вином.

Мажордом объявил их приход, и Скай почувствовала, что все глаза обратились на нее. В округе все еще обсуждали ее первую брачную ночь, и теперь знать Мид-Коннота во все глаза следила за тем, как впервые после того злополучного майского дня встретятся О'Флахерти и Бурки. Слухи подтвердились – Скай и Дом были потрясающе привлекательной парой.

Супруги не спеша прошли через зал поприветствовать хозяина и хозяйку: Найла и Дарру. Скай высоко держала голову, глядя куда-то в одну точку поверх головы Найла. Но на какое-то мгновение она не выдержала и, поддавшись любопытству, взглянула ему в лицо. Серебристо-серые глаза источали холод, окативший ее с головы до ног и проникший в самое сердце.

Это озадачило ее. Она ожидала встретить кривую ухмылку, но не это презрение. Скай оказалась выбитой из колеи, но мимолетный взгляд на стоящую рядом с Найлом женщину вернул ей уверенность в себе. В глубине души она ощутила большую радость, поняв, что, несмотря на благородное происхождение, Дарра Бурк некрасива.

Супруги подошли к помосту, и Скай взглянула мимо Найла на Макуилльяма, сидевшего на стуле. Он положил большую ногу на мягкую скамеечку. Она очаровательно улыбнулась хозяину замка, ослепив его белоснежными зубами. Старик окинул ее внимательным взором, и Скай с удовлетворением отметила в его глазах сожаление. Теперь они оба знали, что он совершил ошибку. Скай присела перед ним в изящном реверансе:

– Милорд.

Макуилльяма поразило, как быстро Скай угадала его мысли. Она была достойным противником. Будь он на двадцать лет моложе, он сам постарался бы уложить ее в постель.

– Мой приятель Гилли О’Флахерти рассказывал, что вы стали его сыну хорошей женой, – проворчал он.

– Это так, – холодно ответила девушка.

– Но мне кажется, пиратствуя на море, вы были счастливее.

– Я все еще плаваю, когда представляется случай.

– И преуспели в этом, леди О’Флахерти?

– Мне сопутствует удача во всем, милорд.

Старик усмехнулся:

– Добро пожаловать, леди. Вы и ваш муж. – Потом его глаза недобро блеснули. – Уверен, вы знакомы с моим сыном Найлом.

Скай почувствовала, как напрягся рядом с нею Дом, и ободряюще стиснула ему руку. Они не подали и виду, что

обижены. Хорошие манеры Дома подкреплялись сознанием, что его прекрасная жена стоит рядом. Мужчины вежливо кивнули друг другу.

Глаза Найла остановились на Скай:

– Я вижу, вы уже беременны, леди О’Флахерти, – громко сказал он.

– Да, милорд. Семь месяцев замужем и шесть месяцев с ребенком. В моей семье все женщины дают хорошее потомство. – Она говорила так же громко, как и Найл. Потом повернулась и дерзко оглядела Дарру Бурк. – А ваша супруга, на которой вы женились полгода назад, я вижу, не так счастлива, как я. Я ведь не ошиблась, дорогая?

Дарра вспыхнула, и ее «нет» услышали все. Скай сладко улыбнулась, присела в реверансе и, взяв мужа под руку, пошла прочь. За спиной она слышала, как рассмеялся Макуильям.

Дом усадил жену у камина, и, пока искал подогретое вино, Скай глядела на пляшущие языки пламени. Она вся дрожала от едва сдерживаемой ярости. Как мог Найл вести себя так? Он перед всем графством опозорил ее брачную ночь, надавал заманчивых обещаний, которые и не собирался выполнять, а теперь делает вид, что это он обиженная сторона! Сукин сын! Муж подал ей бокал с вином, и, чтобы успокоиться, она сделала большой глоток.

– Ты вела себя великолепно! – слышала она голос Дома. – Перед всем Мид-Коннотом утерла нос этому Найлу Бурку!

Трудновато ему будет обрюхатить тощую О'Нил. Вот уж не завидую ему, – рассмеялся муж.

– Заткнись, надутый дурак, – прошипела она сквозь стиснутые зубы. Ну почему, Боже, все мужчины такие идиоты? – Мне наплевать на Найла Бурка, но не надо обижать гостеприимного Макуилльяма. Постарайся не особенно демонстрировать свое ликование.

Дом странно посмотрел на жену, но прежде чем успел вымолвить хоть слово, к ним подошла поздороваться Анна О'Малли. Она отослала Дома к друзьям и, удобно устроившись, взглянула на падчерицу.

– Разумно ли было обижать Найла Бурка и его жену? – спросила она.

– А разве разумно было обижать меня? – отозвалась Скай.

– Ты все еще его любишь.

– Я его ненавижу! Умоляю, Анна, давай поговорим о чем-нибудь другом. Из-за ребенка я стала плаксивой и не хочу, чтобы меня неправильно поняли.

– Конечно, конечно, – согласилась Анна. – Я вовсе не хочу, чтобы Найл Бурк подумал, будто ты плачешь из-за него.

– Я раньше и не представляла, какая же ты сука, мачеха, – произнесла Скай, не повышая голоса.

Анна рассмеялась:

– Ребенок сделал тебя вспыльчивой. А как ты думаешь, кто родится?

– Мальчик, – ответила Скай. – О девочке Дом с отцом и

слышать не хотят.

– Понимаю. А как в остальном?

– Прекрасно, Анна. Выдав замуж за Дома, отец крупно мне услужил. Я получила не только бабника-мужа, но и бабника-свекра. Сестра Дома – совершенная прохвостка: так и норовит что-нибудь стащить у меня. А когда ее ловят, она же и ябедничает отцу и брату. В общем, милая семейка. Я очень благодарна папе. Замок разваливается, и, несмотря на то что отец дал за мной большое приданое, мне заявляют, что денег взять негде. Половина того, что я привезла в дом О’Флахерти – серебряные блюда и подсвечники, – таинственно исчезли. Короче, я хозяйка навозной кучи, в которой возятся старый тщеславный петух, молодой тщеславный петух и драчливая курочка.

Анна была потрясена:

– Может быть, ты хочешь вернуться домой до рождения ребенка? – Пресвятая Дева Мария, нельзя же позволять Скай рожать в таком месте!

– Конечно, хочу. Но они меня не отпустят. Они настаивают, чтобы следующий О’Флахерти родился в их доме, Анна. Но я тебе буду благодарна, если ты устроишь так, чтобы сразу после Сретения ко мне приехала Эйбхлин. Хотя ребенок должен появиться только в начале весны, февральские снегопады могут помешать ее приезду, и я буду тревожиться, сможет ли она попасть ко мне вовремя. – Скай грустно улыбнулась. – Кроме того, мне нужно общество. Клер не в

счет. К тому же ни она, ни Мэг, ни старая кухарка ничего не понимают в родах.

Теперь Анна выглядела обеспокоенной:

– А другие женщины в доме? Служанки? Прачки? Неужели в вашей деревне нет повивальной бабки?

– Несколько женщин, которые работают у нас в доме, приходят к нам из соседней деревни, а по вечерам возвращаются к себе. В семьях их любят, и никто не позволит своей дочери оставаться на ночь под одной крышей с Домом и его отцом. Они обрабатывают поля О’Флахерти, платят им подати, дерутся за них. Но слишком многих соседских девушек обрюхатили эти О’Флахерти. И так Дом и Гилли берут свое. Они выезжают на лошадях и охотятся на девушек, работающих в поле. Даже Клер не имеет служанки.

– С самого начала я знала: добром эта затея не кончится, – произнесла Анна. – Я это знала!

– Тогда почему же ты не поговорила с отцом? Ведь ты же обещала мне, Анна. Напротив, ты не велела ему откладывать свадьбу и сыграть ее в день рождения Конна!

– Нет, нет, Скай! Все это не так! Я пыталась поговорить с твоим отцом сразу после рождения Конна, но они опоили меня травами и вином, чтобы я спокойно спала. Твой отец не так меня понял. А когда через два дня я проснулась, ты была уже замужем и уехала в монастырь.

– Так ты не предавала меня, не выживала из дома?

– Глупая ты гусыня! Что навело тебя на такую мысль? Ко-

гда тебя выдали замуж, я для тебя уже ничего не могла сделать. Я хотела, чтобы твой отец повременил, но он твердо стоял на своем. Тогда бы я еще могла предотвратить твой брак.

– Нет, – мягко ответила Скай. – Но с Бурком я по крайней мере узнала, как сладостна бывает любовь. Сладостная, но неверная любовь. Если бы не он, я бы всю жизнь прожила, думая, что мужчины – грубые животные.

– В постели мужчины разные: одни напористы, другие нет.

– Дом точно свинья, – заметила Скай.

– Но почему ты ненавидишь Найла, раз ты ему так благодарна?

Глаза Скай сверкнули голубым пламенем, голос сделался твердым:

– Потому что он предал меня! Потому что клялся меня любить! Потому что обещал устроить так, чтобы мой брак расторгли, и тогда мы могли бы с ним пожениться. Вместо этого он перед рассветом ускользнул у меня из-под бока, даже не поцеловав на прощание, и преспокойно отправился домой, чтобы жениться на этой О’Нийл! Я никогда не прощу ему этого, Анна! Никогда!

Скай замолчала. Анна изо всех сил боролась со своей совестью. Она знала правду. В конце концов она решила, что лучше промолчать. Если Скай сейчас узнает правду – ее это только рассердит и расстроит. Изменить ничего нельзя. Скай замужем и беременна от мужа. Найл Бурк женат. Если они

узнают, как их обманули, это всем принесет великие горести. Кто знает, как поступят два сильных характером человека, если обнаружится правда?

Но тут объявили, что стол накрыт, и это спасло Анну. За обедом они сидели в разных местах: О'Малли считались более почетными гостями Макуилльяма и расположились ближе к хозяину. Дом и Скай сидели намного дальше. Впрочем, Дому не на что было жаловаться: благодаря красоте и уму жены он был в центре внимания группы молодых людей, откровенно пялящихся на девушек, и предвкушал веселые праздники.

Скай блистала, желая показать Найлу, как он ей безразличен. И сидящим на почетных местах казалось, что на галерке гости проводят время куда веселее их. Никто не смел отрицать, что леди О'Флахерти восхитительна и умна.

Скай ела немного, отведав из первого только ломтик семги, а после перемены блюд – крыло каплуна под лимонным соусом и два кусочка только что выпеченного хлеба, старательно размазав по нему масло большим пальцем. Гости поглощали блюдо за блюдом, но она испытывала отвращение к еде. Когда подали сладкое, она взяла тартинку с сушеными персиками и, как в детстве, слизала густой крем. Наблюдая за ней с возвышения, Найл страстно хотел прижаться к этим губам и так же страстно задушил бы девушку за ее вероломство.

По мере того как трапеза подходила к концу, все боль-

ше гостей переходили от помоста к другому концу стола и толпились вокруг Скай. То и дело доносились взрывы смеха. Начались танцы, желающих потанцевать с ней было много, но она выбирала только медленные танцы. Платье шло ей, и она двигалась гордо, с милой грацией. Голубые глаза сияли, лицо улыбалось.

За почетным столом Найл Бурк едва сдерживал себя, сжимая огромной рукой усеянный драгоценными камнями бокал так, что чуть не согнул ножку. Полуприкрытые, как у пантеры, серебристо-серые глаза неотрывно следили за Скай, куда бы она ни направлялась. Время от времени он прикладывался к кубку. Как она красива, черт побери, как желанна даже в теперешнем своем положении!

– Молодая леди О’Флахерти пользуется успехом, – подала голос Дарра.

– Да, – буркнул он, внезапно поднявшись и направившись от жены в сторону танцующих.

Партнер Скай ощутил на своем плече твердую руку. Подняв глаза и увидев насупившегося, зло смотрящего на него хозяина, юноша тут же отошел в сторону. Одной рукой Найл взял Скай за талию, другой – ее руку. Улыбка Скай померкла, но с ритма она не сбилась.

– Ты танцуешь?

– Я жду ребенка, милорд, а не смертельно больна неизлечимой болезнью.

– Ты изменилась, Скай.

– Нет, милорд. Просто научилась не верить обещаниям, которые даются на подушке.

Они разошлись и, следуя фигурам танца, встретились вновь в другом конце зала.

– Никак не возьму в толк, – объявил он, – что происходит в непостоянном женском уме. Ты ведешь себя так, будто это я тебя отверг, хотя все вышло как раз наоборот.

– Ты меня предал, оставил, даже не сказав «прощай», и поспешил домой, чтобы жениться и уложить в постель свою малахольную невесту. У меня просто не было случая тебя отвергнуть, но вот сейчас я тебя отвергаю!

– До твоей свадьбы, Скай, я не был помолвлен с Даррой О’Нил, а должен был жениться на ее сестре Сейт, но она умерла.

Танец снова их развел. Когда они встретились опять, Найл продолжал:

– Я никогда бы не женился на Дарре, если бы не твое письмо.

Скай остановилась как вкопанная:

– Какое письмо?

Один взгляд на Скай подсказал Найлу, что что-то здесь не так. Однако вокруг толпились люди, некоторые уже присматривались к ним с нескрываемым интересом.

– Ты устала, леди О’Флахерти. Позволь проводить тебя к стулу и подать холодного вина, – объявил он громко и повел к алькову с окном. Хотя весь зал мог наблюдать за ними,

однако они могли свободно разговаривать без боязни быть подслушанными. У проходящего слуги Найл взял с подноса два бокала и подал один Скай.

Понимая, что следует притвориться, она откинулась на стуле и прикрыла глаза, изображая изнеможение. Сердце сильно забилося, но не от усталости, а от внезапного осознания того, что их, видимо, провели.

– Какое письмо? – повторила она вопрос.

– Я оставил тебя не по доброй воле, Скай. Твой отец приказал пареньку забраться по виноградной лозе к тебе в комнату и открыть дверь О’Малли и его людям. Меня выволокли из комнаты. Я объяснил твоему отцу наши намерения, но он меня и слушать не стал. Вместо этого меня оглушили, и капитан Магуайр отвез домой. На следующий день мне передали письмо, в котором ты осуждала нашу связь. Почерк показался мне женским, и я узнал печатку с одного из твоих колец.

– Такие кольца есть у нас у всех, Найл. Даже у Эйбхлин.

– Я не знал, – тяжело вздохнул лорд Бурк. – Похоже, эти два старых паука – наши отцы, будь они прокляты, – обстрепали свое дельце бесчестным образом.

– Ты любишь ее, Найл?

– Нет. Она готовилась стать монахиней и в сердце осталась ею. Она больше времени проводит на коленях, чем в постели.

– Я рада, – твердо сказала Скай, и он ее понял.

– Ребенок?..

– Дома. Здесь нет сомнений. Клянусь тебе, Найл. Разве я была бы здесь, если бы это было не так?

– Так ты его все-таки полюбила?

– Нет, я никогда его не полюблю. Но я его жена, так же как и ты – муж Дарры, – тихо произнесла она. – А теперь, милорд, пожелай мне спокойной ночи, потому что мы стали центром всеобщего внимания, и я вижу, к нам идет Дом.

– Я найду еще возможность поговорить с тобой, – ответил лорд Бурк, но не отошел, а дождался, пока к ним не подойдет Дом. – Во время танцев твоей жене стало плохо. Нужно получше заботиться о ней, О'Флахерти, раз она носит твоего наследника. В этом отношении тебе очень повезло.

Найл застал О'Флахерти врасплох, и тот не произнес ни слова. Потом лорд Бурк наклонился и коротко, но нежно поцеловал руку Скай:

– Доброй ночи, леди О'Флахерти, – и зашагал прочь, чтобы присоединиться к танцующим.

– Ты не проводишь меня в комнату, Дом? Я очень устала, – Скай сделала усилие, чтобы ее голос не задрожал. «Дом не должен знать! Он не должен ничего заподозрить!»

– Конечно, дорогая, – нежно согласился он и, поддерживая ее, повел через зал. В комнате она попросила вызвать служанку.

– Нет, любовь моя, я раздену тебя сам, – возразил он. Его голос стал мягким и ласкающим. Это было опасным зна-

ком. – Ни одна женщина сегодня не могла сравниться с тобой, – пробормотал он. – Все мужчины завидовали, что у меня такая красивая жена, и каждый представлял себя с тобой в кровати. Но там могу быть только я. Правда ведь, Скай? – Дом распустил шнуровку и потянул с нее платье. Его пальцы шарили в нижних юбках и тащили их вниз. Потом рубашку. Наконец она осталась голой и дрожала в одних расшитых чулках с золотыми лентами и шелковыми подвязками. Медленно муж обвел глазами полные груди, милую припухлость живота. Руки гладили ее тело, а Скай молила бога, чтобы он удовлетворился сознанием собственника.

– Встань на колени на край кровати.

Она содрогнулась:

– Дом, пожалуйста, не надо. Это может повредить ребенку.

– Вставай на колени, сука, или я поверю тому, что говорили мне глаза, когда с противоположной стороны зала я наблюдал, как блестящий лорд Бурк заботливо склоняется над моей женой и влюбленно глядит ей в титьки! А ты! Ты его поощряла!

– Нет! – Каждый мускул в ее теле напрягся. – Я этого не делала. – Потом, вздохнув, встала на колени на край кровати и оперлась на сжатые в кулаки руки. Соппротивления не будет. Соппротивление приведет к еще худшему наказанию.

Он посмотрел на жену – такую податливую и послушную. Дом был зол на нее и хотел было предаться с ней содому –

это извращение она особенно ненавидела, но побоялся повредить ребенку. Это был его сын, и он неразрывно привязывал к нему жену. Без него она сможет убежать к Найлу Бурку и, сделавшись его любовницей, заставить весь Мид-Коннот смеяться над О'Флахерти.

Стоило ему только расстегнуть брюки, и освобожденный кинжал вырвался на свободу. Скай поежилась, и сознание власти над ней возбудило Дома еще больше. Он легко вошел в нее, а руки скользнули под грудь и стали играть чувствительными сосками.

– Так твой кобель обращается с суками на псарне. Я много раз это видел, – пробормотал он и укусил Скай в шею. Она ничего не ответила. К ее облегчению, он кончил быстро. – Я возвращаюсь в зал, – объявил он. – Отдыхай, Скай. – И принялся застегивать одежду.

Несколько минут она молчаливо лежала с залитым слезами лицом. Потом поднялась, сняла чулки, надела мягкий шерстяной пеньюар и снова легла. Если бы она могла ошпарить все свое тело! Она бы это сделала, но и тогда не избавилась бы от воспоминаний о его прикосновениях, от запаха его похоти на своей коже.

Слезы все лились и лились. Слишком все было непереносимым. Новость о том, что отец и Макуилльям предательски разлучили их с Найлом, почти сломала ее. Ненавидеть Найла было проще. Без сил она наконец заснула.

Внезапно ее разбудил звук отпираемого запора. Скай на-

приглась – вернулся Дом, и, вероятно, пьяный. Продолжая тихо лежать, она надеялась, что он поверит в ее сон.

– Скай, – послышался тихий шепот.

– Найл! – Она села в кровати. – Ты что, с ума сошел? Сейчас же уходи, пока не вернулся Дом. Ну пожалуйста, милорд!

Он тихо прикрыл за собой дверь и запер на замок:

– Дом со своими друзьями пьяный валяется в зале. Мой паж наблюдает за ним. Если он проснется, мальчик предупредит нас задолго до того, как твой муж сумеет сюда добраться. – Боже, как она красива. Черные волосы разметались по плечам, глаза неотрывно глядели на него. Найл присел на край кровати и обнял Скай. – Ты плачешь! – Это был не вопрос, а утверждение.

– Мне было легче, когда я считала, что ты меня предал, – едва слышно сказала она, надеясь, что он поймет.

– Мне тоже, дорогая, – Найл наклонился и погладил ее темные волосы.

– Твоя жена... Она ведь спросит, где ты был.

– Она, как обычно, бдит в часовне. Она избегает меня, но я не против. Лежать с ней в постели – все равно что лежать с мертвецом.

– О Найл... – Голос Скай задрожал, и она уткнулась лицом в его плечо.

– Скай! Любовь моя, не плачь. Проклятье! Тырываешь мне сердце! – Его губы нашли губы Скай. Всклипнув, она обвила его шею руками и прижалась к нему. Он потянулся

рукой к ее груди, и это показалось им таким правильным, таким естественным.

Оторвавшись от его губ, Скай прошептала:

– Люби меня, Найл. – Потом яростно впилась в его такие забытые губы. Волна страсти нахлынула на нее, прокатилась по всему телу, почти лишив сознания.

Его рука поглаживала выступающий живот Скай:

– Как бы я хотел, чтобы он был мой! Боже, беременная, ты прекрасна, как кельтская богиня плодородия.

– Я так сильно молилась, – прошептала она, – когда жила в обители Непорочной Девы, молилась, чтобы у меня был от тебя ребенок. И так плакала, когда обнаружила, что его нет. Эйбхлин беспокоилась за мой рассудок. А потом приехал Дом... – Ее голос сорвался.

– Я убью его, – тихо проговорил лорд Бурк.

– А что будет с твоей бедной женой? Ее ты тоже убьешь? Ведь эта несчастная женщина ничего плохого нам не сделала. Ты говорил, она хотела стать монахиней, и, судя по всему, она не кривит душой. Разве она не так же несчастна, как и мы? – Скай тяжело вздохнула и отстранилась от него, не сводя с возлюбленного глаз. – Мы безнадежно далеки друг от друга, Найл. Нам не остается ни малейшей надежды. Я люблю тебя, но, вернувшись в Баллихинесси, больше никогда не захочу тебя видеть. Глядя на тебя, я не смогу скрывать свою любовь ни от тебя, ни от остального мира. Дом и так уже что-то подозревает. Я не хочу ссор, потому что он глуп

и вероломен. Я не прошу забыть меня. Забыть друг друга мы не сможем. Но мы должны расстаться.

Найл снова притянул ее к себе.

– Я не перенесу новой разлуки с тобой, – безнадежно выдал он.

– Но мы никогда по-настоящему не были вместе, любимый, – печально возразила она.

Несколько минут они держали друг друга в объятиях, не в силах оборвать горестное и сладкое мгновение перед расставанием. Потом, нежно поцеловав, Найл уложил Скай на подушки:

– Я найду еще возможность поговорить с тобой, пока ты здесь. Пообещай мне только одно. Пообещай, что позовешь меня, когда тебе понадобится помощь. Я не успокоюсь, если ты не дашь мне слова и не поклянешься в этом. Я не позволю О’Флахерти издеваться над тобой.

– Я не боюсь Дома. Пока на людях я играю красивую и послушную жену, его тщеславие удовлетворено. – Она не рассказала, какие мерзкие вещи заставляет делать ее Дом в постели. Помочь Найл все равно ничем не мог и только пришел бы в ярость. – Посиди со мной еще минутку, – попросила она. Улыбаясь, он взял ее за руку. Она закрыла глаза и вскоре уже спала. Осторожно укрыв ее, Найл отпер дверь и выскользнул из комнаты.

В банкетном зале он отпустил пажа и, возвращаясь к себе, нос к носу столкнулся с молодым сквайром.

– Извините, милорд, но Макуилльям хочет вас видеть, – объявил тот.

Лорд Бурк кивнул и тут же отправился в покои отца. Он нашел его сидящим в кровати в ночном колпаке на голове. Больная нога была только что заново перевязана, а в руке он сжимал бокал с вином. Найл поклонился и принялся к напитку.

– Мне кажется, мальвазия вредна для твоей ноги, – заметил он.

– Мошенник-доктор говорит, что для ноги вредно все. Если бы я еще имел вкус к женщинам, он бы сказал, что и это вредно, – Макуилльям помолчал. – А вот, на мой взгляд, красавица леди О’Флахерти вредна не только твоим ногам.

Мужчины посмотрели друг другу в глаза, и Макуилльям вздохнул.

– Я был не прав, насильно женив тебя на О’Нил. Теперь я вижу, что О’Малли была бы тебе лучшей женой. Боже! Только семь месяцев замужем и уже с ребенком! И беременность проходит нормально. От нее будет хорошее потомство – нарожает О’Флахерти полный дом детей и все равно останется с такой тонкой талией, что любой мужчина сможет обхватить ее пальцами двух рук. А как красива! Эти волосы, эти голубые глаза, эта великолепная грудь! Черт возьми, как бы я хотел сбросить несколько десятков лет! – Найл рассмеялся, но отец посерьезнел и продолжал:

– Держись от нее подальше, сынок. О’Флахерти тебя не

поблагодарит, если ты наставишь ему рога. Он убьет тебя, если застанет с женой, а я знаю, сегодня вечером ты был у нее в спальне, пока муж напивался в зале. Будь осторожен, мой мальчик. Ты мой единственный наследник, и я тебя люблю. Наш род под угрозой, пока у тебя не будет законного сына.

– Успокойся, отец, мы просто разговаривали. Если бы мы говорили на людях, тут же поползли бы слухи.

– Вы разговаривали?! Боже милосердный! Да будь я на двадцать лет помоложе и останься наедине с такой красавицей, мы бы уж с ней не говорили. Я бы нашел, чем с ней заняться!

Найл рассмеялся:

– Но, отец, она на шестом месяце.

– Ну так что ж, для этого придуманы отличные способы.

– Я знаю. Вот если бы ребенок был мой... Но он не мой.

Кроме того, – Найл в упор посмотрел на отца, – мы узнали, как вам удалось нас разлучить. Скай ужасно расстроилась, я не хотел волновать ее еще больше. Я ее люблю.

– Но если она потеряет ребенка, ничто не будет ее удерживать с О’Флахерти, – безжалостно заметил старик. – Его жена... ну да, но кто ей запретит приходить к тебе? И она придет. А я признаю всех незаконнорожденных детей, которых она тебе принесет, своими наследниками. Я сильно сомневаюсь, чтобы О’Нил смогла забеременеть.

– Не искушай меня, отец. Если Скай достойна вынашивать наших наследников, она, безусловно, достойна носить и на-

ше имя. А ты смотришь на нее, как на кобылицу, пригодную только для того, чтобы принести нам приплод и обеспечить наше бессмертие. Но я люблю Скай. Ни одной другой женщины я никогда не хотел в жены. — Он тяжело вздохнул. — Но О’Флахерти силен и здоров и, по-видимому, будет жить вечно. У нас со Скай нет надежды.

— Его смерть можно устроить... Но ты ведь слишком великодушен, Найл. Любовь сделала тебя мягкосердечным. И если ты не собираешься переманить к себе женщину, держись от нее подальше, иначе муж убьет тебя в припадке ревности, — проворчал старик.

— Или я его убью, — задумчиво проговорил лорд Бурк.

Сын Скай Эван родился ранней весной. Эйбхлин помогла племяннику появиться на свет, приехав в дом О'Флахерти сразу после Двенадцатой ночи³. Ее поразила бедность дома. Анна, конечно, рассказала монахине, о чем говорила ей Скай, но Эйбхлин решила, что расстроенная неудачным замужеством сестра сильно преувеличивала. Теперь она убедилась, что Скай была права.

Каменная кладка дома с башней требовала ремонта, повсюду гуляли сквозняки. Полы покрывал редко меняемый тростник. Драпировка на стенах вытерлась и не давала тепла, не говоря об удобствах. Мебель изнашивалась. Эйбхлин недоумевала: отец и мачеха отправили со Скай несколько изящных предметов, но когда она спросила о них у младшей сестры, та промямлила что-то о бесконечных долгах Гилли и Дома.

Присутствие сестры скрасило жизнь Скай. Роды оказались легкими, и через четыре недели Эйбхлин уехала из дома О'Флахерти, но через несколько месяцев опять вернулась туда, чтобы снова помогать сестре: рождение второго сына Мурроу отделяли от первого всего десять месяцев.

Мурроу появился на свет в разгар зимы во время сильнейшей вьюги. К счастью, и эти роды оказались нетрудными.

³ Двенадцатая ночь – канун Крещения.

Однако у Эйбхлин было много других забот. Ветры задували так, что в некоторых местах полы в доме О'Флахерти на полдюйма были покрыты снегом. Его заносило в трещины в стенах и в окна, прикрытые овечьими шкурами. Несколько раз гасло пламя в очаге, и Эйбхлин сбилась с ног, согревая и уберегая от сырости мать и новорожденного. Монахиня сердилась. Она не понимала, почему сестра должна жить в таких условиях. Приданое Скай разошлось на уплату карточных долгов, на вино и подарки женщинам, с которыми развлекались Дом и его отец. Эйбхлин дала себе слово: Скай не будет больше рожать – по крайней мере так часто – пока Дом не повзрослеет и не станет хозяином у себя в поместье.

– Десять месяцев – слишком рано, – упрекала она сестру. – Тебе нужно отдохнуть год или два, прежде чем зачинать снова.

– Скажи это Дому, – еле слышно отозвалась Скай. – Уже в этом месяце он окажется на мне. Несмотря на всех его шлюх, я его постоянно притягиваю. Кроме того, я считала, что не смогу забеременеть, пока кормлю Эвана.

– Старушечьи рассказы вредят больше, чем ты думаешь, – проворчала Эйбхлин. – Я сама поговорю с Домом, а тебе дам средство, которое предотвратит зачатие.

– Эйбхлин! – удивленно воскликнула шокированная Скай. – Ты ведь монахиня! Откуда ты можешь знать такие вещи?

– Я знаю не меньше любого доктора, – ответила сестра. –

Наверное, даже больше, потому что изучала акушерство и лечение травами – искусство, пришедшее к нам из древности. Врачи презирают эти вещи, но они не правы. Я могу научить тебя, как избежать беременности.

– Но разве церковь не запрещает это?

– Церковь не видит, как умирают от голода младенцы в семьях, где слишком много ртов, – с жаром ответила монахиня. – Не видит, как, посинев, они замерзают вместе с матерями, потому что в трущобах, которые они называют домами, нет одеял, нет еды и нет дров. Что могут знать сытые священники и епископы, благоденствующие в такую вот снежную ночь в своих каменных домах, о несчастных душах и бесконечной пытке? Там, где я могу, я помогаю, Скай. Невинным, полным предрассудков беднякам я предлагаю «тоник», чтобы вернуть им силы после родов. Они не знают, что пьют на самом деле, а если бы узнали, отказались, ибо верят в вечное проклятие. Ты ведь не так глупа, сестра.

– Нет, Эйбхлин. И я больше не хочу детей от Дома. Не хочу состариться раньше времени. Не буду выкармливать этого ребенка, зная, что это не убережет от беременности. Одна из женщин Дома родила лишь месяц назад, и грудь у нее, словно вымя у коровы. Меня позабавит, если она будет кормить и законного, и незаконного ребенка Дома. Пусть живет в детской с мальчиками и за компанию поселит с собой кормилицу Эвана.

– Ты стала жестокой, Скай.

– Иначе я не смогла бы выжить в этом доме. Ты провела здесь достаточно времени, Эйбхлин, чтобы понять, кто такие О’Флахерти.

Монахиня кивнула.

– Ты преуспела в поисках мужа для Клер?

– Нет. И ничего не смогу сделать, если мне не удастся уговорить папу дать за ней приданое. Деньги, оставленные матерью Клер, Гилли и Дом промотали в карты. От них ничего не осталось. И если бы я не знала девчонку, то решила бы, что она полоумная. Молодых людей, которые к нам приходят, она встречает с безразличием. Один, видишь ли, слишком толст, другой слишком худ. Этот – шут гороховый, а у того нет чувства юмора. Тот слишком пылок в клятвах, а у этого кровь еле в жилах бежит. Не могу ее понять! Религиозного призвания она не испытывает, никого не любит и не хочет жить самостоятельно. Ничто ее не заботит.

– Может быть, она хочет остаться с братом и отцом? Есть и такие женщины.

Скай испытующе посмотрела на сестру:

– Ты и в самом деле думаешь, что Клер такая?

– Нет, – быстро ответила монахиня. – Она испорченная скрытная девчонка, хотя и выглядит как ангел. Есть в ней нечто... – Эйбхлин остановилась, раздумывая, стоит ли продолжать, – нечто отвратительное, – наконец закончила она.

Скай согласилась. Но что можно поделать, мужа никак не удавалось найти! Клер любила подсмеиваться над другими,

а что творилось у нее в душе, не знал никто. Но что-то она скрывала, Скай чувствовала это.

Вскоре Эйбхлин вернулась в обитель Святой Непорочной Девы, но прежде поговорила с Домом. Позже он заявил Скай:

– Раз твоя сестра утверждает, что здоровье не позволяет тебе родить еще одного сына, ты вряд ли будешь в обиде, если мне придется развлекаться на стороне.

– А разве раньше я когда-нибудь жаловалась? – спросила она, ликуя в душе: она теперь свободна.

– Нет, нет, ты славная девочка – ты родила мне двух сыновей.

Скай радостно улыбнулась и прикусила язык, чтобы не рассмеяться. Дом видел ее такой, какой хотел видеть, – хозяйкой дома, плодотворной женщиной. И теперь он решил проявить великодушие и на какое-то время оставить ее в покое.

Жизнь Скай потекла однообразно, она получила покой, о котором мечтала. Пришлось заняться поместьем, чтобы доход мог поддерживать их существование и дать возможность уплатить подати Макуилльяму. Ни Дом, ни его отец не интересовались тем, что она делала, пока у них хватало времени и средств для своих потех.

С крестьянами Скай обращалась жестко, но справедливо. Из-за безалаберности О'Флахерти они совсем отбились от рук. Поначалу они роптали, но с наступлением зимы обнаружили, что впервые за долгие годы сыты, одеты и живут в

тепле. Они возблагодарили госпожу. Она совершила чудо, сумев подготовить их к зиме.

Эвану исполнилось два года, Мурроу – шестнадцать месяцев. И тут Скай осознала, что за все эти шестнадцать месяцев Дом так ни разу к ней и не подходил. Она тихо благословляла женщин, которые забавляли ее мужа. Но тут ей пришло в голову, что уже много месяцев она не слышала, чтобы молва связывала Дома с какой-нибудь одной женщиной. Это было тревожным знаком.

В июне Скай исполнилось восемнадцать. Погода для Ирландии стояла необыкновенно солнечная и теплая. Здоровое, полностью восстановившее силы тело молодой женщины снова начинало мечтать о любви, хотя бы с Домом. Их дважды приглашали отпраздновать Двенадцатую ночь у Макуилльямов, но она оставалась в Баллихинесси, сославшись в первый раз на беременность, а второй раз на выдуманную болезнь.

Скай больше не решалась встречаться с Найлом, хотя душой и телом безнадежно стремилась к нему. После того как Эйбхлин просветила ее, можно было стать его любовницей. Соблазн был жестокий. Но она слишком себя ценила и согласилась бы только на роль любимой жены.

Дом с отцом ездили на Двенадцатую ночь. Она настояла, чтобы мужчины отправились к Макуилльямам, оставив ее с детьми. Каждый раз она просила, чтобы Дом и Гилл использовали любую возможность для поиска мужа для Клер, но

оба раза они возвращались и сообщали, что подходящего человека не нашлось. Понять этого Скай не могла. Благодаря Дубхдару О'Малли она располагала значительным приданым для девушки и позаботилась, чтобы мужчины его не смогли промотать. Или Клер была слишком привередлива, или в ее жизни существовал человек, выйти замуж за которого она не могла, но о котором втайне мечтала. Скай пыталась разгадать, что происходит с девушкой: Клер О'Флахерти исполнилось семнадцать, и Скай совсем не хотелось жить с Клер всю жизнь.

Скай тщательно выбрала время вечером, после ужина, когда Дом и Гилл исчезли, а Клер направилась к себе в комнату на самом верху под крышей башни. Скай никогда там не была: ее не приглашали, а врываться она не хотела.

Когда дом затих, она неслышно поднялась по лестнице и, войдя в гостиную, застыла, пораженная, обнаружив много пропавших вещей из своего приданого. На окнах висели шторы из французского бархата, которые она намеревалась повесить у себя. У стены стоял полированный дубовый буфет, подаренный ей О'Малли и Анной, а на нем красовался серебряный поднос с венецианскими бокалами и графином. Боже милостивый, изумилась Скай про себя, да я шкуру спущу с этой прохвостки! Вот и вазы, вот и подсвечники! Разъяренная, она была уже готова позвать мужа и потребовать объяснений, как вдруг услышала смех и голоса – один из них явно мужской. Голоса доносились из спальни!

Так у Клер есть любовник! Кто бы он ни был, вскоре он станет женатым человеком, если, помилуй Господи, у него уже нет жены. Плебей или господин, она женит его! Скай поднялась еще выше и приблизилась к полуоткрытой двери спальни. Чем меньше становилось расстояние до двери, тем явственнее слышались страстные восклицания. Скай заглянула в комнату.

То, что она увидела, подтвердило ее подозрения. Клер и мужчина – оба голые – сплелись в объятиях. При виде длинных белых ног Клер, обхвативших любовника, краска бросилась Скай в лицо. Мужчина извивался от страсти – Клер застонала:

– Еще, Дом! Еще! Как это сладостно, братик! – Скай подавила приступ тошноты и прислонилась к косяку. Дом... Так любовником Клер был Дом – ее собственный брат. Скай переступила порог, все еще держась за косяк и чуть не падая в обморок от того, что увидела.

– Шлюха! – ревел Дом. – Какая же ты шлюха, моя милая сестренка. Я буду прыгать на тебе, пока ты не запросишь пощады. А потом ты будешь доставлять мне наслаждение тысячами других способов, которые я изобрету!

– Да, да, – шептала Клер. – Все, что хочешь, любимый. Я сделаю все, что ты хочешь. Разве я когда-нибудь отказывалась?

В ужасе Скай сползла на пол.

– Встань на колени, сука!

Клер поспешила подчиниться, и брат тут же навалился на нее сзади. У ненавидящей извращения Скай к горлу подкатил комок, когда Клер закричала:

– Сделай мне больно, Дом! Ну сделай мне больно!

Но Дому и этого было мало. Распластав сестру на спине, он потянулся к ее рту. Чтобы не видеть, Скай закрыла глаза, но уши она заткнуть не могла и слышала гортанные чавкающие звуки, издаваемые Клер, и довольное сопение Дома. Скай не сдержалась и икнула.

– Боже, здесь кто-то есть! – завопила Клер.

Дом скатился с кровати и увидел жену в полуобморочном состоянии.

– Так, так, – пробормотал он с грязной ухмылкой. – Кто это здесь? Моя дорогая женушка.

Глаза Клер расширились.

– Как ты посмела за мной шпионить? – выкрикнула она.

– Я н-не ш-шпионила. – Голос у Скай срывался. – Я пришла поговорить о твоём замужестве.

Дом начал бешено хохотать, но взгляд сестры утихомирил его.

– Замужестве? А почему, черт возьми, я должна выходить замуж? Единственный мужчина, которого я люблю, – это Дом. И я не представляю, чтобы я смогла его когда-нибудь покинуть. Он мой! А на тебе женился только из-за денег да из-за наследников. Теперь у него есть и то, и другое, и ты нам нужна только для того, чтобы управлять поместьем.

А теперь убирайся и больше никогда не появляйся здесь.

Скай намеревалась уйти, но огромная рука Дома схватила ее за плечо. Другой рукой он потянулся к груди, а когда соски напряглись, воскликнул:

– Что, давно не пробовала? – Она попыталась отстраниться.

– Не трогай ее, – злобно зарычала с кровати Клер. – Пока я здесь, она тебе не нужна!

– Угомонись, стерва! Когда-то она меня забавляла. А сейчас я возьму вас обеих сразу.

– Нет! – зарыдала Скай и попыталась добраться до двери, но рука крепко сжимала ее плечо.

Злобный взгляд белесо-голубых глаз Клер остановился на ней, она подбежала к Скай и стала рвать с нее платье. Увидев обнаженное тело, Клер сразу смягчилась, глаза подернулись поволокой, она потянулась к Скай, собираясь ее ласкать. Та содрогнулась от прикосновения и чуть не лишилась сознания от отвращения. Клер похотливо рассмеялась:

– Я первая, братик! Ну пожалуйста! А ты пока смотри. Помнишь, как тебе нравилось смотреть, как я играла с маленькой служанкой?

– Нет, Дом. Ради Бога, не надо!

Дом сладко улыбнулся сестре, глаза засияли от воспоминания. Потом он кивнул:

– Я погляжу, Клер. Но когда я буду готов, ты уступишь. Обещай. Не как в тот раз с Сорчей.

– Хорошо, дорогой, – промурлыкала Клер, и вдвоем с Домом они привязали руки Скай к стойкам кровати.

Клер подошла к жертве и запечатлела на ее лице страстный и мокрый поцелуй. Скай, казалось, была без сознания, и, засмеявшись, Клер начала ласкать ее кожу. Отвращение, которое она вызывала в Скай, еще больше возбуждало ее. Зажав соски между пальцами, она принялась потирать их, потом наклонилась и взяла губами. Скай, хотя и была привязана, пыталась сопротивляться, тем самым подогревая соперницу.

Медленно Клер потянулась к Скай, и их животы и груди соприкоснулись:

– Только не рассказывай мне, что ты не развлекалась так со своими сестрами, и помни: Дом смотрит на нас и готовится поиграть с нами. Не дерись, сестра. Теперь ведь, когда ты все узнала, мне от тебя скрывать нечего. Будем забавляться друг с другом.

Скай отвернулась, смущенная тем, что с ней происходило, и стыдясь, что в ней просыпается желание. Клер все жарче прижималась к ней. Вдруг Дом оттолкнул сестру и навалился на Скай.

Она вскрикнула, но это, казалось, только распалило его. Рядом на коленях стояла Клер и, похотливо разинув рот, наблюдала за ними. Закончив со Скай, Дом развязал ей руки, оттолкнул и перекатился к сестре, а она, свернувшись в клубок, разрыдалась. Так ее еще в жизни никто не оскорблял.

Теперь она знала, что стоит кому-нибудь тронуть ее подобным образом, она готова пойти на убийство.

Ободренная этой мыслью, Скай сползла с кровати и проковыляла через комнату к двери. К этому времени любовники оторвались друг от друга, и, подняв голову, Клер закрычала:

– Она убегает, Дом! Хватай ее! Я опять ее хочу!

Дом спрыгнул с кровати и погнался за женой. Она стояла уже на пороге и отступила, когда он прыгнул на нее. Потеряв равновесие, муж оступися и головой вперед полетел с лестницы, ведущей в гостиную сестры.

Несколько секунд стояла напряженная тишина. Дом лежал, нелепо изогнувшись. Потом Клер соскочила с кровати и уставилась вниз.

– Ты убила его! Ты убила Дома! – заголосила она, повернувшись к Скай.

«Прости меня, Пресвятая Дева Мария, но я надеюсь, что так оно и есть», – думала она. Освобождение принесло ей силы, и она с яростью дала Клер пощечину, оставив отпечаток ладони на ее лице.

– Заткнись, маленькая злобная дрянь! Заткнись!

– Нужно позвать на помощь, – требовала Клер.

– Не теперь.

– Ты и вправду хочешь, чтобы он умер, – прозвучало страшное обвинение.

– А я этого и не отрицаю, – ровным голосом ответила

Скай, и Клер отпрянула от нее. – Но прежде чем бежать за помощью, мы должны одеться. Что подумают слуги, если увидят нас троих в чем мать родила? Я не хочу, чтобы скандал повредил моим сыновьям. Одевайся, а потом принеси мне из моей комнаты что-нибудь надеть. Быстрее!

Казалось, все это заняло целую вечность, но наконец обе женщины были одеты. Вдвоем они натянули одежду на Дома – к великому сожалению Скай, он еще дышал.

– А теперь буди дом! – приказала Скай.

– А что я им скажу? – дрожащим голосом спросила Клер.

– Что с Домом произошел несчастный случай. Остальное я беру на себя. Иди же!

Клер убежала и, громко крича, разбудила дом. Вмиг комната заполнилась гомонящими слугами. Скай спокойно приказала перенести раненого мужа к нему в покои. Послали за семейным врачом. Он приехал. Занимался новый день.

Дом еще жил, но было бы лучше, если бы он умер. Позвоночник был переломан в двух местах, нижнюю часть парализовало. Никогда он не сможет ходить, да и блудить тоже.

Скай поблагодарила врача и, уплатив гонорар, отпустила. И только тогда повернулась к обоим О'Флахерти.

– Клер сказала, что это ты повинна во всем, – накинулся на нее Гилл.

– Ваш сын сам повинен в том, что с ним случилось, – холодно отозвалась Скай. – Вечером после ужина, покончив с делами, я поднялась в комнату вашей дочери, чтобы пого-

ворить с ней о ее браке. И застала ее с вашим драгоценным сыном. Они не в первый раз занимались... кровосмесительством! Я попыталась улизнуть, но они поймали меня и дико надо мной надругались! Оба! Я опять хотела убежать, и Дом погнался за мной. Я отскочила в сторону, и тогда он через открытую дверь скатился вниз по лестнице. Жаль, что он не сломал свою проклятую шею! Тогда бы я была избавлена от необходимости за ним ухаживать. Если вы и теперь, Гилли, считаете, что я повинна в несчастье вашего сына, пусть нас рассудит Макуилльям.

– Пусть, – всхлипнула Клер. – Хоть раз в жизни, отец, прояви инициативу! Из-за нее Дом полжизни проведет получеловеком. Ее нужно наказать!

Скай выпрямилась и сверху вниз гордо посмотрела на жаждущую мести Клер.

– Давай, Клер, – проворковала она. – Вынеси наше дело на разбирательство Макуилльяма. Но будь готова либо доказать свою невинность акушеркам, либо назвать любовника. Кого ты объявишь любовником? Слугу? Вряд ли. Ты слишком горда, чтобы признать, что имела любовником слугу. Кого же тогда? Некого! К тебе никто даже не приходил. Разве что объявишь любовником самого дьявола. Хотя я полагаю, что так оно и было.

Свекор Скай внезапно постарел и поник. Клер безнадежно плакала. Последние слова Скай dokonали О'Флахерти.

– Я уезжаю домой на Иннисфану, – объявила она. – За-

бираю с собой сыновей и больше никогда не вернусь. Если Клер так любит брата, пусть остается при нем и ухаживает, пока он жив. А я прослежу, чтобы отец отозвал ее приданое. Без него у Клер нет шансов прилично выйти замуж. А теперь, когда я знаю правду, мне не хочется, чтобы какой-нибудь бедняга взял ее в жены. Я буду кормить и одевать ее, или пусть выходит замуж с тем, что у нее есть. Ей выбирать.

Бейлиф Фрэнг будет управлять за меня поместьем и отвечать передо мной одной. Когда-нибудь его унаследует Эван, и я хочу, чтобы оно досталось ему в хорошем состоянии.

О вас, Гилли, позаботятся, но вскоре юристы моего отца дадут вам подписать бумаги. Я не позволю промотать имение. Запомните, Гилли, я не собираюсь оплачивать ваши кутежи, женщин и карточные долги!

– Папа! Ты допустишь сделать с нами такое?!

Гилли невидящими глазами смотрел перед собой, и Скай победно улыбнулась:

– Да, Клер, позволит. Он знает, что произойдет: я буду требовать, чтобы наш спор разбирали Макуилльям и церковь. В этом случае я обвиню тебя в кровосмесительной связи с братом и в ведовстве. За свои грехи ты заслуживаешь сожжения!

– Я люблю его! – взвизгнула Клер.

– Ты была его сестрой!

– Я его любила, – повторила Клер. – С тех самых пор, как в одиннадцать лет впервые попала к нему в постель. Я была

единственной женщиной, которая удовлетворяла Дома.

Скай с жалостью посмотрела на Клер:

– Вот и посмотрим теперь, как ты его любишь.

Утром, не ощущая в душе ничего, она попрощалась с мужем:

– Надеюсь, тебе доставило удовольствие то, что вы прошлой ночью проделали с сестрой, помнить об этом тебе придется всю оставшуюся жизнь.

– Сука! – простонал Дом. – Какая же ты женщина, если покидаешь меня?

– Лучше той, что ты знал. Твоя связь с сестрой, Дом, снимает с меня все обязательства по отношению к тебе.

Он попытался подняться:

– Вернись, мерзавка. Я приказываю тебе, Скай, вернуться. Сейчас же вернись!

Она так и не оглянулась. Проклятья, мольбы и просьбы неслись вдогонку.

Скай покинула дом О'Флахерти. Через несколько дней она прибыла в Иннисфану. Дубхдара О'Малли умирал, придавленный мачтой во время шторма, когда вел домой свой корабль. Упрямый человек, он не пожелал умереть вне родных стен, он послал гонца за младшей дочерью, и тот застал ее как раз тогда, когда она нанимала корабль, чтобы переплыть на остров.

Она едва успела сказать отцу последнее прости. Заплаканная, она поцеловала его холодеющий, покрытый испариной

лоб:

– Я вернулась, папа.

Он кивнул. Объяснения его теперь не интересовали.

– Братья еще слишком малы для плаваний, – тихо просто-
нал он. – Вместо меня кораблями придется распоряжаться
тебе.

Скай никогда не приходило в голову, что он возложит на
нее такую ответственность. Но она просто ответила «да».

– Ты лучшая из всех, девочка. Лучше даже ребят.

– Папа, – прошептала она. – Я тебя люблю.

– Всегда следуй велению сердца. – Это были последние
слова Дубхдары О’Малли любимой дочери. Через несколько
минут, сжимая ее руку, он умер.

Полными слез глазами она посмотрела на дядю Симуса.

– Я все слышал, – произнес тот. – И подтверждаю твои
права, Скай. Теперь ты – глава клана, и да поможет тебе Гос-
подь, потому что помощь тебе будет очень нужна.

Скай посмотрела на мачеху.

– Я слышала его слова и доверяюсь тебе, – сказала Анна. –
Ты сделаешь для нас все, что сможешь. К тому же старший
в роду мужчина теперь твой брат Михаил, а не мои сыновья.

– В этой семье, – ответила Скай, – главой может быть не
обязательно самый старший, но самый умелый. По крайней
мере двое из твоих сыновей смышленнее Михаила. Он боль-
ше похож на мать, упокой Господь ее душу, и скорее после-
дует за Христом, чем в море. Я не ошибаюсь, дядя?

Симус О'Малли кивнул:

– Он просил меня поговорить с Дубхом. Он намерен вступить в обитель Святого Патрика и сделаться священником.

Скай повернулась к Анне:

– Вот видишь. Остаются Брайан и Шейн.

Как только члены семьи собрались, определили продолжительность бдения и день похорон. По настоянию Симуса и Анны ошарашенные зятья и сестры нехотя признали Скай главой. Вассалы быстро прибыли к ней и почти радостно поклялись в верности новой О'Малли.

Следующий шаг – путешествие в замок Макуилльям, с обещанием верности сюзерену. Только Анна, Эйбхлин и дядя знали истинную причину, по которой она покинула мужа. Все трое пришли в ужас, но поклялись сохранить все в секрете. Симус О'Малли подпустил туману, рассказав, что Скай увидела сон, в котором отец взывал к ней из волн. Матросы, плававшие с ней еще в детстве, повторяли легенды о ее храбрости и умении.

Она въехала в замок вместе с сопровождавшими ее капитанами. Из окон одной из башен ее увидел Найл Бурк. Как теперь сложатся их отношения? Как в былые времена, она скакала на черном жеребце Финне. На ней были ярко-зеленые лосины, коричневые кожаные сапоги и длинная куртка с серебряными пуговицами. Под курткой виднелась кремового цвета шелковая рубашка с пуговицами из жемчужин. Знаменитые иссиня-черные волосы были разделены посере-

дине на пробор и уложены плотными кольцами на затылке. Она слегка покраснелась. На левой руке он заметил голубое сияние и догадался, что это перстень с сапфиром, который одновременно служил официальной печатью ее отца.

Найл спустился из башни и прошел в свои покои. К его удивлению, там поджидала его Дарра. За три года их совместной жизни он видел жену не часто и давно оставил мысль о сожительстве с ней, когда стало ясно, что ребенка зачать она не способна. Она никогда не отдавалась добровольно, а сдавалась под натиском силы, а потом налагала на себя епитимью за слабость своей плоти. Она носила грубые коричневые платья, которые шила сама наподобие монашеского одеяния, редко мылась, считая, что это лишь тешит плоть, и вот уже год проводила дни и ночи в постоянной молитве. Найл давно уже к ней не приходил. Ее привычки вызвали в нем отвращение, а настаивая на своих правах мужа, он чувствовал себя насильником.

Найл вежливо поздоровался с женой, она ответила на приветствие.

– Леди О’Флахерти приехала к твоему отцу. Что привело ее сюда?

– Умер ее отец, Дарра, и передал ей свои обязанности, пока не подрастут братья. Теперь О’Малли приехала поклясться в верности сюзерену.

– А что с ее мужем? Мне намекали, что она пыталась его убить, а потом бросила на произвол судьбы и с сыновьями

уехала домой. А он остался на всю жизнь парализованным, за ним ухаживает только его родная сестра.

– Откуда у тебя эти сведения, Дарра? – Найл постарался, чтобы его голос звучал невозмутимо.

– Я получила письмо от несчастной леди Клер О’Флахерти, которая умоляет меня вступить перед Макуилльямом за ее бедного брата.

– Я не верю в эту историю, Дарра. Скай всегда была рассудительной и великодушной.

– И именно эти качества побудили О’Малли завещать ей свою небольшую империю? Или он имел в виду другие черты ее характера? – проницательно заметила жена. Такие разумные рассуждения от нее можно было услышать не часто.

– Скай никому не способна сделать зло. Я отказываюсь в это верить.

– Конечно, отказываешься, потому что до сих пор испытываешь к ней вожделение. Но во имя своей бессмертной души ты не должен поддаваться ее уловкам, Найл.

Он горько рассмеялся:

– Так чьим же уловкам мне можно поддаваться, жена? Твоим? Выслушай, что я скажу тебе о Скай О’Малли. Когда я видел ее в последний раз, она заявила, что не хочет больше меня видеть, потому что мы в браке с другими людьми. Тогда я сказал, что убью ее мужа. Она упрекнула меня и спросила, что я собираюсь делать с собственной женой – убить тоже? Ты ведь тоже пострадала, как и мы, заметила она. И все мы

теперь должны смириться с нашим положением. И больше возможностью встречи она не искушала ни меня, ни себя.

– Зло всегда умно, Найл. Она умело убедила тебя в своих добродетелях. Опасайся ее! Опасайся! – И, странно поглядев на него, вышла из комнаты.

Лорд Бурк переоделся. Отец просил его быть вместе с ним на церемонии, чтобы клятва верности относилась и к его наследнику. Он раздумывал, простой или элегантный костюм выбрать, и наконец остановился на черном бархатном.

Войдя в главный зал, он с удивлением обнаружил, что Скай так и не сменила дорожный костюм. Его отец держал ее руки в своих шишковатых старых руках, она стояла на коленях, а за ее спиной толпились капитаны. Дважды она поклялась в верности Буркам – сначала Макуилльям, а потом, вложив руки в теплые крепкие ладони Найла, и ему. Потом изящно поднялась, чтобы принять поцелуй мира и согласия. Лорд Бурк заметил, с какой любовью и гордостью смотрели на нее грубоватые капитаны О’Малли. Они обожали ее, и Найла успокоило, что она будет плавать с такими преданными людьми.

И тут, ко всеобщему изумлению, появилась Дарра. Одетая словно монашенка, она закричала:

– Милорд Макуилльям! От имени О’Флахерти из Баллихинесси я требую суда над этой преступной женщиной. Ах ты злобная вавилонская блудница, дни твои сочтены! Господь поразит тебя огнем и мечом!

Скай быстро посмотрела на Найла. Ее глаза наполнились жалостью.

– Всем вон из зала! – зло закричал Макуилльям, и лицо его покраснело. Когда все удалились, он повернулся к Дарре:

– Надеюсь, мадам, у вас найдутся объяснения вашему вторжению и непрошеным обвинениям.

– Никаких больше «мадам», сэр! Называйте меня сестрой Марией Кающейся. Такое имя у меня было в монастыре до того, как вы меня оттуда украли и заставили вступить в плотскую связь с вашим сыном. И скоро оно снова станет моим, потому что я не намерена больше здесь оставаться и возвращаюсь в обитель. Но прежде чем уеду, мне нужно исправить великую несправедливость, совершенную этой испорченной женщиной. Во-первых, она нарочно искалечила мужа. Затем сознательно его оставила, забрав обоих его сыновей и все его деньги. Она должна быть наказана. Этого требует Бог!

– Что это она несет? – проревел Макуилльям.

– Она утверждает, что получила письмо от Клер О’Флахерти, – спокойно объяснил Найл отцу.

– Маленькая лгунья! – возмутилась Скай.

Макуилльям с сыном, переглянувшись, улыбнулись.

– Ну, хорошо, что ты на это скажешь, О’Малли? – проговорил старик.

Скай презрительно посмотрела на Дарру:

– А она выдержит правду? Она не так уж приглядна.

– Говори, О’Малли, – приказал Макуилльям.

– Клер О’Флахерти лжет, милорд. Я застала ее с братом, когда они занимались кровосмесительством, – и Скай рассказала все. – Я увернулась от него, и он полетел с лестницы, – заключила она.

Дарра Бурк, смертельно побледневшая при слове «кровосмесительство», издала вопль ужаса и без чувств упала на пол. Макуилльям и сын только глянули на нее, но не двинулись с места.

– Врач считает, что Дом больше никогда не сможет ходить. После всего случившегося я не чувствую перед ним никаких обязательств. Когда я выходила за него замуж, имение было в плачевном положении, три года вам не платились подати. Но теперь благодаря мне все выплачено и земли О’Флахерти процветают. И это несмотря на то, что Дом промотал и потратил на женщин мое приданое. Клер О’Флахерти обязана мне каждым куском еды, каждым глотком вина, любой тряпкой, которой прикрывает свой зад. Она могла преспокойно выйти замуж, если бы не ее преступная связь. Клер сама предпочла остаться в Баллихинесси с братом. Когда Дом искалечился, я предложила ухаживать за ним или уехать. – Она в упор посмотрела на Макуилльяма. – Если вы считаете, что в ее обвинениях есть какая-нибудь правда, я подчинюсь любому вашему решению.

Старик потянулся рукой и нежно погладил волосы Скай.

– В ее обвинениях нет правды, О’Малли, – ворчливо произнес он. – И если она не согласится с моим решением, я

передам ее на суд церкви. И священники поступят с девчонкой намного суровей, чем я, – он улыбнулся Скай. – Ты погодишь в моем доме несколько дней? Ты выдержала суровое испытание, и впереди тебя ждет огромная ответственность.

Скай в ответ улыбнулась Макуилльям, и он вновь подумал, насколько она красива. Какое-то мгновение он сожалел о своем возрасте и немоцах и завидовал сыну, чьей любовницей эта женщина, без сомнения, станет.

– Спасибо за приглашение, милорд. Я останусь, но только на один день. Вы правы: на мне теперь огромная ответственность – весь флот отца. Мне еще надо многому научиться. Старший из моих братьев склонен больше к церкви, чем к морю. Я постараюсь обучить его, но вряд ли Михаил изменится. Поэтому скорее всего следующим О’Малли станет Брайан. Ему только шесть лет, и свои обязанности он сможет выполнять не раньше чем лет через десять. К тому же у меня двое своих сыновей, которых нужно воспитывать.

– Остановись, женщина, – воскликнул Макуилльям. – Ты меня утомляешь! Слишком уж много взвалили на твои хрупкие плечи. Удивляюсь я твоему отцу, упокой Господи его душу.

Скай гордо взглянула на старика:

– Мой отец знал, что я его не подведу. Он мог выбрать любого из мужей моих сестер или дядю Симуса, но он выбрал меня. О’Малли – я! – Внезапно она смягчилась. Ее глаза засветились зеленоватым оттенком. – Но сегодня я про-

сто Скай – ваша благодарная гостья. – Она повернулась и, не проронив ни слова, вышла из зала.

Макуилльям вызвал слугу, и тот быстро унес все еще бесчувственную Дарру.

– Если хочешь, чтобы О’Малли была твоя, – обратился он к сыну, – лучше сразу ее укроти. Она не размазня, а бой-женщина, и уж если получит в свои руки власть, не так-то просто будет ее обуздать. Посмотрю, что можно сделать по расторжению твоего брака – ведь О’Нил удаляется в монастырь. Что же до О’Флахерти – его здоровье вызывает серьезные опасения. Ты ведь не настолько благороден, чтобы помешать ему без шума и страданий перейти в лучший мир... посодействовать.

Найл, не задумываясь, покачал головой:

– Мне можно поговорить со Скай о замужестве?

– Конечно, если это поможет тебе в твоих ухаживаниях, – криво ухмыльнулся старик. – А помощь тебе потребуется – она женщина упорная.

Найл, выбегая из зала, ухмыльнулся в ответ. Он мчался к Скай, и сердце его пело. Она его! Наконец они будут вместе, будут любить друг друга, и она родит ему сильных сыновей и красивых дочерей. Они будут счастливы. Он ворвался в комнату, поразив Мэг и полуодетую Скай.

– Отец начинает бракоразводное дело, родная. Мы сможем скоро пожениться. – Он попытался ее обнять, но она отстранилась.

– Не прикасайся ко мне, Найл. Я не переношу, когда ко мне прикасаются. Я ведь рассказывала тебе, что со мной сделали. Я не хочу, чтобы до меня кто-нибудь еще дотрагивался! Я рада, что ты избавишься от Дарры О’Нил. Но найди себе другую жену, милорд. Мой муж жив, и если бы даже он и умер, я бы не захотела снова выходить замуж. Никогда больше не отдам себя на милость мужчине. – Она передернула плечами.

Найл остолбенел. Это была не та девушка, которую он знал.

– Скай, любовь моя, – начал он нежно. – Я знаю, тебе причинили боль, но я никогда не сделаю тебе больно. Вспомни, как у нас было с тобой – сладостно без меры. Иди ко мне. – И он протянул ей руку. – Позволь мне тебя любить и отбрось горькие воспоминания.

– Найл! – Глаза Скай наполнились слезами. – Пожалуйста, пойми. Я не переношу даже прикосновения Мэг. Я три года терпела грубости Дома. Какие только гадости он не заставлял меня делать и все же не мог убить память о тебе. До той ночи, когда он со своей развратной сестрой... – Она не могла продолжать.

– Пока они не набросились на тебя вдвоем, – тихо закончил он за нее.

– Да, – ответила она и замолчала.

– Понимаю. – Его глубокий успокаивающий голос пытался ободрить и утешить Скай. – Раны слишком свежи. А я, по-

глупев от счастья, решил, что ты разделишь мою радость. Ты слишком много страдала, а теперь на тебя свалилась ужасная ответственность. Тебе нужно время, ты оправишься, оправишься, дорогая!

Ее ресницы шелковисто темнели на бледной коже, и на Найла нахлынула великая жалость, когда из-под закрытых век Скай показались две кристальных слезы и покатались по щекам. Он хотел обнять ее, успокоить, избавить от жестоких воспоминаний, но она поднялась, сжав кулаки. Он понял: настаивать на ласках – значит потерять ее навсегда.

– Я люблю тебя, Найл, – наконец произнесла Скай. – Кроме тебя, я никого не любила.

– Я знаю, Скай, – тихо ответил он, – поэтому буду ждать.

– Правда? – Ее влажные прекрасные глаза широко раскрылись.

– Да, любовь моя. Буду ждать. Со временем ужас пройдет, и тогда я буду рядом с тобой, Скай. Хоть через месяц, хоть через год, хоть через десять лет.

– Тебе необходим наследник, Найл. Твой отец так ждет.

– Когда-нибудь ты и подаришь мне его, дорогая.

– Ты сошел с ума, – упрекнула она любимого, но улыбка заиграла в уголках ее губ.

– Нет, родная, не сошел, просто я люблю тебя – дикую и сладостную колдунью, которая когда-нибудь вернется ко мне.

Неожиданно она протянула ему руку, и он ухватился за

нее, почувствовав, как она дрожит. Скай не отняла ее.

– Дай мне время, Найл, и я вернусь к тебе. Теперь я знаю, что так и будет. Только дай мне время.

Теплая добрая улыбка озарила его лицо, уголки рта поползли вверх, у глаз появились морщинки.

– Мадам, у вас есть столько времени, сколько вам угодно. Ведь все равно у меня нет никого лучше вас. – Он склонился над ее рукой, холодные губы коснулись кожи, и по руке Скай пробежала дрожь. Что это было: отвращение или желание? В следующую секунду он выпрямился и вышел из комнаты.

Она стояла, застыв, не в силах пошевелиться. Он любил ее! Несмотря ни на что, он ее любил и собирался ее ждать! Кровь побежала в ее жилах, и она почувствовала тепло, какого не ощущала с той ужасной ночи. Теперь она знала, что все будет в порядке. Жестокие воспоминания свежи, но она со временем излечится от них. И когда это случится, Найл будет рядом с ней!

На следующее утро, поблагодарив сюзерена за гостеприимство, после недолгой скачки к побережью Скай отправилась на корабле к родному острову Иннисфана. Через месяц до Макуилльяма дошла весть, что переход власти от старого к новой О’Малли прошел гладко, и флот снова выходит в плавание.

Найл Бурк ждал. Излечение Скай началось, а когда завершится, судьба их свяжет навсегда. А до тех пор он не будет приближаться к ней. Времени у него достаточно.

Прошел год. Дом умер. Его смерть, хотя и внезапная, не была неожиданной. Потеряв возможность ходить, он потерял и вкус к жизни. Клер О'Флахерти исчезла вскоре после визита своей английской кузины, и только Гилли оставался в Баллихинесси – тень того Гилли, который когда-то здесь жил. Теперь он дни и ночи проводил в пьяном забытии. Имением успешно управлял бейлиф Фрэнг.

Маленькая торговая империя О'Малли под опытным руководством Скай процветала, и Макуилльям был вынужден признать, что Дубхдара знал, кому передает дело. Неизвестно, правда, как поведет себя Скай во время войны. По этому поводу он и собирался увидеться с ней.

В девять лет Михаил больше походил на священника, чем на мальчишку, и Скай отправила его в школу монастыря Святого Брендана для подготовки к рукоположению в шестнадцать лет. Пострижение он примет только в двадцать, и, прежде чем окончательно уйдет от мира, его братья по отцу подрастут, женятся и, может быть, родят наследников.

В семь с половиной и шесть с половиной лет Брайан и Шейн начали учиться искусству кораблевождения и постижению ремесла, которым промышлял Дубхдара. Брайана закрепили за кораблем под названием «Западный ветер», Шейн ступил на палубу «Северной звезды». Ни один из двух

кораблей не выходил в море, если другой был в плавании. Когда же время от времени мальчики оказывались дома вместе, Скай сравнивала их успехи. Оба были истинными О'Малли, уважали и относились к морю как к старинному другу. Скай была уверена, что отец гордился бы ими.

Благодаря епископу О'Малли и собственной щедрости – он передал церкви великолепное имение – Найл Бурк добился наконец расторжения брака с Даррой О'Нил, и та вскоре благополучно вернулась в монастырь, где и приняла великий постриг. От имени сына Макуилльям послал письмо Симусу О'Малли и официально попросил руки его племянницы.

– Не знаю, что и сказать, – шаловливо проговорила Скай.

– Боже! – заревел епископ, совсем как его покойный брат, так, что Скай не могла удержаться от смеха. С опечаленным видом он спросил: – Что это значит, не знаешь? С тех самых пор как Найл Бурк взглянул на тебя, ты только и мечтала, чтобы стать его женой. А теперь, когда твое желание готово осуществиться, ты не знаешь, что сказать! Просвети тебя Господь, женщина! Решай же наконец! – Его полное лицо покраснело, голубые глаза потемнели от гнева.

Смех Скай замер у нее на губах. Она встала на колени и ткнула шелковистой головой в ноги прелата.

– Это не потому, что я не люблю Найла, дядя. Я его люблю. Он для меня – единственный мужчина и навсегда останется таким. Но я больше не девчонка, которую интересуют только муж и дети. А может быть, такой я никогда и не была.

– Поберегись, девочка, – предупредил ее Симус О’Малли. – Мы имеем дело с Макуилльямом и его сыном. Они твои сюзерены.

– Пусть и они поберегутся, – выпалила в ответ Скай. – Я – О’Малли.

Симус сдержался:

– Так чего же ты хочешь, племянница?

– Брак не должен повлиять на мое положение главы клана.

Ни муж, ни свекор не должны вмешиваться в мои дела. Я буду отвечать за клан до тех пор, пока не увижу, что братья подросли. Так хотел отец, и я не позволю алчным пальцам Бурков залезть в сундуки О’Малли!

Я войду в их семью с приданым, достойным принцессы, но это все, что они получают от меня. Я не желаю, чтобы Бурки вмешивались в дела О’Малли.

Епископ кивнул:

– Ты трезво рассуждаешь, племянница, но не знаю, сможем ли мы заставить Бурков проглотить такую пилюлю? Макуилльям – человек тертый.

– Тебе и карты в руки, дядя. Ты ведь прекрасно ведешь переговоры. Разве не ты со своими друзьями устроил Найлу в Риме расторжение брака? Мы оба понимаем, что Макуилльям хочет меня для сына не из-за моих красивых глаз и прельстительной груди. Ему нужны наши корабли. Но они вовсе не мои, чтобы я могла их отдать. Они принадлежат братьям, и я не лишу сыновей отца их наследства даже ради собствен-

ного счастья. Я предложу старому скряге такие деньги, которые ему не даст ни одна невеста из «знатных». Кроме того, я предложу ему кое-что получше денег – ведь я уже доказала, что способна рожать здоровых сыновей! Уломай его этим. Как он ни умен, но наследник у него всего один. А я ему нарожаю с полдюжины.

Епископ рассмеялся.

– Ты стала совсем испорченной девчонкой, племянница. Твое отношение к святому таинству брака просто шокирует. Меня так и подмывает наложить на тебя целую гору епитимий.

– Если Найл Бурк меня и в самом деле любит, я с благодарностью их приму, дядя. – Она сразу посерьезнела. – Вот что я хотела бы знать. В прошлый раз он слишком легко принял волю отца и совсем не боролся за меня. И теперь ему придется поспорить с Макуилльямом, чтобы доказать свою любовь.

– А если Макуилльям откажется от твоих условий?

– Не откажется. А если и откажется, Найл, если он меня действительно любит, найдет способ на мне жениться.

– Хорошо, Скай. Будь по-твоему.

– Спасибо, дядя, – кротко ответила она, потупя глаза; епископ рассмеялся и нежно шлепнул ее по спине.

Макуилльям пришел в негодование, но Симус О’Малли крепко стоял на своем. Даже после свадьбы с Найлом Бурком Скай останется главой клана О’Малли и будет целиком

контролировать дела отца.

– У О’Брайанов есть хорошая девчонка, вполне созревшая для брака, – мстительно заметил Макуильям.

– Пусть идет к дьяволу! – завопил Найл, и епископ еле сдержал довольную улыбку. – Мне нужна только Скай. И я ее получу, даже если для этого придется перерезать твою тощую глотку!

Макуильям вопросительно посмотрел на сына.

– Если уж тебе так нейдет, то бери ее. И надеюсь, что вскоре вы подарите мне внуков. Мне нужно спешить, ведь с годами я не становлюсь моложе.

Счастливый Симус О’Малли вернулся к племяннице и сообщил, что ее условия приняты, а Найл горит желанием бороться за нее. Родственники всполошились, узнав, что одна из О’Малли выходит замуж за Найла Бурка, но сама Скай оставалась спокойна.

– Должно быть, ты изо льда, – заметила сестра Пегги. – Ведь ты всю жизнь о нем мечтала. А ведь его слава дамского угодника нормальную женщину доведет до обморока. Тебе всегда нравились его любовные похождения. Они тебя возбуждали и наконец заставили выйти за него замуж.

– Я пока еще не замужем, Пегги, и, боюсь, слишком рано радоваться. Может быть, это всего лишь сон. Если я останусь спокойной и скромной, то не привлеку к себе внимания духов, которые могут позавидовать моему счастью и разрушить его.

– Боже, сестричка! Это совсем не по-христиански, говорить такую ерунду. Слава Создателю, что дела клана ты ведешь разумно.

Скай кивнула, но ничего не ответила. Она хорошо знала, что и здесь, в сердце христианской Ирландии, каждый вечер за порог выставляют маленькому народцу еду и питье; сохранение невинности дев, отмеченных святостью, поручалось древнему кельтскому демону, материализующемуся, когда их чести грозила опасность. И перед каждым плаванием она с матросами молилась Маннанану Макклиру, старому ирландскому богу моря, умоляя его о благополучном возвращении.

Прошло почти восемнадцать месяцев с тех пор, как она видела Найла. Она немного побаивалась, ведь ни один мужчина за эти месяцы не добивался ее. Отвращение к прикосновениям немного прошло, и Мэг могла уже ее купать и одевать.

Как будто издавека почувствовав ее страхи, Найл Бурк неожиданно приехал на остров Иннисфана. Скай он нашел в розарии матери, срезающей увядшие цветы. Она была одета на ирландский манер – в красной юбке из легкой шерсти, без чулок, босая. Блузка из тонкого снежно-белого полотна, с короткими рукавами и глубоким вырезом, не скрывала грудь. Иссиня-черные волосы свободно падали на плечи и трепетали на легком ветру. Скай несла широкую, почти плоскую корзину, наполовину заполненную розами, и рядом

с ней вышагивал огромный пес Инис.

Она была еще прелестнее, чем он ее помнил, и сердце Найла забилося чаще от мысли, что эта женщина согласилась стать его женой. Невинная девочка пятнадцати лет стерлась из его памяти, теперь его кровь горячило это очаровательное девятнадцатилетнее существо. Его глаза радовал румянец ее щек, черные ресницы на белой коже, грациозные движения стройного тела.

Наконец он вышел из-за дерева – огромный волкодав замер, шерсть на его холке поднялась, он предупреждающе заворчал.

– Я рад, что ты под такой надежной охраной, Скай.

– Протяни руку, Найл, чтобы Инис запомнил твой запах. – Она потрепала собаку рукой. – Друг, Инис, друг.

Лорду Бурку пришлось терпеть, пока его тщательно обнюхивали. Сказав несколько ласковых слов, он погладил собаку, и пес посмотрел на него влажными угольно-черными глазами, потом ткнулся мокрым холодным носом в ладонь.

– Ты ему понравился!

– А если бы нет?

– У тебя возникли бы трудности после нашей свадьбы. – Внезапно она успокоилась, Найл тоже почувствовал себя уверенней и протянул к ней руки. Не задумываясь, она рванулась к нему в объятия и замерла, слушая, как бьется его сердце.

– Я люблю тебя, – тихо произнес он.

– А я люблю тебя, лорд Бурк. И скреплю свою любовь поцелуем. – Она подняла голову, и губы Найла нашли ее губы. В первую секунду она почувствовала панику, но он ласкал ее волосы и нежно шептал:

– Не бойся, любовь моя. Это я, Найл.

Скай вздохнула и потянулась к нему, а когда наконец освободилась из его объятий, ее глаза сияли радостью.

– Теперь все в порядке, родная? – спросил лорд Бурк, заранее зная ответ.

– Да, милорд. Только на мгновение... Но потом все прошло.

– Я всегда буду нежен с тобой, Скай.

– Я знаю. – Ее лицо осветила счастливая улыбка. – Ты давно за мной подсматриваешь?

– Несколько минут. Босоногая, собирающая розы, ты очаровательна.

– Но не горделива. Как О’Малли я должна была со всем флотом выехать к тебе навстречу, мой суженый.

– Пусть О’Малли плавает в море. А мне больше по нраву босоногая девушка, которую сейчас я держу в руках. К тому же ты ведь не знала о моем приезде. Через два дня мы подпишем с твоим дядей брачный контракт. Ты довольна, маленькая?

– О Найл, да, да, да!

– Тогда, – продолжал он, – через три недели после оглашения мы сможем пожениться.

– Да! – Потом ее лицо потухло. – Через три недели я не смогу. Проклятье! Я должна плыть в Алжир, мы отправляемся через неделю.

– В Алжир? Зачем?

– Мы собираемся основать торговую факторию в Алжире, но согласие я могу дать только после того, как сама изучу положение. Я не имею права проматывать золото О’Малли!

– И тебе обязательно ехать на будущей неделе? Нельзя выбрать другое время? – В голосе Найла послышалось раздражение.

– Извини, дорогой. Но чтобы получить разрешение на торговлю в Алжире, нужно согласие дея, представляющего в Константинополе порт Сублим. Без него мы не сможем безопасно торговать в Средиземном море.

– А нельзя его просто подкупить?

Скай рассмеялась.

– Это я и собираюсь сделать. Но турки ведут дела не так, как мы. У нас все делается прямолинейно, а они требуют обхождения и изящества. Когда дей узнал, что глава клана О’Малли – женщина, он пожелал встретиться со мной. Мои представители не посмели ему отказать, вот почему мне придется ехать, иначе я рискую обидеть дея. А обидеть его – значит обидеть султана. Тогда мы уж ни за что не получим разрешения на торговлю. Более того, наши корабли станут легкой добычей пиратов, которые плавают у берегов Алжира, пользуясь покровительством дея. Это нас разорит. Я должна

ехать – обо всем уже условлено.

– И как долго тебя не будет?

– По крайней мере три месяца.

– Три месяца! Черт побери, Скай! Слишком надолго мы с тобой разлучаемся.

Ее глаза загорелись:

– Поедем со мной, Найл! Поплывем в Алжир! Я понимаю, что наши семьи хотят нас торжественно поженить. Но раз мы будем помолвлены, никто не возразит, если ты будешь меня сопровождать. А когда вернемся, обвенчаемся в церкви. Поедем, любимый! Пожалуйста, поедем!

Мысль показалась лорду Бурку безрассудной и взбалмошной, он чуть было не сказал «нет», но потом представил долгую череду дней и ночей и тяжело вздохнул:

– Хорошо, Скай. Я поплыву с тобой, дорогая. Видимо, я вовсе сошел с ума, если собираюсь так поступить.

С радостным криком она бросилась к нему в объятия. Через несколько дней в той же самой часовне, где Скай крестили и где она вступила в брак с Домом, ее помолвили с лордом Бурком. Она сожалела, что в миг ее величайшего счастья нет рядом отца, но искренняя радость Макуилльяма скрасила печаль.

Едва церемония помолвки завершилась, как Скай оставила будущего мужа на попечение сестер, а сама отправилась следить за подготовкой кораблей к плаванию. Флот состоял из девяти судов во главе с флагманской «Чайкой». Вместе с

ней выходил в море отцовский «Король морей», корабль Анны «Королева тумана» – подарок покойного мужа к свадьбе – и шесть кораблей, принадлежащих Скай и сестрам: «Дочь бури», «Дочь мглы», «Дочь моря», «Дочь Запада», «Дочь Востока», «Дочь острова».

Каждый корабль был тщательно подготовлен к плаванию, трюмы наполнены провиантом, команды отобраны самой Скай. Она собиралась произвести хорошее впечатление на дея. Разрешение торговать с Алжиром открывало заманчивые перспективы.

После помолвки Найл Бурк попал на ют корабля, выходящего из бухты О’Малли навстречу катящимся голубым волнам Атлантики. По натуре он не был моряком и спокойно относился к морю. Но погода стояла сносная, и он стал привыкать к жизни на корабле. Гораздо труднее было привыкнуть к новой Скай: командуя флотом, она была совсем не похожа на девушку, которую он знал. Скай оказалась сведущей в области, о которой Найл не имел почти никакого представления. Мужчины на корабле, безоговорочно выполняя ее приказания, смотрели на нее с явным уважением. Не будь она прежней милой Скай в тишине своей каюты, лорд Бурк испугался бы амазонки, командовавшей маленьким флотом. К счастью, у него было чувство юмора.

Он навещал Скай в капитанской каюте, но спал в небольшом закутке у борта в компании волкодава Иниса. Собака привязалась к Найлу, и это восхищало Скай, которая помни-

ла, как Инис ненавидел Дома. Лорд Бурк забавлялся, дрессируя пса. Он оказался смышленным, но с плохими манерами. Найл проводил много времени в обществе того самого капитана Магуайра, который несколько лет назад вез его к Макуильяму.

Магуайр принялся учить его зачаткам кораблевождения, выразившись без лишних слов:

– Все О’Малли – наполовину рыбы. И если предстоит жечь на одной из них, нужно научиться понимать, почему они любят море, даже если не любишь его сам.

Лорд Бурк слушал, усваивал и начинал восхищаться теми, кто посвятил свою жизнь морю.

Вечера он проводил со Скай, хотя она и не пускала его к себе в кровать.

– В этом плавании я на корабле не пассажир, – объяснила она. – И если вдруг понадобится ночью, а мы в это время... – Ее голубые глаза блеснули, и он рассмеялся, несмотря на то, что был разочарован. В награду за его терпение она бросилась к нему в объятия и горячо расцеловала – грудь соблазнительно прижалась к нему, кончик языка дразнил его. Найл толкнул ее, сбил с ног, и они очутились на большой кровати. Скай почувствовала, как пуговицы ее рубашки расстегнулись, словно по волшебству, как он ртом потянулся к груди и стал ласкать губами соски, пока радостный трепет между ногами стал едва переносимым.

Потом он поднял голову, и серебристо-серые глаза терпе-

ливо посмотрели на Скай:

– Ты капитан корабля, любимая. Но если не возражаешь, я стану капитаном в нашей спальне. И если ты еще раз попытаешься меня соблазнить, я опрокину тебя на спину, прежде чем ты успеешь скомандовать: «Поднять паруса!» Ты поняла, любимая?

– Да, капитан, – ответила Скай, и он был польщен, заметив в ее глазах восхищение.

Погода оставалась на удивление хорошей, и «Чайка» во главе флотилии все дальше продвигалась на юг, обойдя предательский Бискайский залив, сильно углубившись в море. Теперь они шли вдоль береговой линии, мимо мыса Сан-Висенти, через Кадисский залив, потом через Гибралтарский пролив в Средиземное море.

Их отделяло от Алжира всего несколько дней пути, когда налетел неистовый шторм и разбросал корабли О’Малли. Бешеный ветер и огромные волны навалились на судно. Ливень обрушился на палубу, вода проникала в трюм. Шторм начал стихать. Они решили, что спасены, но тут пушечный выстрел возвестил о приближении берберийских пиратов.

Корабль, посланный на подмогу деям, чтобы обеспечить безопасное плавание, отнесло штормом, и теперь их атаковали два пиратских судна. Выбора не было – оставалось принять бой. Люди Скай выхватывали оружие, готовились встретить неприятеля. Полетели abordажные крючья, и «Чайка» оказалась пришпиленной к борту пиратского ко-

рабля. На палубе пушкари из всех сил старались потопить второй приближающийся корабль, а наверху со шпагой в руке Скай вела команду на защиту своего корабля.

В ужасе, восхищаясь ее мужеством и до смерти боясь за нее, лорд Бурк сам схватился за шпагу, но Магуайр оттащил его назад.

– Она делает все правильно, парень. Постой-ка со мной. А то она будет больше заботиться о твоей безопасности, чем о безопасности корабля. Мы ей не нужны. Если потребуется, всегда успеем подоспеть, а пока будем защищать от неверных это место. – И по-прежнему с трубкой в зубах он прыгнул вперед, чтобы встретить бородатого дикаря в тюрбане, пытавшегося забраться на ют.

Понимая, что Магуайр прав, Найл принялся помогать очищать от пиратов палубу.

Орудийная команда «Чайки» сумела потопить второй вражеский корабль, и люди О’Малли разразились победным криком и с удвоенной силой погнали с палубы пиратов. Между кораблями появилась полоска воды, и нападающие поспешили убраться к себе на корабль.

Что произошло дальше, не понял никто из уцелевших. Огромная волна – следствие недавнего шторма – ударила в борт корабля, и Бурк оказался в воде. Он слышал, как Скай звала его, потом в море прыгнул Инис и поплыл к нему. Найл видел, как с корабля быстро спускали лодку, и через несколько минут рассчитывал снова оказаться вместе с со-

бакой на борту «Чайки». На борту суежилась Скай:

– Боже! Скорее же, идиоты! Быстрее опускайте лодку, пока он не утонул. Если он или собака утонут, я вас всех пропашу под килем по пути в Ирландию!

Лодка коснулась воды, и гребцы быстро направили ее к лорду Бурку и Инису, барахтающимся в воде. Скай, свесившись с юта, лихорадочно руководила спасением. В пенном море темная голова Найла качалась рядом с серебристо-черной головой собаки. Увлечшись спасением, все совершенно забыли про пиратов. Вначале корсары были поражены, потом капитан кивнул одному из моряков.

Пиратское судно приблизилось к «Чайке». Матрос обхватил Скай поперек талии, и они вместе перелетели на разбойничий корабль.

Она яростно завопила, ногти вонзились в моряка, но он только рассмеялся – белоснежные зубы блеснули в черной бороде на фоне загорелого лица. Отбиваясь от пирата, Скай слышала крики, летевшие с ее корабля. Разбойники взялись за мушкеты и начали стрелять в воду, стремясь помешать спасению лорда Бурка. Наконец лодка достигла Найла, его с собакой подняли из воды.

– Слава богу, – всхлипнула Скай. Она слышала, как Найл зовет ее, и, воспользовавшись секундным замешательством пирата, вырвалась и закричала: – Найл! Найл!

В отчаянии он стоял в лодке и простирали к ней руки:

– Мы идем к тебе, любимая! Идем!

Раздался яростный залп мушкетов, и Скай увидела, как на его груди раскрылся красный цветок. В ужасе она не отводила глаз, а потом неистово закричала, когда лорд Бурк замертво свалился на дно.

– Боже, я убила его. Я его убила! – Она зарыдала. А потом ее сознание померкло, и она погрузилась в спасающую от боли темноту.

Часть 2

Алжир

8

Сад Халид эль Бея был прекрасен. Квадратный, он раскинулся за его виллой – двухэтажным мраморным зданием, парящим над городом Алжиром. Из дома и сада открывался великолепный вид: панорама города и ниже – недавно выстроенный турецкий форт Касбах, подножие которого лизали голубые волны Средиземного моря.

В саду росли лимонные и апельсиновые деревья, громадные лиственницы, пестрели розы всех мыслимых цветов и оттенков. Во всю длину протянулся Т-образный бассейн с фонтанами. Вдоль ухоженных дорожек из гравия то тут, то там располагались мраморные скамейки. В саду Халид эль Бея звонко переливались фонтаны, пели птицы, шелестел ветер в кронах деревьев, гудели пчелы.

Единственной обитательницей сада в тот миг была красивая женщина, устроившаяся в кресле. На ней был простой белый с голубым кафтан, изящные ноги обуты в кожаные сандалии. Кожа отливала белизной, лишь на щеках розовел румянец, глаза подведены синей краской. Густые ис-

синя-черные волосы в беспорядке разбросаны по плечам.

Халид эль Бей, вышедший из дома в сад, молча наблюдал за женщиной. Это был высокий мужчина средних лет, темные волосы только начинали седеть на висках. Кожа слегка золотилась, короткая черная борода, сияющие угольно-черные глаза, необыкновенно длинные для мужчины, красивые ресницы – весь его облик дышал достоинством и красотой. Он был не тучен, его тренированное тело бугрилось мускулами. Лицо имело форму овала, глаза широко расставлены, длинный нос по-аристократически прям, губы тонки, но чувственны.

Глядя на миловидную женщину, Халид эль Бей понимал: инстинкт его не обманул. Она и в самом деле очень красива, хотя два месяца назад это трудно было определить. Но Халид эль Бей под слоем грязи разглядел жемчужину и купил ее, несмотря на возражения Ясмин.

Она поправлялась медленно. В первую неделю эль Бей сам вливал ей между губ целительный куриный бульон. Она почувствовала его доброту и заговорила с ним с первым.

– Кто вы?

– Меня зовут Халид эль Бей.

– Где я?

– В моем доме в городе Алжире.

Она снова замолчала, но через мгновение вновь решилась задать вопрос:

– Как я попала сюда?

– Тебя привез капитан Райз эль Абдул. Скажи, красавица, как тебя зовут?

– Скай, – ответила она.

– Откуда ты?

Ее огромные, точно сапфиры, голубые глаза наполнились слезами.

– Не знаю, – всхлипнула она. – Спросите у капитана Райза эль Абдула. Он должен знать.

Халид эль Бей покачал головой:

– Нет, тебя перенесли к нему с другого корабля. Он только что вышел в плавание, а эль Абдул возвращался домой, и его окликнули с палубы. – И, заметив страх на ее лице, успокоил: – Не надо бояться, красавица Скай. Я уверен, вскоре память вернется к тебе. Ты – из Европы: мы ведь говорим по-французски, хотя твой акцент говорит о том, что ты не француженка. А сейчас отдохни. У нас еще будет время поговорить с тобой.

Но память к ней до сих пор не возвращалась. Мавританский врач внимательно ее осмотрел и нашел, что ей от восемнадцати до двадцати лет, что она не девственница и, вероятно, родила больше одного ребенка. Она не больна, зубы ее оказались целыми. Поскольку врач не нашел никаких повреждений, он заключил, что потеря памяти вызвана сильнейшим потрясением, о котором мозг старается не вспоминать.

Прекрасные глаза, которые в зависимости от настроения

изменяли цвет от небесно-голубых до зеленоватых, открылись и посмотрели на него.

– Господин Халид.

Он улыбнулся.

– Как ты себя чувствуешь, красавица? – Присел рядом и погладил ее по волосам.

– Мне гораздо лучше, господин.

– Мы должны поговорить с тобой, Скай.

– О чем, господин?

– Ты знаешь, меня зовут Халид эль Бей. Но у меня есть и другое имя. Меня прозвали Алжирским Сводником. Я владею множеством домов, наполненных красивыми женщинами, единственный смысл существования которых ублажать проходящих к ним мужчин. Я владею ими так же, как владею тобой.

– Мной? – не поверила Скай. – Вы владеете мной?

– Да. Капитан Райз эль Абдул купил тебя у капитана, а потом продал мне.

– А зачем вы меня купили?

Халид эль Бей улыбнулся. Потеря памяти затронула многое в ее голове.

– Я купил тебя, Скай, потому что намереваюсь сделать из тебя изящнейшую куртизанку, которую только знал Алжир. А потом помещу в свой лучший дом, именуемый «Счастьем».

– И что я должна буду там делать, господин?

– Ты не помнишь, как люди любят друг друга?

Скай покачала головой.

– Я прикажу Ясмин просветить тебя в некоторых вопросах, – вздохнул эль Бей. – А потом буду учить тебя сам. Завтра же и начнем – доктор уверил меня, что ты достаточно окрепла.

– Ясмин меня не любит, господин Халид.

– Ясмин рабыня, как и ты, Скай. И будет выполнять все, что я прикажу. Если она чем-нибудь тебя обидит, сразу же скажи мне об этом.

– Хорошо, господин. И спасибо вам, – тихо произнесла она. – Я буду старательно учиться, чтобы угодить вам.

Он размышлял над ее ответом. Халид эль Бей считал, что Скай – из благородной семьи и христианка. Но потеря памяти совершенно лишила ее всяких этических и религиозных принципов. Если бы удалось привить ей склонность к физической любви, она бы затмила всех куртизанок со времен Аспасии. Перспектива была блестящей, и Халид эль Бей взирал на нее с воодушевлением.

Вечером после ужина, отпустив рабов и отдав распоряжение мажордому относительно партнерши на ночь, он пригласил женщину, надзирающую за его знаменитым борделем. Ясмин расположилась напротив, и он в который раз восхищался ее красотой. Ей было около сорока. Но она была христианкой, а христианки – самые красивые рабыни. Он купил ее более двадцати лет назад. Она была обучена древнейше-

му ремеслу и стала его первой женщиной такого сорта. Благодаря ей он сумел поставить дело так, что далеко опередил своих конкурентов.

Бордели в Алжире большей частью располагались в портах и служили матросам всех национальностей. Богатые горожане имели собственные гаремы и не нуждались в подобных услугах. Но торговцы плотью приглядели один известный базар. Главный город северного побережья Африки – Алжир – встречал многих важных гостей. Они не желали женщин ни из борделей, ни с базара. Их-то нужды и решил удовлетворить Халид эль Бей и весьма в этом преуспел.

Женщины в его «Доме счастья» были самыми красивыми, самыми опытными и самыми веселыми во всем Алжире. Ни одна не походила на другую. Халид эль Бей гордился тем, что предлагал огромный выбор. Многие пытались ему подражать, но потерпели неудачу и единодушно прозвали его Алжирским Сводником. Но он владел не только «Домом счастья», частично или полностью ему принадлежали все городские бордели.

В мире дельцов его уважали и любили за честность и твердое слово. Но лично знали его немногие. Кто он, из какой страны – не знал никто. Его считали марокканцем, но на самом деле он был испанцем. Диего Индио Гойя дель Фуэнтес родился в древней и знатной семье, получил хорошее образование, должен был жениться и повел бы жизнь, обычную для знатного испанца. Но вмешалась судьба в облике пре-

красной марокканки по имени Нур. Они безумно влюбились друг в друга. Но она – правоверная мусульманка, он – христианин.

Диего Гойя дель Фуэнтес был давно помолвлен, и теперь его сестры стали безжалостно подшучивать над ним, рассказывая его суженой о Нур. Невеста, набожная девушка, считала своим долгом сообщить о мусульманке инквизиции. В тот день, когда Нур бросили в костер по обвинению в ереси, Диего, укрыв мокрое от слез лицо капюшоном, стоял в дальнем конце площади и беспомощно наблюдал, как сжигают любимого человека. Нур мучилась ужасно, и все же, когда языки пламени коснулись ее тела, она вознесла хвалу Аллаху. После этого Диего Гойя дель Фуэнтес навсегда исчез из Испании.

Несколько лет он бродяжничал по Европе и Ближнему Востоку и наконец обосновался в Алжире. Он сменил имя, и теперь его называли Халид, а титул «эль Бей» он получил после путешествий в Мекку и Медину. В память о Нур он перешел в ислам, хотя и не чувствовал в себе особой набожности.

К женщинам он относился с безразличием. Да, он помнил, как сладка была его потерянная любовь. Видимо, поэтому он, рабовладелец, принуждающий женщин к проституции, был им хорошим хозяином.

Впервые со времен Нур Скай тронула его, как женщина. Его подкупала ее незащищенность. Теперь он тщательно ин-

структурировал Ясмин.

– Почему вы возитесь с этой девчонкой, хозяин? – не понимала та. – Она не лучше тысяч других.

Голос прозвучал презрительно, и Халид эль Бей улыбнулся. Ясмин любила его все эти долгие годы, но он испытывал к ней не больше чувства, чем к другим женщинам. С того дня, как умерла Нур, его сердце не смогла завоевать ни одна из них.

– Скай теперь, точно ребенок, – терпеливо объяснил он. – Кое-что она и припоминает, но чувственные радости стерты из ее памяти. Она об этом ничего не знает, у нее нет никаких предрассудков. Если правильно взяться, можно вылепить из нее все, что мы захотим. – Он сознательно подчеркнул «мы», и Ясмин с готовностью подалась вперед.

– Это доставит хозяину удовольствие?

– Да, Ясмин, доставит. Скай – не только смазливое лицо и прекрасная фигура. Я чувствую ум, и это будет ее достоинством. Как куртизанки в древних Афинах, Скай усладит господ не только опытным телом, но и тонким умом. Она доставит удовольствие людям с тонким вкусом, таким, как комендант Касбаха Оттоман или какой-нибудь капитан из Италии, Франции или Англии. Мы с тобой, Ясмин, сделаем Скай загадочной, возбуждающей, желанной женщиной.

– Сделаю все, что от меня зависит, господин Халид. Научу всему, что я знаю. Даже тому, что скрываю от других. Скай будет единственной, самым совершенством.

На его лице появилась обворожительная улыбка:

– Ты всегда превосходила мои ожидания, Ясмин. Спасибо. – Он дважды резко ударил в ладоши и послал прибежавшего на зов раба за кофе. Потом опять повернулся к женщине: – В «Доме счастья» все в порядке?

– Неприятности с двумя девушками. Англичанка Сладостная Роза влюбилась в одного клиента и теперь отлынивает от работы. С вашего разрешения, я это исправлю: клиент, о котором я упоминала, хочет ее купить и взять в свой гарем.

– Продавай, но запроси самую высокую цену; мы ведь теряем хорошую работницу. А другая?

– Цыганка Риа совсем не подходит, хозяин. Думаю, ее следует примерно наказать.

– За что?

– Я послала ее с двумя другими девушками к турецким офицерам. Они сказали, что хотят поиграть в похищение. Мы условились, что девушки будут ждать в «Заоблачном приюте». Турки врываются туда и захватывают. Это невинная игра, тем более что все офицеры – наши постоянные клиенты с отличной репутацией. Другие девушки прониклись духом игры, мило покричали, прежде чем сдаться, а Риа завопила всерьез и принялась драться, исцарапала лица двум нашим гостям. Естественно, они ее скрутили, и я рада сообщить, что все шестеро насладились ею, несмотря на ее протесты. Но остальные две девушки почувствовали себя ущем-

ленными. Они разозлились, что Риа таким образом привлекла все внимание к себе. В конце концов я была вынуждена отослать ее и прислать взамен другую девушку.

– У нее и до этого были такие причуды, Ясмин?

– Нет. Конечно, она была совсем дикая вначале. Но с ней долго работали, и она хорошо справлялась. Я считала, она готова к такого рода забавам.

– А какова ее специализация?

– Она занимается оральным сексом, господин, и вполне с этим справляется.

Халид эль Бей на мгновение задумался:

– Быть может, ее в жизни когда-нибудь похищали? Игра напомнила ей о том событии и вернула страхи. Не ставь ее больше в подобную ситуацию. Пусть делает то, что умеет.

– Вы слишком добры, господин. Риа обидела наших гостей. Если они спросят, как я поступила с девушкой, что им ответить?

– Не дожидаясь, чтобы тебя спросили. Пошли уведомление тем двоим с расцарапанными лицами, что занимаешься этим делом, и пригласи их на вечер за наш счет.

– Как вам угодно, мой господин, – ответила Ясмин.

Халид эль Бей встал и помог подняться женщине.

– Думаю, тебе пора, – произнес он, мягко давая понять, что не задерживает ее больше. – Приходи завтра и начинай обучение Скай.

– Слушаюсь, мой господин. – И, поклонившись, она вы-

шла из комнаты.

Он вздохнул почти с облегчением. Ясмин красива и преданна, но в последнее время слишком возомнила об их отношениях. Он не знал, как с ней поступить. Освободить – значит лишь напомнить о ее положении: она рабыня и дочь раба. Халид улыбнулся, вспомнив, как много лет назад он с приятелем- египтянином приехал в имение, где выращивали людей. Работорговец из Александрии, знаток юношей и девушек, предпочитал покупать товар прямо в имении, где был лучший выбор.

Хозяин вывел к покупателю и его другу целую вереницу прекрасных девственниц и юношей. Среди них оказалась и Ясмин. Приятель Халида заметил, что девушку показывали в его прошлые визиты.

– Боже, – вздохнул хозяин, – она ведь прелестнее апрельского утра. Но я решил ее не продавать, а скрестить с нашим лучшим производителем.

– Какова ее родословная? – поинтересовался приятель.

– От Пифии и Ириса, – последовал ответ.

Приятель восхищенно присвистнул. Халид эль Бей не имел ни малейшего понятия, о чем они рассуждают, но что-то его тронуло в юной рабыне.

– Сколько ей лет? – спросил он.

– Пятнадцать.

– Немного старовата. А она девственница?

– Господин! – Хозяин фермы был возмущен.

Халид эль Бей рассмеялся:

– Я ее беру, дружище. И просто хочу знать, что я покупаю.

Хозяин заломил баснословную цену, и Халид эль Бей расхохотался ему в лицо, напомнив возраст девушки и вероятность, что она окажется бесплодной, если он вздумает не продавать ее, а пустит на развод. Они долго торговались, пока не сошлись в цене, устроившей Халида и, по словам торговца, вовсе его разорившей. Деньги были вручены, и Халид эль Бей оказался владельцем красивой рабыни с белокурыми волосами и зелеными, подобно Нилу, глазами.

Возвратившись в Александрию, он познакомил ее с радостями плотской любви. Ее обучали этому, но она никогда не пользовалась своими знаниями. Она прекрасно знала человеческое тело и его чувственные места, могла надолго возбудить даже импотента, прекрасно пела, аккомпанировала себе на лютне и так же хорошо танцевала. Проведя несколько недель в постели Халид эль Бея, обнаружила, что и с этим прекрасно справляется.

Как-то Халид пригласил гостей. Когда ужин был закончен, она танцевала для гостей. Потом он отослал девушку, сказав, что к ней могут наведаться один или два гостя, и просил ее доставить им удовольствие, потому что это доставит удовольствие ему. В итоге к ней попали четверо гостей, и с каждым она была обворожительна, терпелива и умела. Уезжая, они не могли нахвалиться на рабыню, и Халид эль Бей подарил ей нить коралловых бус. Следующую ночь, еще одну

ночь и еще много-много ночей Ясмин развлекала друзей хозяина. Потом в их доме появилась еще одна девушка, Алия. Если Ясмин была белокожей, то Алия – смуглой, с волнистыми волосами цвета воронова крыла, огромными карими глазами и пухлым ртом. К ярости Ясмин, она несколько дней делила с господином постель, но потом присоединилась к ней и стала развлекать его друзей.

Через несколько месяцев Халид эль Бей оставил обеих женщин на попечение друга-торговца, а сам совершил небольшое путешествие, из которого привез еще двух девушек. Их всех он перевез в Алжир.

Они обосновались в небольшом, удачно расположенном доме, и каждую ночь женщины Халида развлекали его друзей – от заезжих богачей до офицеров расквартированной в Алжире оттоманской армии. За год он приобрел еще двадцать девушек, купил большой дом, а к концу второго года владел пятьюдесятью женщинами и двумя домами. Тогда он и начал строительство своей виллы. К концу третьего года вилла была готова, а сам Халид эль Бей стал Алжирским Сводником. Две вещи оставались неизменными: хозяйкой женщин была Ясмин, постепенно превратившись из куртизанки в управительницу; и, как прежде, ни одна женщина не появлялась в его домах, прежде чем хозяин не испробовал ее сам. Это приближало их к господину, который все время ухаживал и заботился о них. Он никогда не принуждал женщин, и они его обожали.

Скай Халид считал чрезвычайно перспективной. При правильном обучении она могла стать его гордостью. В отличие от других, которые лелеяли тайную надежду, что когда-нибудь один из клиентов их купит и увезет к себе домой, она ничего не знала о браке. И если, как он полагал, у нее вовсе не было предрассудков, ее можно обучить некоторым экзотическим формам любви. А это будет стоить клиентам недорого.

Чем больше он думал о Скай, тем любопытнее ему становилось. Много раз он подглядывал за ней в ванной и в спальне. У нее была замечательная фигура и цвет волос, но больше всего поражала кожа – без изъяна. Вовсе без изъяна. Гладкая, приятного оттенка: словно топленое молоко, а может быть, слоновая кость. Он мечтал дотронуться до нее своими чувственными пальцами, губами. Мягка ли она? Да, несомненно, мягка. Мягкая и прохладная или гладкая и теплая? Он поежился от предвкушения. Хотя он и наслаждался своими женщинами, уже давно не мечтал так ни об одной из них. Но можно будет испытать чары Скай только через несколько недель. Он вздохнул и отправился к себе в спальню. Быть может, маленькая гурия, которую он выбрал в партнерши на сегодняшнюю ночь, удовлетворит его желание.

На следующее утро Ясмин начала давать уроки любви Скай. Она с неприязнью смотрела на молодую женщину, в душе чувствуя, что та станет ее серьезной соперницей. Но вместе с тем она знала: чем быстрее Скай научится всему,

что ей требовалось, тем быстрее покинет виллу Халида. А учить ее надо хорошо, чтобы господин был доволен.

– Ну-ка, разденься, – приказала Ясмин, и Скай, повинувшись, быстро сбросила платье. – Не так! У тебя чувственность, как у ослицы! Я тебе сейчас покажу. – Она расстегнула застежку красного платья так изящно, как будто играла на музыкальном инструменте. Поводя плечами, медленно, очень медленно она позволила платью сползти на пол, постепенно открывая спину, крепкие круглые ягодицы, ноги. Потом повернулась и посмотрела на Скай: груди у нее оказались большими, но упругими. Опустившись на колени, она склонила голову к полу и хрипло пробормотала: – Как будет угодно моему господину.

Затем Ясмин быстро вскочила на ноги и уже совсем обычным голосом сказала:

– Вот так надо раздеваться. Теперь попробуй ты.

Скай подняла платье, оделась, а потом, имитируя с усердием и сноровкой движения Ясмин, сняла его снова. Опустившись наконец на пол и склонив темноволосую голову, она спросила чистым приятным голосом:

– Ты этого от меня хотела?

– Да, – сухо ответила наставница. – К счастью, ты быстро учишься. А теперь обсудим благовония. Нет, нет, не трудись одеваться. Я покажу, где нужно смазывать благовониями. Женское тело – произведение искусства, но чтобы оно всегда оставалось таковым, над ним нужно постоянно рабо-

тать. — Она потянулась к стоявшей рядом корзине и подала Скай несколько зеленых листьев. — Мята. Пожуй их. Дыхание всегда должно быть свежим, а зубы чистыми. У нас все женщины — само совершенство. Это-то и делает их такими привлекательными. Мы не уличные девки, которых можно взять за мелкую монету. — Ясмин осторожно выложила несколько бутылочек на ковер. — Musk, серая амбра, розовое масло. Все наши благовония состоят из этих веществ. — Она открыла бутылочки и дала Скай понюхать. — Что ты предпочитаешь?

— Розы.

— Хорошо. Сама бы я тоже выбрала розовое масло. Хотя господин Халид говорил мне, что ты не девственница, от тебя веет невинностью. Именно эту твою черту мы и будем развивать — невинность часто возбуждает мужчин. Сейчас я покажу, как пользоваться розовым маслом. — Ясмин поднялась, взяла пробку большим и указательным пальцами и щедро надушила себя между грудей, потом аккуратно подняла каждую грудь и смочила благовонием кожу под ними. Затем тронула пробкой шею, затылок, кожу за ушами, запястья, подмышки, внутреннюю сторону рук под локтями. Опустив пробку в пузырек, она снова прикоснулась ею к пупку, лодыжкам, бедрам и треугольнику внизу живота. — Здесь благовониями надо пользоваться осторожно, — объяснила она. — Некоторые мужчины любят сладостный запах женщины, и его нельзя забивать другими.

Скай выглядела озадаченной, и Ясмин с любопытством посмотрела на нее:

– Ты и в самом деле ничего не помнишь? Как я тебе завидую. Для тебя все будет как в первый раз, но без боли первой брачной ночи. – И, оборвав себя, подала Скай розовое масло. – Покажи мне, как ты с этим справишься.

Скай старательно повторила все за наставницей, а когда закончила, выжидательно посмотрела на Ясмин.

– Ты забыла одно место, – проговорила та и, взяв у ученицы пробку, подняла ее груди.

– Не надо!

Женщина с удивлением посмотрела на Скай – с лица той слетела краска, тело напряглось, в глазах застыл ужас. Ясмин по-настоящему испугалась:

– Что с тобой? Ты нездорова?

Постепенно страх исчез из глаз девушки, и она возбужденно проговорила:

– Кажется, мне неприятно, когда меня касается другая женщина.

– Ты что-нибудь вспомнила, Скай?

– Нет, я ничего не помню, но когда я почувствовала прикосновение... – Она содрогнулась от отвращения.

Ясмин призадумалась. А что, если Скай не выносит прикосновений и мужчин? Тогда она не сможет стать проституткой, и деньги Халид эль Бея пропадут впустую. Обычно Ясмин знакомила учениц с мужским телом только на послед-

них занятиях, но со Скай она решила перейти к этой теме сразу же. Если девушка эмоционально неуравновешенна, у нее это тут же проявится. Она хлопнула в ладоши и приказала явившейся на зов рабыне привести нового евнуха Али. Потом повернулась к Скай:

– Есть два способа кастрации мужчин, – начала она. – В младенческом возрасте удаляют все, но при этом смертность очень высока. В других случаях удаляют семенную мошонку, но оставляют член. Мы покупаем только таких евнухов, потому что характер у них лучше. К тому же они бесценны, когда приходится рассказывать девушкам то, что они должны знать о мужском теле. А, Али, заходи! Скай, это Али. Посмотри, как он красив.

Юноша зарделся. Глаза Скай скользнули по его телу. Он и впрямь оказался привлекателен: высокий, с золотистой кожей, выющимися темными волосами и карими с поволокой глазами.

– Он великолепен, Ясмин.

Женщина довольно улыбнулась, потом резко приказала евнуху:

– Раздевайся, Али. – И скосила глаза на Скай, чтобы видеть, какое это произведет на нее впечатление. Не станет ли ей дурно? Не испугается ли она? Евнух расстегнул длинный балахон и, сняв его, аккуратно положил на стул. Потом выпрямился, ожидая приказаний. Ясмин открыто посмотрела на Скай. – Ну, что ты о нем думаешь?

– Я же сказала, он великолепен, – удивилась девушка.

– Его нагота не смущает и не пугает тебя?

– Нет, а я должна бояться?

– Не должна. Но некоторые женщины чувствуют страх.

А теперь, Скай, я хочу, чтобы ты подошла к Али, обняла и прижалась к нему.

Скай выполнила распоряжение наставницы, обвила шею евнуха руками и инстинктивно соблазнительно потерлась о него. Он поежился, ткнулся носом ей в ухо, сжал ягодицу, стиснул грудь. Глаза Скай потемнели от желания, она слегка выгнулась.

– Госпожа! – В голосе Али чувствовались умоляющие интонации, и Ясмин рассмеялась. Она узнала то, что хотела узнать: Скай не любит прикосновений женщины, но наслаждается близостью мужчин. Занятия можно продолжать. Прежде чем Али успел сказать что-нибудь еще, она отпустила евнуха, и тот скрылся, подобрав свое платье.

– Смешное существо, – заметила Скай. – Я ему понравилась?

Ясмин снова рассмеялась:

– Очень. И если бы ты была одна, он бы мог овладеть тобой. Позже, когда ты будешь знать больше, я ему это разрешу. Мы используем евнухов, чтобы совершенствоваться в нашем ремесле. – Она беспристрастно посмотрела на Скай. – Ты хорошая ученица, но на сегодня довольно. Завтра я приду в то же время.

Ясмин оделась и ушла, а Скай еще несколько минут сидела неподвижно. Потом ее рука медленно поднялась к груди. Она принялась нежно ласкать свое тело и с удивлением заметила, как твердеют ее соски. Она представила, что ее гладит мужчина, и почувствовала укол между ног. Как это было замечательно. Какие еще прелестные вещи стерлись из ее памяти? Вздохнув, она, нагая, легла на кушетку и вскоре заснула.

Тем вечером Халид эль Бей послал за Скай. Свежая после ванны, она только что закончила умащивать себя благовониями. Скользя в невесомое, цвета глицинии платье, она босая побежала по ковру, постеленному в коротком коридоре, ведущем в апартаменты господина.

– Как ты привлекательна! – приветствовал Скай Халид эль Бей, когда она вошла в комнату. Он заметил блеск ее кожи и завитки обрамляющих лицо темных, как полночь, волос. – Ясмин сказала, что урок прошел успешно. Она полагает, что ты талантливая ученица и быстро всем овладеешь. Она тобой довольна, поэтому доволен и я.

Ее лицо осветилось радостью.

– Я хочу угодить тебе, господин Халид. Без тебя я была бы никто.

Он взял ее за подбородок и заглянул в голубые глаза:

– Я так не считаю, моя маленькая заблудившаяся птичка. Вовсе не считаю. – Он улыбнулся девушке и нежно спросил: – Так чему ты сегодня научилась?

– Пользоваться благовониями и раздеваться перед господином.

– Разденься передо мной, – приказал он, усаживаясь среди ярких подушек, сложив крест-накрест ноги. – Представь, что я твой господин.

Она стояла перед ним очень прямо, пальцы едва коснулись перламутровых пуговичек, но одеяние было расстегнуто. Грудь едва мелькнула перед ним, и она отвернулась. Потом мучительно медленно сползло на пол шелковое платье, открывая спину и совершенные бедра. Скай повернулась к нему, глаза скромно потуплены, потом скользнула на пол, чисто и сладостно произнесла:

– Как будет угодно моему господину.

Мгновение он глядел на ее темную голову, потом дотронулся до своей туфли рукой. Он был поражен ее сообразительностью и умением и в то же время удивлялся себе: под парчовым одеянием его тело напряглось, а он ведь хорошо научился управлять им. Она подняла голову, и их глаза встретились.

– Ты доволен мною, хозяин? – невинно спросила она.

– Очень, – хрипло проговорил он. Внутренний голос твердил ему: «Не надо! Не надо!» Но как бы со стороны он услышал свой голос, приказывающий девушке: – Сядь со мной рядом, Скай.

Когда она устроилась у него на руках, он повернул ее к себе и коснулся губ. Они тотчас же раскрылись, и Халид эль

Бей почувствовал дыхание Скай. Его язык искал ее, нашел, их языки сплелись в любовной игре, и вдруг он почувствовал, как она берет его руки и кладет на свое обнаженное тело.

– Коснись меня, Халид, – призывно шептала она. – Пожалуйста, коснись меня!

Отчаянно пытаясь овладеть собой, он позволил рукам скользнуть вдоль ее тела. Никогда он еще не испытывал такого желания. Ее кожа была мягкая, гладкая и теплая. Она вскрикнула от удовольствия, и Халид задрожал. Он сорвал с себя одежду. Нельзя! Она не обучена! Ты все погубишь! Но уговоры не помогали. Губы потянулись к шее девушки, ниже, ниже, ненасытный рот впился в сосок. Потом, в отчаянии, он уступил желанию.

Навалившись на нее, он раздвинул девушке ноги и через секунду оказался в ее желанной теплоте. Повинуясь инстинкту, она обвила его бедрами и стала подлаживать движения своего жаждущего тела с его бешеным ритмом. Ее изящные пальцы скользили вниз по спине Халида к ногам, пока он не зарыдал от удовольствия. Скай ощутила растущую напряженность в теле, которая, достигнув невероятной силы, подняла ее, точно гигантская волна, и обрушила в темноту.

– Скай, Скай, – нежно шептал он ей на ухо, лаская ее тело.
– Я и забыла, как прекрасна любовь, – пробормотала она.
– А теперь ты что-нибудь вспомнила? – поспешно спросил он.

– Нет. Только то, что я делала это и раньше и что это мне

очень нравилось.

– Мне не следовало брать тебя, – заметил Халид. – Я тебя не напугал?

– Не напугал, Халид. Но, наверное, я разочаровала тебя своим неумением.

Он тихо рассмеялся:

– Нет, Скай, не разочаровала. Ты и в самом деле не обладаешь опытом куртизанки. Но отсутствие навыков и доставило мне наслаждение.

– Мне продолжать занятия с Ясмин, хозяин?

– Да. Твоя невинность очаровательна. Но не будет ничего дурного, если ты наберешься опыта. Научишься ублажать господ. Ведь долг женщины быть искусной в любви. А мне ты покажешь, чему тебя научит Ясмин.

Скай лежала на спине, спокойно и ровно дышала. Халид перевернулся на бок, чтобы видеть ее, его пальцы блуждали по нежному телу. Поежившись, она подняла на него голубые глаза. Он наклонился и поцеловал ее сначала в губы, потом в веки:

– Спи, Скай, и знай: я буду тебя охранять.

Она закрыла глаза. И опять он задумался: кто она такая, откуда? Без сомнения, знатная женщина, но из какой страны? Цвет кожи подсказывал, что она северянка, да он и не думал, что она испанка или француженка. Когда она впервые пришла в себя, он заговорил с ней по-французски, и она ответила ему, но он тут же почувствовал акцент. Может быть,

она англичанка или из каких-нибудь кельтских племен? Похоже, они об этом так и не узнают, пока к ней не вернется память.

Халид эль Бей не был уверен, что так уж хочет об этом знать. Это красивое существо как-то сумело проникнуть в его сердце. Давным-давно женщина не приносила ему ничего, кроме сексуального удовлетворения, но в Скай было нечто такое, к чему, он полагал, у него давно выработался иммунитет. У него возникло желание завести настоящий дом, чтобы в этом доме жили жена и дети.

Халид улыбнулся своим фантазиям. Очевидно, он стареет. Первый признак возраста – желание уйти на покой. Он снова взглянул на лежащую рядом женщину. Возможно ли это? Неужели он на самом деле любит ее? А если он женится на ней, а потом к ней вернется память? Но это было маловероятно. Врач сказал, что прошлое она вспомнит лишь в том случае, если лицом к лицу столкнется с тем, что ее так напугало.

И все же он не будет спешить. Пусть Скай продолжает занятия. Это ей не повредит. А потом он решит насчет будущего. Халид закрыл глаза, вздохнул и крепко заснул.

Ясмин была потрясена.

– Вы взяли необученную женщину к себе в постель, господин Халид? Что это на вас нашло, хозяин?

Халид эль Бей повернулся к ней:

– Ты злоупотребляешь нашими отношениями, Ясмин. Скай принадлежит мне, и я делаю с ней все, что хочу. На этот счет мне ни от кого не требуется одобрения.

– Я только хотела сказать...

– Ты дерзкая рабыня, – оборвал он ее. – Я редко берусь за кнут, но сейчас ты меня к этому принудишь. Лучше не доводи меня.

Она побелела и упала на пол, моля о прощении.

– Вставай, – холодно произнес он. – Иди заниматься со Скай. Но если я узнаю, что ты ее чем-нибудь обидела, я тебя продам. Ступай!

Ясмин с трудом поднялась и выскользнула из комнаты. Сердце ее колотилось. Никогда еще он не разговаривал с ней подобным образом. Она испугалась. Неужели он влюблен? Помилуй, Аллах! Ревность шевельнулась в ее сердце, и она ощутила к Скай бессильную ненависть.

Открыто она бы не решилась причинить ей вред, но когда Халид отправит ее в «Дом счастья», Скай окажется в полной власти Ясмин. С удовольствием она вспоминала сирий-

ского купца, дважды в год посещавшего их заведение и находившего особое удовольствие в созерцании двух женщин, занимающихся перед ним любовью, перед тем как он овладеет ими обеими. Зная отвращение Скай к женским прикосновениям, она собиралась наказать ее, побудив участвовать в развлечениях купца. А пока Ясмин подождет.

Войдя в комнату, она улыбнулась Скай и пожелала ей доброго утра.

– Сегодня мы повторим вчерашний урок и продолжим изучение мужского и женского тела.

Скай кивнула. Раздраженная ее выдержкой, Ясмин решила шокировать ее.

– Завтра, – объявила она, – я приведу девушку из «Дома счастья», и она вместе с Али покажет тебе любовные позы. – Ясмин внимательно посмотрела на ученицу.

– Это будет очень интересно, – ответила Скай с приводящим в бешенство спокойствием. – Мне нужно быстро научиться, чтобы угодить господину Халиду.

Ясмин прикусила нижнюю губу, чтобы не завопить: невозмутимость Скай выводила ее из себя. Что это – одна из тех женщин, которые на вершине страсти не ощущают ничего? Если это так, ее нужно научить изображать чувство, потому что ничто не бесит и не разочаровывает мужчину больше, чем не отвечающая на его страсть женщина. Ясмин поняла, что обучение Скай может оказаться не таким легким, как она предполагала. Но она продолжит занятия, а когда они

будут завершены, Скай станет великолепнейшей из женщин в «Доме счастья». И тогда Халид поймет, насколько ценна для него Ясмин, и наконец сделает ее своей первой женой. Она так долго ждала, безропотно охраняя интересы господина.

Оборвав грезы, Ясмин окликнула евнуха Али и разделась. – Надо знать чувствительные места на мужском и женском теле, Скай, – объяснила она. – Небольшая, как у тебя, грудь обычно очень чувствительна, и чрезвычайно нежна область в треугольнике внизу живота. Покажи, Али!

Ясмин легла среди подушек, и молодой евнух расположился рядом с ней. Заинтересованная Скай наблюдала, как он ласкал мягкие груди женщины сначала руками, потом ртом. Евнух двигался не спеша. Но вот груди Ясмин стали тверже, из губ вырвался стон. Али торжествующе улыбнулся Скай и потянулся к животу партнерши. Его палец потирал, гладил, ласкал. Женщина снова вскрикнула.

Али склонился, чтобы коснуться губами того места, где только что блуждал его палец. Ясмин страстно закричала. И тут Скай внезапно закрыла глаза и содрогнулась. В мозгу промелькнуло видение: на кровати сплелись тела белокурого мужчины и женщины. Что-то злое было в этой картине. Она силилась вспомнить и не могла, и в этот момент возглас удовольствия Ясмин вернул ее к действительности.

Женщина лежала раскинувшись, жаждущее тело покрывали капельки пота, евнух откатился на спину и закрыл гла-

за. Наконец Ясмин пришла в себя и заговорила:

– Вот один из способов, как женщина может получать и доставлять удовольствие, хотя более важно, чтобы удовольствие приносила именно ты. Скоро я покажу тебе, как это делается, а пока хочу, чтобы Али поласкал тебя, как он только что ласкал меня. Мне нужно знать, как ты будешь реагировать на подобные ситуации. Иди на мое место.

Какое-то мгновение Скай испытывала неудобство. Когда ночью ею овладел Халид эль Бей, это было естественно, но она не хотела, чтобы к ней прикасался опытными руками мерзкий Али. С неожиданным вызовом она заявила об этом. Изумленная Ясмин сначала онемела, но дар речи быстро к ней вернулся.

– Я не спрашиваю, хочешь ты этого или нет, это приказ. Как ты посмела не подчиниться мне? Наш господин Халид отдал тебя в мое распоряжение, и если ты меня ослушаешься, я тебя изобью.

– Не посмеешь, – выпалила Скай. – Ты такая же рабыня, как и я. И если повредишь мне, господин Халид тебя жестоко накажет!

Ясмин коварно улыбнулась:

– С твоей красотой ничего не делается. Я заставлю Али бить тебя по пяткам. Это жестокое, но действенное наказание для капризных рабов.

Скай побледнела, но голос ее звучал ровно:

– Я не позволю ему до меня дотрагиваться, а если ты по-

смеешь сделать мне больно, немедленно сообщу господину Халиду о твоей жестокости.

– О какой жестокости ты говоришь, Скай? – Халид эль Бей уже некоторое время стоял в дверях.

Скай обернулась и бросилась к нему в объятия.

– Я не могу этого сделать. Не заставляй меня, господин. Пожалуйста, не заставляй!

Его глаза потеплели, руки защищающе обвили её вокруг, и он поцеловал её в темную макушку.

Ясмин раздраженно заворчала:

– Мне приказано обучить её искусству любви. Но она мне не подчиняется, а вы её прощаете!

– Я не позволю Али трогать меня таким образом!

– Я не смогу оценить твою чувственность, если не увижу её!

Халид эль Бей спрятал улыбку:

– Позволь мне тебя ласкать, чтобы Ясмин узнала то, что ей нужно.

– Хорошо, – просто ответила она.

Не говоря ни слова, он раздел её и уложил среди подушек. Руки, ласкающие её небольшие груди, стали необыкновенно нежными. Скай восторженно вздохнула, когда его опытные пальцы, играя, сжали гладкую мягкую кожу. Горячая ладонь гладила живот, потом спустилась вниз к тому самому чувственному месту. Скай не сдержала крика радости, Халид нашел её губы, и они слились в жарком поцелуе. Когда на-

слаждение стало постепенно угасать, Скай открыла глаза – он глядел на нее сверху вниз, потом повернул голову, и ее поразил его ястребиный профиль.

– Ты узнала, что тебе было необходимо, Ясмин?

Женщина не шевелилась. Ее огромные зеленые глаза потемнели и стали почти черными на бледном лице.

– Она хорошо отзывается на прикосновения мужчины. Так ведь, Ясмин?

– На ваше прикосновение, господин Халид.

– Отныне, Ясмин, ты не должна принуждать Скай к тому, что она не желает делать. Ты научишь ее всему, что знаешь, а практиковаться она будет со мной. Лишь я один буду поправлять или наказывать ее. Ты меня поняла?

– Да, господин. – Женщина послала Скай ненавидящий взгляд.

– Тогда на сегодня достаточно. – И, отпустив Ясмин и Али, Халид подал руку Скай. – Одевайся, радость моя. У меня в саду есть роза, которая называется «Восторг любви». Как раз сегодня она расцвела, и я хочу тебе ее показать.

Они остались одни. Скай не спеша надела платье, скользнула ступнями в сандалии. Низкий голос Халида нарушил окружавшую их тишину.

– Что в сегодняшнем занятии так растревожило тебя?

– Когда я увидела, как Али овладевает Ясмин, мне стало не по себе. Как будто я уже видела такое, и в этом таилось что-то недоброе. Но что это было, я вспомнить не смогла и

испугалась. Евнух, несмотря на свое положение, так уверен в своей власти над Ясмин. Он так заносчиво мне улыбался, и я поняла, что не смогу вынести его прикосновения. Ты недоволен мной, Халид?

– Я доволен тобой, Скай, – он обнял ее. – Кем бы ты ни была в своей прошлой жизни, ты не распутница, и это меня устраивает. Может быть, я изменю свои планы в отношении тебя. А теперь пойдем смотреть розы.

– Ты не прогонишь меня? – Ее голос дрожал от испуга.

– Нет, – Халид взял ее за плечи и посмотрел в поднятое к нему лицо. – Нет, я не прогоню тебя, маленькая заблудившаяся девочка.

И снова Скай была удивлена, заметив нежность в его глазах.

Ночью Халид эль Бей устроился в одиночестве на террасе, расположенной на крыше здания. Небо над ним походило на черный шелк, усыпанный кристалликами голубых звезд. Ветра не было, и в недвижимом воздухе плавал запах раскрывшегося к вечеру душистого табака. Халиду стало ясно: куртизанкой Скай не будет. Ее память погрузилась во мрак, но остались строгие моральные устои. Завтра он известит Ясмин, чтобы та прекратила занятия со Скай. Всему он научит ее сам.

Теперь он мог признаться себе, что любит эту женщину. Его обрадовало ее отвращение к прикосновениям Али – Халиду эль Бею не хотелось, чтобы Скай развлекала других

мужчин в «Доме счастья». Он хотел, чтобы она жила с ним, любила одного его и родила ему детей. Да, он любил ее настолько, что готов был сделать своей женой. Он чувствовал себя юношей и впервые после встречи с Нур ощутил надежду. Может быть, усмехнулся он, Бог и существует на небесах. И с миром в душе он спустился по лестнице в свои покои.

К удивлению, он обнаружил на своем диване среди подушек Скай. Какое-то время он смотрел на нее, потом поцеловал в щеку. Она пошевелилась, открыла великолепные, точно сапфиры, глаза и села.

– Я испугалась, – быстро проговорила она, – что рассердила тебя. Если ты прогонишь меня... – она запнулась, стараясь собраться с мыслями. – Ты все, что у меня есть, Халид. Я ничего не помню. И если ты меня прогонишь, я умру!

Он нежно обнял женщину.

– Много часов я провел наедине с ночной тишиной и понял, что у тебя есть только одна судьба, моя нежная Скай. – Она задрожала в его руках, и он успокаивающе провел ладонью по ее волосам. – Ты будешь моей женой, любимая. Я буду заботиться о тебе и защищать тебя, Скай. Никогда прежде я не хотел жениться и много лет не любил женщину по-настоящему. У меня было много женщин, но ни одна не тронула моего сердца. Ты понимаешь, в чем тут разница?

– Да, – прошептала она. – Ты наслаждался их телами, как если бы они были куклы.

– Ты все понимаешь, Скай. – Он улыбнулся в полутьме

комнаты. – А теперь скажи, ты все еще боишься?

– Нет.

– Ты довольна, как я решил поступить с тобой? Ты хочешь стать моей женой?

– Да.

– Милая Скай... Я люблю тебя и хочу, чтобы ты была счастлива. Если мысль о замужестве со мной тебе неприятна, скажи об этом прямо. Я не хочу принести тебе горе.

– Ты оказываешь мне большую честь, – тихо проговорила она. – Но я не уверена, люблю ли я тебя. А ты заслуживаешь любящей жены.

– Любовь придет, родная. Пусть тебе будет хорошо.

Она подняла на него глаза:

– Тогда я с радостью стану твоей женой, господин. – Ее глаза доверчиво сияли, и, как показалось Халиду, в них даже светилось счастье. – Обещаю, что постараюсь сделать тебя счастливым, – застенчиво промолвила она.

– Ты уже сделала меня счастливым, – ответил Халид, и его губы потянулись к ней.

Скай ощутила желанный аромат и почувствовала на груди ласкающие руки, потом его язык коснулся ее соска и кружил, кружил вокруг чувственной плоти, пока дыхание Скай не сделалось прерывистым. Он положил ее на подушки и осторожно раздвинул ноги. Она застонала, почувствовав его внутри себя, и этот стон привел его в восторг.

Нежные руки Халида гладили ей спину, блуждали по телу,

сжимали округлые ягодицы.

– Халид! О Халид! – жарко выдохнула Скай прямо ему в ухо. – Люби меня сильнее. – Она крепче прижалась к нему, подладившись под его ритм, и они оба двигались вместе, пока не затерялись в диких водоворотах страсти.

Их желание друг друга было настолько велико, что Скай потеряла сознание, и, к изумлению Халида, он сам был близок к обмороку. Засеяв ее тайную ниву, он содрогнулся от наслаждения, потом лег рядом, обхватив ее руками, и поцеловал.

– Боже! Я обожаю тебя, – шептал он снова и снова.

Скай медленно выкарабкивалась из темноты и слышала, как ее звал чей-то ласковый голос.

– Найл, – пробормотала она. – Найл.

Халид окаменел.

– Скай, дорогая, – проговорил он. – Открой глаза. – И когда она повиновалась, спросил: – А кто такой Найл, любовь моя?

Ее глаза затуманились непониманием:

– Найл? – повторила она. – Я не знаю никакого Найла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.